

В. И. СТАРЦЕВ

ШТУРМ ЗИМНЕГО

В. И. СТАРЦЕВ

ШТУРМ ЗИМНЕГО

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

ЛЕНИЗДАТ • 1987

Рецензенты:
доктор исторических наук *Н. Я. Павлов*,
кандидат исторических наук *М. А. Молодцыгин*

С77 Старцев В. И.
Штурм Зимнего: Документальный очерк. — Л.:
Лениздат, 1987. — 136 с., ил.

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде в 1917 году завершилось падением Зимнего дворца и престом Временного правительства. Привлекая интересные документы и материалы, автор — доктор исторических наук — рассказывает о руководстве В. И. Ленина, большевиков штурмом последнего оплота буржуазии, об участии в восстании народных масс — красногвардейцев, матросов, солдат.

Выпускается к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Расчетана на идеологический актив, всех, кто изучает историю СССР и КПСС.

С 0505030100—076
М171(03)—87 10—87

66.61(2)257

© Лениздат, 1987

ОТ АВТОРА

Автор никогда не мог быть свидетелем тех событий, о которых рассказано в книге, так как родился почти через четырнадцать лет после штурма Зимнего. Лишь изучению истории и исторических источников об этом замечательном подвиге питерских рабочих, солдат и матросов обязан он своими знаниями.

Даже внешне Зимний дворец изменился за прошедшие годы. Я помню его темно-бурым: его не красили два десятка лет (были дела поважнее). В конце тридцатых годов его выкрасили масляной краской в два цвета. Стены стали кораллово-розовыми, а колонны — светло-бежевыми. Архитекторы искали прообраз исторической окраски Зимнего. Лишь после войны ее нашли, и вот он стал таким, каким уже больше трех десятилетий мы привыкли видеть его. Но в 1917 г. Зимний был красного цвета, красного же цвета были и здания Главного штаба и Министерства иностранных дел, и сама Арка Главного штаба.

Стараясь проникнуть во все подробности штурма Зимнего, воссоздать для себя последовательность событий в их многообразии, я много раз ходил и по площади, и по залам и коридорам Зимнего дворца. Директор Государственного Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский познакомил меня с научным сотрудником музея Павлом Филипповичем Губчевским, который многие годы собирал документальные фотографии, документы и свидетельства мемуаристов о штурме Зимнего дворца. Он выступал и как археолог, исследуя с помощью исторических фотографий современные залы. Многие из них подвергнулись с 1917 г. неоднократной переделке, и П. Ф. Губчевский стремился мысленно воссоздать их внешний вид в момент штурма Зимнего. Он щедро поделился с автором книги знаниями, накопленными за десятилетия, день за днем водил по комнатам всех трех этажей дворца, рассказывал о его тайнах, о маленьких лесенках и несуществующих ныне подъездах. Было это

в 1966—1967 гг. Сейчас Павел Филиппович уже на пенсии, но его школа, его уроки — солидный вклад в накопление знаний нашей исторической науки о главном событии Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

А после одной из радиопередач, которую я вел из дворца вместе с известными ленинградскими журналистами Л. С. Мархасевым и Н. Н. Машинджиновой, пришло письмо от кандидата педагогических наук Н. В. Галаниной. Она в 1916—1917 гг. была сестрой милосердия в госпитале, который размещался в Зимнем дворце. И снова путешествия по залам Зимнего, изучение сохранившихся фотографий, чтобы точно установить топографию госпиталя. Таков никогда не прекращающийся поиск историка. Назову еще ленинградского краснеда, неутомимого охотника за историческими деталями А. Г. Петрова. Это он разыскал бывшего канонира-воспламенителя Петроградской отдельной крепостной артиллерийской роты В. И. Смолина, вступил с ним в переписку, которая опубликована в четвертом томе альманаха «Прометей» за 1967 г. и стала веским доказательством того, как артиллерия Петропавловки обстреливала Зимний поздно вечером 25 октября.

Так по крупицам собиралось то, о чем хочется рассказать читателю. Источниками этой экскурсии о штурме Зимнего стали не только книги и документы, но изучение вещественных памятников, залов и лестниц, простукивание стен и исследование артиллерийских орудий. И даже «личные впечатления», как ни странно. Весной 1967 г. по сценарию, написанному мною вместе с С. Н. Семановым, режиссер «Леннаучфильма» М. Игнатов снимал документальный фильм «Последние часы» (имелось в виду Временное правительство). Съемки шли в Малахитовом зале и в Малой столовой Зимнего дворца, где «временные» провели свое последнее заседание. И вот как-то поздним вечером, в перерыве между съемками, свет в зале был погашен, только отблески настольной лампы через открытую дверь из Малой столовой проникали сюда. Стоя у окна, я физически вдруг ощутил то, что должны были чувствовать эти окруженные во дворце люди, глядя из окон Малахитового зала вечером 25 октября после предъявления им ультиматума от Военно-революционного комитета Петроградского Совета. В нем говорилось, что в случае отказа капитулировать начнут стрелять пушки Петропавловской крепости и «Авроры».

Совсем близко, за окнами Малахитового зала, погруженная во мрак, таинственная, враждебная и угрожающая крепость. Страх, одиночество и обреченность должны были испытать запертые во дворце люди. Известно, что снаряды из пушек Петропавловки попали в угловую комнату третьего этажа почти над самым Малахитовым залом. Так что угроза артиллерийского обстрела была реальной...

О штурме Зимнего написаны уже не одна книга и много статей. Подробно об этом событии говорится в десятой главе коллективной монографии «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» (Л.: Наука, 1967, кн. 2). Более коротко данный вопрос освещен в книге «Революционный Петроград. Год 1917» (Л.: Наука, 1977, глава VIII). Вместе с известным московским историком, доктором исторических наук А. Я. Грунтом автор подготовил также иллюстрированную книгу «Петроград — Москва, июль — ноябрь 1917» (М.: Политиздат, 1984). Большое место в ней отведено изложению событий общенационального кризиса в России осенью 1917 г., а также рассказу об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде.

Предлагаемая вниманию читателя книга не только обобщает то, что уже было написано ранее, но отчасти содержит и новые материалы. Автору хотелось бы рассказать сегодняшнему жителю нашего города, особенно молодому, о главном событии XX века, о легендарном подвиге героев Октября. Как ни странно, специальной книги о штурме Зимнего дворца не издавалось уже 50 лет. И хотя нельзя рассказать о взятии революционными войсками резиденции Временного правительства, не возвращаясь назад, не говоря кратко о ходе революционных событий в предшествующие месяцы, все же главное внимание и автора, и читателей будет приковано на страницах книги к Дворцовой площади, к удивительному, прекрасному, романтическому и героическому дню 25 октября 1917 г.

Книга эта популярная и почти не содержит ссылок на источники, которые приведены в научных исследованиях, перечисленных выше. Кроме того, в конце книги дан список основных монографических и коллективных исследований об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде.

ВЫСШАЯ ТОЧКА РЕВОЛЮЦИИ

Итак, перенесемся в Петроград 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 6 часов вечера... Жители нашего города, собирающиеся 7 ноября каждого года на праздничные торжества, знают, что светает у нас в это время поздно, а в 5 часов вечера солнце уже заходит. К шести вечера город охватывает настоящая ночная мгла. Она разгоняется лишь уличными фонарями. На Дворцовой площади стояли все те же фонарные столбы, что и сейчас. Только светильники были иные. Но и они давали достаточно света. Кроме того, отблески освещенных окон второго этажа падали на булыжную мостовую площади.

Внешний вид площади был необычен. Вокруг Александровской колонны огромным прямоугольником были сложены дрова. Зима ожидалась суровой. Английского угля, которым отапливались домовые котельные в столице, здесь не видели с начала мировой войны, донецкого же угля не хватало и для заводов. Попеволе город перешел на дрова. Да и большинство частных квартир, имевших печное отопление, тоже не могли остаться без дров. Заготовленные городской думой дрова для продажи населению были сложены на Дворцовой площади. При «старом режиме», до 27 февраля 1917 г., из-за отсутствия специальных складов дрова сваливали на Марсовом поле. Но после 23 марта 1917 г. этот склад пришлось убрать: в четырех огромных братских могилах здесь были похоронены 180 человек, убитые во время Февральской революции. Площадь Жертв революции — так скоро назовет Марсово поле Петроградский Совет. А дровяной склад перенесли на площадь перед бывшим царским дворцом.

Другой огромный штабель дров, привезенных для отопления Главного штаба, как бы запирали площадь со стороны Невского проспекта, оставляя свободным лишь небольшое пространство для проезда автомобилей вдоль трамвайной линии, шедшей на Дворцовый мост. И в 6 часов вечера 25 октября по этой линии еще проходили

последние вагоны трамвая. Тут были «пятсрка», «четверка», «семерка». Они и потом еще ходили по тому же маршруту более тридцати лет, до реконструкции Невского проспекта, когда здесь были сняты трамвайные пути.

Еще один штабель дров, пониже, всего метра два высотой, но пошире, рядов в пять, был сложен у главных ворот Зимнего дворца. Дрова и предназначались для отопления дворца. Защитники Зимнего дворца — юнкера Школы прапорщиков инженерных войск (тогда прапорщик был первый офицерский чин, соответствующий нынешнему младшему лейтенанту) по распоряжению своих командиров установили наверху штабеля два пулемета «максим». У пулеметов дежурила юнкерская прислуга.

Следует напомнить также, что сад Зимнего дворца тогда был обнесен чугунной решеткой в стиле барокко. Решетка стояла на высоком, около трех метров, постаменте из красного песчаника (сейчас от всего этого сооружения остался лишь гранитный фундамент, который отделяет сад Зимнего дворца от тротуара). От угла этой решетки до штабеля дров у здания Главного штаба в сумеречном свете фонарей просматривалась редкая цепь юнкерских постов. Было холодно и зябко, временами моросил дождь. Юнкерам было страшно и хотелось как можно скорее спрятаться куда-нибудь, а не стоять вот так, живыми мишенями на открытом месте...

Посты юнкеров находились также у двух подъездов Зимнего дворца: у левого, который в царское время назывался Собственным Ее Величества подъездом, и у правого, Комендантского. Левый подъезд вел в помещения, занятые юнкерским караулом, который в обычные дни насчитывал 700 человек, а сейчас был доведен до двух с половиной тысяч. Комендантский подъезд вел в служебные квартиры высших служащих министерства императорского двора. Теперь многие из них были выселены из Зимнего, а их квартиры заняли высокопоставленные чиновники Временного правительства. Ряд квартир пустовал. 24 октября сюда ввели полуроту 1-го Петроградского женского батальона, 136 «ударниц» (ударные батальоны формировались с лета 1917 г. для продолжения империалистической войны). Днем 25 октября к ним прибавилось еще три сотни казаков. Их верховые лошади, упряжки с пулеметами находились во дворе Зимнего дворца. Здесь же стояла батарея Михайловского артиллерийского училища из шести трехдюймовых

орудий на конной тяге с двумя зарядными ящиками. Трехарочные ворота Зимнего защищал броневик.

Общая численность защитников Временного правительства доходила до трех тысяч человек, в распоряжении их командования были пехота, кавалерия, артиллерия, броневик, немало пулеметов, винтовок и револьверов, боеприпасов. С таким гарнизоном за толстыми стенами дворца можно было обороняться не один день. Но моральный дух защитников Временного правительства, отстаивающих несправое дело, падал все ниже, по мере того как наступала темнота.

Дозорные с тревогой оглядывали Дворцовую площадь. И всюду, у выходов на улицы и проезды, они замечали движение плотных масс народа. Слышался отдаленный гул. Рабочий и солдатский Петроград готовился к атаке на Зимний. На Миллионной улице за Зимней канавкой, за Певческим мостом, во дворе у Капеллы, на Морской улице за Аркой Главного штаба, на Невском за прикрытием штабеля дров, на Адмиралтейском проспекте за решеткой Александровского сада появились солдаты гвардейских частей под командованием младших офицеров и унтер-офицеров, бок о бок с ними стояли красногвардейские отряды. А высадившиеся на пристани у Николаевского моста матросы кронштадтского десанта замыкали кольцо окружения Зимнего со стороны Адмиралтейства. Обе стороны готовились к последнему бою...

Этому бою предшествовали многие важные события в стране после свержения самодержавия в феврале 1917 г. Рабочие Петрограда явились застрельщиками революционной борьбы против царизма. Они по призыву большевистской партии первыми вышли на улицы 23 февраля. В течение двух последующих дней стачка в Петрограде стала всеобщей. Рабочие прорывались в центр города, устраивали демонстрации и митинги. «Долой самодержавие!», «Долой войну!», «Хлеба!» — таковы были их главные лозунги. Сил полиции было явно недостаточно, и царские власти бросили против рабочих войска. Опасаясь неблагоприятного впечатления на союзных послов, командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов не решался на крутые меры в отношении демонстрантов. И за три дня общения с революционным народом солдаты в значительной мере стали сочувствовать рабочим, отказыва-

лись видеть в забастовщиках «врага внутреннего». И когда 26 февраля С. С. Хабалов, повинуясь повелению Николая II «прекратить в столице беспорядки», отдал приказ силой и оружием разогнать демонстрантов, участие в этом палаческом акте произвело переворот в сознании солдат. Уже днем 26 февраля четвертая рота запасного батальона гвардии Павловского полка перешла на сторону демонстрантов, но ее выступление было подавлено. А утром 27 февраля вспыхнуло восстание в Волынском полку, быстро охватившее около 25 тысяч солдат расположенных рядом с волынцами частей. Восставшие солдаты с оружием в руках кинулись к рабочим Орудийного завода на Литейном проспекте. Вместе они освободили заключенных из тюрьмы при Окружном суде и подожгли здание суда. Затем рабочие и солдаты перешли Литейный (Александровский) мост и соединились с бастующими рабочими Выборгской стороны. Вместе они захватили Финляндский вокзал, освободили заключенных тюрьмы «Кресты». В течение дня 27 февраля на сторону восставших перешло 66 тысяч солдат. К ночи на 28 февраля 1917 г. стало ясно, что народное восстание победило и царское самодержавие свергнуто¹.

Главными действующими силами революции были рабочие и солдаты. Последние в своем большинстве состояли тогда из крестьян. Но политические выгоды из свержения самодержавия прежде всего получили не его непосредственные участники, а русская буржуазия. Она, отгораживаясь от народных масс, на свой страх и риск тоже вела борьбу с самодержавием. Но борьба эта больше напоминала торговлю. Используя легальные рамки куцега российского парламента, Государственной думы, русская буржуазия, сколотившая в Думе так называемый прогрессивный блок во главе с партией кадетов (к. д., сокращение от «конституционные демократы»), пыталась убедить царя Николая II в необходимости уступок. Они требовали от него формирования «правительства доверия страны», в котором ключевые посты принадлежали бы представителям русских буржуазных партий и крупного капитала. Под влиянием буржуазных лидеров находилась целая система общественных организаций, которые во имя успешной мобилизации сил страны для ведения войны вынужден был разрешить Николай II. Это была система военно-промыш-

¹ Подробнее см.: *Старцев В. И.* 27 февраля. М., 1984.

ленных комитетов с Центральным во главе. Его председателем стал лидер буржуазно-помещичьей партии октябристов А. И. Гучков. Затем существовал Земский и городской союз (Земгор), объединявший усилия местных самоуправлений — городских дум и земств — для обеспечения санитарно-медицинской службы и улучшения снабжения армии снаряжением и боеприпасами. Под прикрытием этой работы Земгор занялся политикой, помогал Государственной думе. Под влиянием буржуазии в значительной мере находились съезды врачей и учителей, различные научные и творческие общества и союзы.

Таким образом, в целом русская буржуазия сумела хорошо политически организовать к моменту свержения царизма, что дало ей определенные преимущества перед народными массами.

Подлинными выразителями интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства были российские большевики во главе с В. И. Лениным. Но, к сожалению, еще с 1903 г. российское социал-демократическое движение было расколото на две фракции, превратившиеся со временем в самостоятельные партии: революционную — большевиков и реформистскую, соглашательскую — меньшевиков. Имелось и несколько мелких промежуточных групп и организаций. Кроме этих партий была еще партия социалистов-революционеров, или эсеров. Они оспаривали руководящую роль рабочего класса в революционном движении, отводили такое же руководящее место «трудовому крестьянству» и «трудовой интеллигенции». Эсеры были наследниками теорий народников семидесятых — восьмидесятых годов XIX века. В то время капитализм в России делал только свои первые шаги, а рабочие представляли еще крайне незначительную часть населения страны.

Когда началась первая мировая война, только большевики открыто осудили ее империалистический характер и призвали рабочий класс всех воюющих стран превратить империалистическую войну в войну гражданскую и повернуть оружие против своих правительств, положив тем самым начало социалистической революции в Европе. За подобные выступления царское правительство сразу же закрыло большевистскую легальную газету «Правда», обвинило в антигосударственной и антипатриотической деятельности большевистских депутатов Государственной думы, предало их суду и сослало в Восточную Сибирь. Большевики лишились всех своих

легальных руководящих центров в стране. В. И. Ленин в это время находился в эмиграции, в Швейцарии. Но несмотря на это, большевики, продолжая работать нелегально, поддерживали связи с заграничной частью ЦК РСДРП(б), действовали по указаниям Ленина.

Меньшевики сохранили свою фракцию в Государственной думе, легальные органы печати. Правда, у них произошел раскол, правая часть открыто поддержала войну, заняла шовинистические позиции, некоторые — меньшевики-интернационалисты — пошли за большевиками, осуждая войну. Их было больше среди политических эмигрантов за рубежами страны, чем в самой России. Самая большая по численности часть меньшевиков занимала центристские позиции. Похожим положение было и у эсеров, однако влияние эсеровской партии на ход событий до Февральской революции было незначительным. В Думе эсеры маскировались участием в так называемой «Трудовой группе» (крестьянской), председателем которой был адвокат А. Ф. Керенский.

Меньшевики поддержали призыв буржуазных лидеров, добившихся от правительства соответствующего разрешения создать при военно-промышленных комитетах «рабочие группы». Конечно, сознательная часть пролетариата, шедшая за большевиками, бойкотировала эти «рабочие группы», но меньшевики опирались на «рабочую аристократию»: печатников, работников радио- и электротехнической промышленности, а также на новые слои рабочих. В Петрограде численность рабочих с начала мировой войны увеличилась в полтора раза и достигла на 1 января 1917 г. почти 400 тысяч человек. Это новое пополнение рабочего класса оказалось резервом прежде всего для мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, которые называли себя «социалистическими», а на деле стремились к сотрудничеству с буржуазией.

Меньшевики еще в начале 1905 г. разработали «теорию», согласно которой после свержения самодержавия должно быть создано буржуазное временное правительство, призванное осуществить в стране демократические свободы и обеспечить легальное существование рабочей партии, подобно тому как это сделано в ряде западноевропейских государств. Что касается социализма, то меньшевики считали, что социалистическая революция должна произойти сначала в развитых капиталистических странах Европы, а уж потом, когда рабочий класс станет большинством в стране, можно говорить о каких-

то перспективах для социализма в России. Если революция все же разразится, то надо стараться ввести ее в рамки классового сотрудничества, помогать буржуазии установить буржуазно-демократические порядки и парламентский строй и ни в коем случае не претендовать на власть, чтобы не отпугнуть буржуазию от революции. Эта «теория» с новой силой возродилась в разгар Февральской революции и энергично проводилась лидерами меньшевиков в Петрограде в жизнь.

Совершенно иную позицию занимали большевики. Еще весной 1905 г. В. И. Ленин внес ценный вклад в учение марксизма о революции. Он доказывал, что после победоносного восстания против царизма должно быть создано правительство революционных классов — временное революционное правительство, которое будет проводить политику в интересах трудящегося большинства населения, а не буржуазного меньшинства. Буржуазии и ее партиям вообще нет места во временном правительстве. Оно включит в свой состав представителей революционного пролетариата и крестьянства. Ленин имел в виду партии социал-демократов и социалистов-революционеров. Такое правительство явится по своему классовому содержанию революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Большевики должны были бы войти в такое правительство, с тем чтобы обеспечить перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Первая русская революция, как известно, закончилась поражением, и эти идеи не смогли пройти практическую проверку. Уже в годы мировой войны, осенью 1915-го, Ленин внес важные дополнения в теорию революции. Так, в частности, он указывал, что, если в России произойдет революция во время войны, большевики не войдут в одно революционно-демократическое правительство не только с представителями буржуазии, но и с социалистами-шовинистами, выступающими за продолжение империалистической войны. Они не поддержат лозунг «защиты отечества», выдвинутый таким правительством. Вместе с тем развитие событий в такой революции может поставить у власти и одну партию большевиков, которая не откажется от этой власти и сформирует свое правительство, первой задачей которого будет предложение немедленно заключить мир¹.

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 48—51, статья «Несколько тезисов». Большевики предложили бы мир на условиях

Исходя из этих установок, большевики в ходе революционных выступлений рабочего класса, особенно с конца 1916 г., призывали к созданию временного революционного правительства, а меньшевики — к поддержке буржуазного временного правительства. Именно через меньшевиков, трудовиков и частично эсеров буржуазия надеялась получить поддержку народа в случае свержения самодержавия, захватить власть в свои руки. И после начала движения 23 февраля, когда большевики во главе масс звали их на братание с солдатами, на захват полицейских участков, тюрем и правительственных зданий, меньшевики в контакте с представителями буржуазной общественности готовили почву для передачи плодов народной победы в руки буржуазных лидеров Государственной думы.

Несмотря на героизм рабочих и солдат, несмотря на сотни жертв, принесенных ими, плодами их победы над царизмом воспользовались их классовые враги — буржуа. Большевики, исходя из ленинских указаний, требовали создания временного революционного правительства. Но их было слишком мало в тот момент в революционном Петрограде. В первые дни после свержения самодержавия удалось собрать лишь около 3 тысяч членов партии. Это на город, в котором тогда проживало 2,5 миллиона человек, было почти 400 тысяч рабочих, около 170 тысяч солдат! Конечно, силы меньшевиков и эсеров в столице были еще меньшими, однако они сумели в первые же часы победы восстания использовать те организационные преимущества, которые давала им легальность, опереться на связи и знакомства с лидерами буржуазных партий, организаций и прогрессивного блока Думы. Им удалось направить шестые части составивших к Таврическому дворцу, резиденции Государственной думы, чтобы оказать ей политическую поддержку (Дума была распущена царем до начала апреля, с 27 февраля 1917 г.).

Таврический дворец стал организационным и политическим центром движения. Здесь было объявлено о создании Временного исполнительного комитета Петроградского Совета. В него вошли лишь два большевика, оказавшиеся в этот момент во дворце. Большинство ис-

---

освобождения всех колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Если бы правительства воюющих государств отвергли это условие, большевистское правительство призвало бы народ к революционной войне.

исполкома состояло из меньшевиков разной окраски. Это организационное засилье меньшевиков в Совете было закреплено и на первых официальных заседаниях только что избранных депутатов.

С другой стороны, в созданный Думой Временный исполнительный комитет были введены меньшевик Н. С. Чхеидзе и трудовик (вскоре он объявил о своей всегдашней принадлежности к партии эсеров) А. Ф. Керенский. Чхеидзе был одновременно избран и председателем Петроградского Совета, а Керенский — его первым заместителем. Так было закреплено организационное единство руководства движением и со стороны буржуазии и со стороны «революционной демократии». Руководствуясь своими убогими взглядами пособничества буржуазии, руководители исполкома Петроградского Совета вопреки настойчивым возражениям большевиков приняли решение о передаче формального почина образования новой власти Временному комитету Государственной думы, отказались создать временное революционное правительство. В ночь на 2 марта они на специальной встрече между представителями исполкома и думского комитета заявили о том, что передают правительственную власть в руки последнего.

И 2 марта образование буржуазного Временного правительства стало фактом. В него вошел лишь один представитель «революционной демократии» — Керенский. 2 марта общее собрание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов подавляющим большинством голосов приняло резолюцию о поддержке буржуазного Временного правительства постольку, поскольку оно будет выполнять свои обязательства по демократизации внутреннего строя страны. О прекращении войны, о передаче земли крестьянам ни в этом постановлении, составленном меньшевиками, ни в первой декларации Временного правительства даже не говорилось. 3—4 марта политическая фаза буржуазно-демократической революции в России полностью закончилась. Вся полнота исполнительной и законодательной власти в стране вплоть до созыва Учредительного собрания передавалась Временному правительству.

Как будто буржуазия могла торжествовать. Но ее приход к власти состоялся не так, как ей хотелось. Более того, никакого Совета рабочих и солдатских депутатов буржуазия не предусматривала. Тем более ее лидеры не могли себе представить, что именно в руках этого Совета сосредоточится реальная власть в столи-

це, а само правительство попадет под контроль Совета. Создалось крайне редкое положение в истории — двоевластие. Слабое из-за отсутствия реальной силы (верной полиции и жандармерии, воинских формирований, готовых выполнять приказы власти) правительство буржуазии держалось исключительно за счет поддержки, оказываемой ему Петроградским Советом, которому доверяли в тот момент все рабочие и солдаты страны. Но те, кто владел этой реальной силой, не хотели всю власть взять в свои руки. Наоборот, они все время боялись того, как бы от власти не отшатнулась буржуазия.

Задача большевиков состояла теперь в том, чтобы изменить состояние двоевластия в пользу Советов, передать им всю власть в государстве и тем лишить власти буржуазное правительство. Это, однако, было далеко не просто. Солдаты, крестьяне и даже часть рабочих поверили, что созданное в результате революции Временное правительство тоже является революционным, раз ему доверяет Петроградский Совет. Они полагали, что после свержения самодержавия война потеряла свой империалистический характер, что теперь надо защищать свою «молодую свободу» от бронированного кулака немецкого императора Вильгельма II. Так развилось «революционное оборончество». Народ надеялся, что Временное правительство обеспечит начало мирных переговоров и передаст после решения Учредительного собрания всю помещичью землю крестьянам.

Чтобы изменить политику Советов, нужно было прояснить сознание рабочих, солдат и крестьян, доказать им на фактах повседневной жизни, что буржуазное Временное правительство является злейшим врагом народа, что солдаты не получают свободы, народ — мира, а крестьяне — земли из рук буржуазной власти. Надо было доказать, что вожди Петроградского Совета из меньшевиков и эсеров обманывают массы, когда призывают поддерживать Временное правительство.

Эти задачи поставил перед российскими большевиками В. И. Ленин, вернувшийся из эмиграции в Петроград 3 апреля 1917 г., в своих знаменитых «Апрельских тезисах» — выдающемся программном документе большевистской партии, творческого марксизма¹. Тезисы давали ответ на самые жгучие вопросы момента: об отношении к империалистической войне, которая и при

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118.

Временном правительстве не изменила своего грабительского характера, о недопустимости уступок «революционному оборончеству», о разъяснении добросовестно заблуждающимся массам их ошибок. По вопросу о власти тезисы В. И. Ленина констатировали переходный момент революции от первого этапа, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства. «Никакой поддержки Временному правительству!» — требовал Ленин от большевистской партии. Он разъяснял партии значение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в которых тогда большевики находились еще в меньшинстве. Именно республикой Советов — возвращение от них к лозунгу обычной парламентарной республики было бы шагом назад — должна была стать новая революционная Россия. В. И. Ленин определил в «Апрельских тезисах» также задачи партии в области экономической и аграрной программы, по внутрипартийным вопросам.

Тезисы были встречены в штыки меньшевиками и эсерами. Они вызвали недовольство и замешательство у Л. Б. Каменева и его немногочисленных сторонников. Часть членов партии не могла сразу сориентироваться в связи с кажущимся противоречием плана борьбы за социалистическую революцию, выдвинутого В. И. Лениным, его положениям 1905 г., гласившим, что буржуазно-демократическую революцию можно считать законченной только тогда, когда на месте свергнутого в результате вооруженного восстания самодержавия будет создано временное революционное правительство из представителей революционных партий, без буржуазии, которое станет органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Разоблачая полуменьшевистский характер взглядов Каменева, борясь против клеветнической кампании буржуазной и эсеро-меньшевистской прессы, В. И. Ленин терпеливо и настойчиво объяснял товарищам по партии суть своих революционных взглядов, указывал на ошибки и недоразумения. Обсуждение «Апрельских тезисов» проходило в Петрограде в обстановке живой заинтересованности большевиков в судьбах революции, в поисках наилучших путей перехода ко второму ее этапу. Душой этого очищающего, революционного процесса был сам Владимир Ильич Ленин. В его статьях «Письма о тактике», «О двоевластии» и многих других разъясня-

лись особенности переживаемого Россией политического момента, указывалось, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась в лице Петроградского Совета, по действует она в оригинальном переплетении с диктатурой буржуазии в лице Временного правительства. Это открыло перед российским пролетариатом возможность мирного развития революции, лозунгом которого должен стать призыв «Вся власть Советам!». Ленин выступал на районных собраниях большевиков, на собраниях солдат и рабочих, на Первой Петроградской общегородской конференции большевиков. Итогом этой гигантской работы Ленина было быстрое сплочение вокруг платформы борьбы за социалистическую революцию большинства столичной партийной организации, а затем и большинства участников VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), проходившей в Петрограде 24—29 апреля 1917 г.

Большевики развернули борьбу за массы по всей стране, но прежде всего в политическом центре революции — Петрограде. Они разъясняли массам их заблуждения, разоблачали империалистический характер войны, антинародную суть буржуазного Временного правительства, критиковали соглашательскую политику эсеровских и меньшевистских вождей Петроградского Совета. Каждый день революции и каждая неделя стали подтверждать правоту Ленина и большевиков.

20—21 апреля солдаты и рабочие вышли на улицы, возмущенные нотой министра иностранных дел кадета П. Н. Милюкова, обещавшего союзникам России по Антанте — Англии, Франции, Италии и Японии, что страна будет воевать до победного конца. Этим был нанесен удар по оборонческим иллюзиям масс. Временное правительство отправило в отставку Милюкова и Гучкова — наиболее активных деятелей его империалистической политики. Но лидеры Петроградского Совета спасли буржуазную власть. Они приняли предложение руководящего ядра Временного правительства (туда входили министр-председатель Г. Е. Львов, Н. В. Некрасов, А. И. Коповалов, М. И. Терещенко и А. Ф. Керенский) послать своих представителей в правительство и образовать коалицию буржуазных и «социалистических партий». Такое правительство было создано 6 мая 1917 г.

Войдя в правительство, меньшевики и эсеры обещали, что они предпримут энергичные шаги в пользу за-

ключення демократического мира без аннексий и контрибуций, издадут законы, обеспечивающие передачу земли в руки крестьян, конфискуют прибыли капиталистов, переложат на них бремя военных расходов.

А в это время эсер Керенский, занявший в новом правительстве пост военного министра, разъезжал по фронту и в сотнях речей призывал солдат выполнить приказ о наступлении, если этот приказ будет отдан им, «старым революционером». Эти речи производили большое впечатление на пассивную и неразвитую еще в политическом отношении солдатскую массу. Керенскому удалось сделать то, что не смог сделать бывший военный министр Гучков. 18 июня 1917 г. было начато наступление русской армии на Юго-западном фронте, и солдаты выполнили данный им приказ.

Лишь большевики говорили народу правду: этим наступлением правительство хотело показать союзникам, что революция не подорвала военной мощи России, что она сможет продолжать войну до победы, а следовательно, и получить свою долю империалистической добычи в новом разделе мира.

Если коалиция добилась успехов в организации наступления, то все другие обещания нового правительства, которые щедро уснащали его публичную декларацию от 6 мая, остались невыполненными. Представители буржуазной партии кадетов тормозили в правительстве все попытки меньшевиков и эсеров принять отдельные законы в интересах рабочих и крестьян. Все это вызвало рост недовольства политикой Временного правительства.

Беспочвенность надежд на коалицию доказывали и большевики во всей своей агитационной работе, на страницах газет, в публичных выступлениях на фабриках, на заводах, в казармах. Авторитет партии рос, она завоевывала новых сторонников среди рабочих, солдат, матросов и крестьян. Однако большинство в Советах все еще принадлежало соглашательским партиям. На проходившем 3—24 июня в Петрограде Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов большевики составляли только 10 процентов от всех делегатов. Возникла неравномерность в росте политического сознания народных масс. В Петрограде он происходил быстрее, чем в провинции. Свидетельством этого стали выборы в районные самоуправления в столице в конце мая — начале июня. На них большевики получили 20 процентов голосов. Сравнение приведенных по-

казателей говорит о том, что Петроград оставался авангардом революции.

Выступая на Первом Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин в ответ на заявление министра почт и телеграфов И. Г. Церстели о том, что в России нет политической партии, которая выразила бы готовность взять целиком власть на себя, заявил: «Есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается. <...>... окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу»¹.

Солдаты и рабочие столицы, чтобы выразить свою волю перед съездом Советов, требовали устроить общегородскую политическую демонстрацию против политики коалиционной власти, против министров-капиталистов под лозунгом передачи всей власти Советам. Идя навстречу этим пожеланиям, ЦК РСДРП(б) назначил демонстрацию на субботу, 10 июня. Она, в частности, должна была показать эсеро-меньшевистским руководителям съезда Советов, что столичные рабочие и солдаты далеко обогнали по своим политическим взглядам и настроениям соглашательское большинство съезда. Именно поэтому, опасаясь утраты своего влияния на массы, президиум съезда во главе с меньшевиками и эсерами запретил проведение большевистской демонстрации. Меньшевик Церстели требовал расправы с большевиками, разоружения воинских частей, в которых преобладали большевистские построения. Но руководители съезда убедились, что напряжение в городе нарастает. Тогда они сами назначили демонстрацию на 18 июня, надеясь укрепить доверие к Временному правительству. Но эта демонстрация, в которой участвовало 500 тысяч рабочих и солдат, прошла под большевистскими лозунгами и превратилась в крупную политическую победу большевиков.

В. И. Ленин считал, что, хотя Советы, послав своих представителей во Временное правительство, и утратили часть реальной власти, двоевластие в целом еще сохраняется, а следовательно, и мирный период развития революции, мирная возможность сосредоточения всей полноты власти в руках Советов остается. Это нашло отражение в таком лозунге масс, как «Долой десять министров-капиталистов!» (шесть остальных министров в правительстве были «социалистами»).

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 267.

Однако после начала наступления на фронте политическая обстановка в Петрограде еще более обострилась. Массы рвались на улицы. Большевики призывали рабочих и солдат к выдержке, к спокойствию, к накопленно сил. И все же, несмотря на усилия большевиков по сдерживанию масс, 3 июля их недовольство вновь стихийно прорвалось. Солдаты 1-го пулеметного полка и рабочие Выборгского района явились застрельщиками новой антиправительственной демонстрации под лозунгами передачи власти Советам.

После того как демонстрация стала фактом, большевики присоединились к движению, чтобы придать ему организованный и мирный характер. 4 июля уже по призыву большевистской партии состоялась грандиозная демонстрация, в которой участвовало до 500 тысяч рабочих и солдат, многие с оружием в руках. Воензированные контрреволюционные организации, связанные с реакционным офицерством из штаба Петроградского военного округа, узнав о готовящейся демонстрации, приняли свои меры. Они еще с июня ждали случая преподать кровавый урок питерским рабочим и солдатам. И теперь, установив во многих местах города пулеметы, контрреволюционеры открыли вечером 3 июля стрельбу по демонстрантам. Провокационные обстрелы продолжались и 4 июля. Демонстранты отстреливались. В итоге за два дня в Петрограде было убито и ранено около 700 человек.

Политическая обстановка 3—4 июля отличалась чрезвычайной сложностью. Коалиционное правительство утром 3 июля распалось: кадеты вышли из него из-за разногласий по национальному вопросу. Казалось, что лозунг демонстрантов «Вся власть Советам!» как нельзя более уместен. Именно это требование выставляли рабочие и солдаты в ночь на 4 июля и днем 4 июля у Таврического дворца, резиденции Центрального Исполнительного Комитета Советов (ЦИК) — органа, избранного 24 июня съездом Советов, к которому перешла руководящая роль в советской системе, до этого принадлежавшая исполкому Петроградского Совета.

Но меньшевики и эсеры из ЦИК отказались выполнить это требование. Испугавшись нового подъема революционных настроений масс, лидеры ЦИК обратились за поддержкой к штабу Петроградского военного округа, санкционировали вызов карательных войск с Северного фронта. Правительство было в растерянности. И реальная власть перешла в руки контрреволюцион-

ной восницыны. Командующий округом генерал П. А. Делловцов к вечеру 4 июля 1917 г. сумел собрать на Дворцовой площади солдат Преображенского полка, казаков, солдат команды увечных воинов — всего около трех тысяч человек. Их подвергли психологической обработке, зачитали им «документы» о связях Ленина и других большевиков с германским генеральным штабом. Документы эти были фальшивыми и клеветническими. Обманув не искушенных в политике солдат, их заставили участвовать в карательных операциях против демонстрантов и большевиков. Контрреволюция перешла в наступление.

В ночь на 5 июля была разгромлена редакция большевистской газеты «Правда», начались аресты большевиков, разгромы их районных комитетов. Партия решила укрыть Ленина в подполье. С утра 5 июля он перешел на нелегальное положение. Вечером 6 июля в Петроград с фронта вернулся Керенский. Он привез весть о полном провале русского наступления. Плохо подготовленное, без резервов, наступление натолкнулось на свежие немецкие войска, сменившие австрийцев. Армия откатилась назад. Военное поражение обернулось политическим: союзники поняли, что мощь русской армии утрачена. Керенский обвинил в поражении большевиков, которые требовали заключения подлинно демократического мира. Он не только одобрил произвольные действия военных властей против большевиков в Петрограде, но и предложил принять ряд законов против большевиков и революционных солдат.

Князь Г. Е. Львов подал в отставку с поста премьера, и «социалист» Керенский стал новым министром-председателем Временного правительства. 7 июля был опубликован приказ об аресте В. И. Ленина и ряда других большевиков. Войска, принявшие участие в июльской демонстрации, подверглись разным карам, а 1-й пулеметный полк — полному расформированию. Вскоре были восстановлены смертная казнь на фронте и военные суды. Официально была закрыта большевистская газета «Правда» и ряд других газет. Контрреволюция организовалась и наступала по всему фронту...

Керенский, став главой правительства, первым делом добился независимости от контроля ЦИК, который в полной мере осуществлялся ранее, в период первой коалиции. И 8 июля ЦИК объявил правительство Керенского «правительством спасения революции» и вручил ему всю полноту власти. Так и формально кончилось

двоевластия. К 25 июля Керенский закончил формирование своего правительства, которое снова было коалиционным: в нем теперь поровну были представлены буржуазные и мелкобуржуазные партии, называвшие себя «социалистическими». Мотивный в русские Бонапарты, Керенский решил, что резиденция старого правительства, довольствовавшегося Марининским дворцом (теперь в нем помещается Ленинградский городской Совет народных депутатов), для него не подходит, и в конце июля новое правительство пересехало из Марининского дворца в Зимний.

В. И. Ленин с 10 июля скрывался в Разливе, под Петроградом. Анализ изменений политического положения в стране после июльских дней, содержащийся в ленинских произведениях 10—26 июля 1917 г., лег в основу политического доклада ЦК РСДРП(б) на VI съезде партии (с ним выступил И. В. Сталин). Съезд проходил в Петрограде с 26 июля по 3 августа. Ленинские идеи были доведены до всех делегатов и в напечатанной специально в Кронштадте и розданной участникам съезда брошюре В. И. Ленина «К лозунгам». В тезисах «Политическое положение», в брошюре «К лозунгам» и ряде других работ В. И. Ленин констатировал конец двоевластия, временную победу контрреволюции, организовавшейся и захватившей власть в государстве после июльских дней. Он предложил временно снять лозунг «Вся власть Советам!», который мог быть теперь понят как призыв передать власть эсеро-меньшевистскому руководству ЦИК, запятнавшему себя палачеством. Ленин выдвинул смелый призыв подготовки к свержению контрреволюционной власти буржуазии путем вооруженного восстания, победить в котором трудно, но все же возможно при условии возникновения нового революционного подъема на почве недовольства масс продолжением войны и экономической разрухой.

Кроме вышеуказанных работ В. И. Ленин написал специальные тезисы к VI съезду партии¹. Кратко изложив свой взгляд на развитие революционных событий в России после свержения царизма, Ленин в этом документе проанализировал ход и значение стихийного движения 3—4 июля, предательскую политику партий меньшевиков и эсеров, роль главной буржуазной партии — кадетов — в победе контрреволюции, упадок Советов рабочих и солдатских депутатов, переживавших

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 443.

агонию из-за того, что «не взяли вовремя в свои руки всей государственной власти». В заключенные тезисы говорилось:

«В интересах пролетариата была бы теперь более систематическая и длительная подготовка к новой революции, чтобы собственный опыт масс привел их к сознанию ее необходимости и до конца разоблачил военную диктатуру, по отношению к которой составившееся недавно коалиционное правительство играет лишь роль ширмы.

Но нельзя забывать, что и военный и продовольственный кризис и ряд других условий могут вызвать громадную катастрофу невиданной силы. Обязанностью пролетариата, особенно в столице, явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и социалистическому переустройству общества»¹.

Ленинские идеи были одобрены подавляющим большинством делегатов съезда и легли в основу принятой съездом резолюции по политическому положению². Все решения VI съезда партии были подчинены главной и основной цели: подготовить пролетариат и беднейшее крестьянство к вооруженному восстанию, к победе социалистической революции. Выпущенный от имени съезда манифест призывал рабочих, солдат и крестьян накапливать силы и под знаменем большевистской партии готовиться к решающей схватке с буржуазией.

Так начался новый этап в развитии революции, период политической, а затем и технической подготовки вооруженного восстания, которое вечером 25 октября приходило к своему завершению. Здесь, на Дворцовой площади и в Зимнем дворце, должно было закончиться успешно развивавшееся рабочее и солдатское восстание.

---

¹ Текст ленинских тезисов «Основные мысли» с некоторой правкой редакционной комиссии съезда см. в приложении к монографии А. М. Совокина «В преддверии Октября» (М., 1973, с. 336—341).

² См.: Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 255—257.

Прежде чем рассказать о последнем сражении сил революции и контрреволюции, заглянем, читатель, в Зимний дворец, который более полутора веков был официальной резиденцией российских императоров. Ширилась, набиралась сил молодая Россия — строился, обновлялся дворец. Он должен был символизировать могущество нового государства, полновластно заявившего о себе в европейской и мировой политике. 51 год, с 1711-го по 1762-й, строился дворец, пока не принял под руководством знаменитого архитектора В. В. Растрелли знакомые нам очертания. В 1837 г. грандиозный пожар уничтожил почти все внутренние помещения дворца, и после этого он обновлялся и перестраивался вновь. Во дворце свыше тысячи комнат и залов. И после Екатерины II, которая стала первой хозяйкой нового Зимнего дворца, появились во дворце апартаменты Николая I, Александра II, Александра III. Каждый император устраивался на новом месте, а помещения его предшественника объявлялись мемориальными. Николай II выбрал себе комнаты второго этажа северо-западного угла Зимнего с видом на Адмиралтейство и Неву. Уже в 1904 г. он избрал в качестве своего постоянного местопребывания Александровский дворец в Царском Селе, а в Зимнем бывал лишь наездами да на официальных приемах и церемониях. Во время первой мировой войны Николай II сделал широкий жест и разрешил дворцовому ведомству устроить в ряде парадных комнат второго этажа с окнами на Неву госпиталь для рядовых солдат. Это должно было символизировать «единение царя и народа». Так возник в Зимнем дворце госпиталь имени цесаревича Алексея Николаевича, который просуществовал до ноября 1917 г. Тысяча раненых находилась на излечении в госпитале и 25 октября стала невольным свидетелем исторического штурма.

В начале августа 1917 г. по решению Временного правительства бывший царь Николай II и его семья

были сосланы в город Тобольск. Между тем правительство объявило о национализации царских дворцов и образовало художественно-историческую комиссию по приему ценностей Зимнего дворца во главе с кадетом Ф. А. Головиным. Первая задача комиссии состояла в том, чтобы отобрать наиболее ценное и эвакуировать в Москву, в Оружейную палату, поскольку стратегическое положение Петрограда считалось угрожаемым. Такая работа проводилась и раньше. Еще до Февральской революции в Москву были отпущены царский трон, короны, регалии. Теперь настала очередь для других ценностей и украшений.

Комиссии пришлось поторапливаться, ибо по «правовопреемству» Временное правительство решило занять апартаменты Николая II и его жены императрицы Александры Федоровны. Была срочно вынесена вся стильная мебель и специально заказанные для дворца гарнитуры. Взамен все в комнаты доставили обычную канцелярскую мебель: письменные столы, стулья, которые имелись в дворцовых запасах и в помещениях бывшего дворцового ведомства. Стены, обитые шелком, вместе с развешенными на них картинами затянули холстом. Поставили телефонные аппараты, настольные лампы, сделали отводы из электрических шнуров в нужных местах. Лишь кабинет Николая II был сохранен в качестве «мемориального».

Сам Керенский тоже обосновался в Зимнем — на третьем этаже, над половиной Николая II, в бывших апартаментах Александра III. Это дало почву для многих насмешек: ведь Керенского тоже звали Александром! Но будущий кандидат в диктаторы руководствовался не только престижными соображениями. В Мариинском дворце Временное правительство было беззащитно. Его едва не арестовали в дни апрельского кризиса. В тысяче комнат Зимнего было легче спрятаться. Сразу же после переезда Керенский завел большую вооруженную охрану из юнкеров. Для их размещения были использованы комнаты второго этажа, так называемой Первой запасной половины, окнами на Дворцовую набережную.

II огромных залов северо-восточного крыла дворца занимал госпиталь. Среди них хорошо знакомые ленинградцам Николаевский, Гербовый, Георгиевский (Большой тронный), Малый тронный, Пешный пикет, Александровский. Вход в госпиталь был с Иорданского подъезда со стороны Невы. Именно с этого подъезда

посетители сегодня попадают в Государственный Эрмитаж. Помещения, занятые госпиталем, были отгорожены от остальных наглухо закрытыми дверями из Александровского зала (выходящего окнами на Дворцовую площадь), а с другой стороны — пустым Концертным залом. За Концертным залом расположена Малахитовая гостиная, избранная Временным правительством в качестве своего зала заседаний. От Малахитовой гостиной по северной и западной сторонам дворца в бывших покоях Александры Федоровны и Николая II разместились канцелярии и аппарат правительства, кабинет заместителя министра-председателя (в угловой комнате, бывшем кабинете царицы). В библиотеке Николая II Керенский обычно проводил совещания с военными. Помещения правительства кончались у Салтыковской лестницы. Именно этой лестницей и этим подъездом, выходящим в сад Зимнего дворца, пользовались министры. Через сквозной вестибюль, в котором находилось бюро пропусков, можно было попасть и во двор.

По Салтыковской лестнице можно было подняться на третий этаж, где находились квартира Керенского, кабинет и канцелярия министра-председателя. Лестница имела выход в Темный коридор, куда свет прощкал только через три специальных люка в потолке. По стенам коридора были развешены портреты сановников эпохи Александра II. Темному коридору в восточном крыле дворца соответствовала Галерея 1812 г. Своим северным концом Темный коридор упирался в Круглый зал (Ротонду) и через Арапский зал соединялся с Малахитовой гостиной. Другим концом через Малый фельдмаршальский зал Темный коридор сообщался с Первой запасной половиной, которая отдана была под казармы юнкеров. Последние по мере роста численности караула захватывали все больше помещений. К 25 октября юнкера занимали все залы южного фасада по второму этажу, от Александровского до Белого зала и Золотой гостиной, а также несколько комнат далее, в юго-западном крыле дворца.

Прекрасные паркетные полы были застланы холщовыми «коврами» с набросанными матрасами на них, на которых спали юнкера. Здесь же установили пирамиды для винтовок, разборные столы для пулеметов и для чистки оружия. Караул сменялся каждые сутки. Нередко, уходя из дворца, кое-кто отвинчивал или брал себе «на память» ценные сувениры, расхищая тем самым народное достояние. Юнкера пользовались левым подъ-

сидом дворня, выходящим на Дворцовую площадь. Площадка этой лестницы на втором этаже вела сразу же в Белый зал, в Малый фельдмаршалский и в комнаты Первой запасной половины. Чтобы юнкера не слонялись по дворцу, Темный коридор около двери на Салтыковскую лестницу был разделен высокой дощатой перегородкой, около которой дежурили часовые.

Такова была топография внутренних помещений Зимнего с августа по октябрь 1917 г.

В августе в новое помещение переселился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Как помнит читатель, Совет образовался 27 февраля в Таврическом дворце, резиденции Государственной думы. Дума практически перестала работать после революции, и Совет остался во дворце. Временное же правительство заняло Марининский дворец, где раньше размещались царское правительство и Государственный совет. Таврический и Марининский — таковы были два полюса революции в период двоевластия. Летом 1917 г. Таврический дворец решено было отремонтировать и приспособить под заседания Учредительного собрания. А для Совета и ЦИК выделили часть помещений Смольного института благородных девиц. Тогда-то и совершился этот переезд. В начале сентября 1917 г. к руководству Петроградским Советом пришли большевики. Смольный и Зимний стали символами новой расстановки классовых сил, символами грядущей битвы за власть.

Итак, после июльских дней Временное правительство старалось закрепить «успех» борьбы с большевиками, затормозить дальнейшее развитие революции, а при возможности и повернуть ее вспять. Под напором правых сил, крупной империалистической буржуазии России и союзных стран Керенский назначил на пост верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова, выдвигавшего контрреволюционную программу «спасения России», разгрома солдатских комитетов в армии и Советов рабочих и солдатских депутатов в тылу. Керенский был в принципе согласен с этой программой, но предлагал осуществить ее постепенно. Корнилов же настаивал на решительных мерах немедленно. Между главноверхом и главой правительства зародилось личное соперничество, обострившееся в конце июля — начале августа. Окружение Корнилова — различные политические авантюристы и проходимцы — толкали его на путь

предъявления ультиматума Керенскому. Этого же требовала и правая буржуазная пресса, воротили русского капитала. Особенно ярко эти настроения проявились во время так называемого Государственного совещания в Москве 12—14 августа. Это совещание большевики называли «коронацией контрреволюции». Рабочие Москвы встретили контрреволюционное собрание всеобщей политической стачкой протеста.

Корнилов после встречи с лидерами буржуазии и кадетской партии, военными не решился совершить переворот в Москве и тотчас сместить Керенского. Лидер кадетов П. Н. Милюков советовал повременить, а командующий Московским военным округом полковник А. П. Верховский заявил, что не поддержит подобное выступление. Корнилов на совещании удержался от выставления ультиматума правительству. Керенский же пригрозил с трибуны совещания как экстремистам «слева», под которыми он подразумевал большевиков, так и «справа», т. е. Корнилову и его сторонникам. Корнилов, уехав снова в Могилев, энергично продолжал подготовку контрреволюционного заговора. Через посредников он предложил Керенскому объявить Петроград на военном положении, ввести смертную казнь в тылу, милитаризировать железные дороги и оборонные предприятия, а самому явиться в Ставку и сложить свои полномочия. Керенский, цепляясь за сохранение своей личной власти и страшась возмущения «низов», отмежевался от Корнилова и обвинил его в подготовке антиправительственного заговора, что, разумеется, полностью соответствовало действительности.

Вечером 26 августа Керенский потребовал отставки всех министров и предоставления ему исключительных полномочий по борьбе с мятежом. Собственно, того же добивался и Корнилов! Министры кадеты просили Керенского договориться с Корниловым во имя общих интересов борьбы с революцией. Примирить двух претендентов на роль диктатора пытались лидер кадетов П. Н. Милюков, правый кадет В. А. Маклаков. Но сделать это не удалось.

Поздно вечером 27 августа вся страна узнала из правительственных телеграмм о мятеже генерала Корнилова. Руководитель заговора двинул войска на Петроград и в своих приказах и обращениях объявил членов правительства Керенского германскими шпионами. Корниловский мятеж всколыхнул весь народ.

В. И. Ленин еще в июле 1917 г. предсказывал на-

ступление нового революционного подъема, который сделает возможным пролетарское восстание. И теперь этот подъем наступил. Корниловщина оживила Советы. Именно против Советов был направлен мятеж в первую очередь. Командующий III конным корпусом генерал А. М. Крымов открыто угрожал физической расправой членам Петроградского Совета. В официальном приказе, отданном Крымовым войскам корпуса, говорилось, что заседания всех комитетов и Советов, а также митинги и публичные собрания должны быть разогнаны и запрещены.

Волна возмущения охватила рабочий класс, которому корниловцы отводили роль безгласного и послушного исполнителя воли военной диктатуры. Буря протеста поднялась и в армии. Февральская революция впервые дала забитому прежде русскому солдату гражданские права. В армии организовались солдатские комитеты, была разрушена старая палочная дисциплина. После июльских дней Временное правительство под нажимом контрреволюционной военщины существенно ограничило права солдат, однако не посмело отменить их совсем. Тем не менее военные власти пытались укрепить свой авторитет террором. «Военно-революционные» суды выносили смертные приговоры солдатам за отказ выполнять распоряжения начальства, за пропаганду мира. Все это вновь возбудило ненависть к командному составу и Ставке.

Надо сказать, что ссора Керенского с Корниловым вызвала недовольство даже среди сторонников министра-председателя в правительстве. Они полагали, что небольшие по численности, но дисциплинированные войска Корнилова без труда справятся с войсками «разложившегося» петроградского гарнизона и овладеют столицей. 28 и 29 августа тревога в Петрограде нарастала. Керенский позже признавался, что в ночь на 28 августа был момент, когда он остался в Зимнем дворце в одиночестве. Даже его ближайший помощник по государственным делам П. В. Некрасов посоветовал ему сдать власть и уйти в отставку. Другой соратник Керенского, министр иностранных дел М. И. Терещенко, прямо высказывал симпатии корниловцам. Генерал Крымов был старым знакомым Терещенко и Некрасова, их соучастником по неудавшемуся заговору против Николая II. Оказавшись в изоляции, Керенский поневоле вынужден был обратиться за поддержкой к ЦИК Советов. Но лидеры эсеров и меньшевиков уже не могли са-

мостоятельно, без большевиков, поднять массы на борьбу с корниловщиной.

Пануганные угрозой установления военной диктатуры, эсеры и меньшевики обратились к большевикам с предложением о совместных действиях. Большевики понимали, что, оказавшись в конфликте с корниловскими мятежниками, соглашатели призвали спасать не революцию от контрреволюции, а обанкротившуюся Керенщину от корниловщины. Поэтому, идя во имя спасения революции на совместные действия с представителями партий меньшевиков и эсеров для ликвидации заговора, большевистская партия проводила полностью самостоятельную политику в организации революционных сил. Основы такой тактики были заложены в письмах и статьях В. И. Ленина. Еще в статье «Слухи о заговоре», написанной 18 августа, Ленин, рассматривая маловероятную, как ему казалось тогда, возможность выступления контрреволюционных генералов против Временного правительства, писал, что большевистски настроенные рабочие и солдаты будут сражаться с контрреволюционными войсками, но не в защиту Временного правительства, а в защиту революции, преследуя цели своей победы, победы рабочих, а не победы Керенского и лидеров меньшевиков и эсеров. «Даже в том исключительно-редком случае, который мы предположили,— писал Владимир Ильич,— большевик сказал бы меньшевикам: конечно, мы будем сражаться, но ни на малейший политический союз с вами, ни на малейшее выражение доверия к вам мы не пойдём...»¹

30 августа 1917 г. В. И. Ленин, незадолго до этого узнавший в Гельсингфорсе о выступлении Корнилова и о мерах по борьбе с ним, констатировал: «Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий»². Всесторонне оценив этот поворот, Ленин подтвердил и развил те тактические советы, которые он давал Центральному Комитету в рукописи своей статьи «Слухи о заговоре». Он выступил против политического блока с меньшевиками и эсерами в дни борьбы с мятежниками, против поддержки Временного правительства. «Спросят,— говорил Ленин,— неужели не биться против Корнилова? Конечно, да! Но это не одно и то же; тут есть грань; ее переходят иные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 76.

² Там же, с. 119.

большевики, впадая в «соглашательство», давая увлечь себя потоку событий.

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и *войска* Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя»¹. Уже после написания этого письма В. И. Ленин познакомился с содержанием шести номеров Центрального органа большевистской партии тех дней — газеты «Рабочий» за время борьбы с корниловщиной и написал приписку к письму: «...должен сказать, что совпадение у нас получилось полное»². Таким образом Ленин полностью одобрил тактику большевиков в Петрограде в борьбе с корниловским мятежом. Когда эсеро-меньшевистский ЦИК образовал Комитет народной борьбы с контрреволюцией (использовав, между прочим, идею большевистски настроенного Центрального совета фабзавкомов Петрограда, высказанную еще 24—26 августа), ЦК РСДРП(б) послал в него своих представителей лишь для координации действий против заговора Корнилова и информации, сообщив местным партийным организациям: «Во имя отражения контрреволюции работаем в техническом и информационном сотрудничестве с Советом при полной самостоятельности политической линии».

Только открытое и массовое выступление рабочих и солдат, их Советов отвело смертельную угрозу от революции, помогло без единого выстрела подавить корниловский мятеж. Во главе борьбы встала большевистская партия, которая, опираясь на фабрично-заводские комитеты и профсоюзы, призвала рабочих Петрограда к строительству оборонительных сооружений на подступах к столице, к вступлению в вооруженные отряды Красной гвардии. Эсеро-меньшевистский ЦИК вынужден был дать разрешение на формирование Красной гвардии и на вооружение ее винтовками и пулеметами из казенных запасов. За несколько дней в ряды Красной гвардии записалось 25 тысяч человек, желающих научиться военному делу. Партия послала сотни агитаторов, которые вместе с уполномоченными других демократических организаций двинулись навстречу корниловским войскам. За 60, 40 верст от Петрограда на железнодорожных станциях эти агитаторы встретили эше-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 119—120.

² Там же, с. 121.

лоны с корниловскими войсками — казаков и солдат Кавказской туземной дивизии, Георгиевских кавалеров. Посланный революционного Петрограда объяснял солдатам, что их обманули, что никаких волнений и грабежей, никаких германских агентов в городе нет. Казаки-донцы и горцы под влиянием этой агитации отказались слушаться своих офицеров и заявляли о солидарности с рабочими и солдатами Петрограда. Войска утратили управление и были деморализованы, «Отдельная петроградская армия» генерала Крымова, которую пытались натравить на революционную столицу, чтобы залить ее кровью, фактически перестала существовать. Части III конного корпуса были спешно отведены в расположение Северного фронта, к городу Острову. Генерал Крымов застрелился. Мятеж Корнилова полностью провалился, а сам он и его ближайшие сподвижники были вскоре арестованы и заключены под стражу.

Разгром корниловского мятежа привел к важным политическим последствиям. Миллионы рабочих, солдат, крестьян убедились в том, что меньшевики и эсеры своей политикой способствовали появлению корниловщины, а их курс на союз с буржуазией привел революцию на грань поражения. Массы стали леветь. Беззаветная защита революции в дни разгрома мятежа, которую проявила большевистская партия, привлекла к ней симпатии десятков и сотен тысяч новых сторонников. Массы увидели, что действительным защитником интересов народа является только большевистская партия.

К ее призывам немедленно закончить войну, передать землю крестьянам стали прислушиваться те, кто еще недавно относился к большевикам с недоверием. Собственный опыт масс заставлял их отворачиваться от эсеро-меньшевистских вождей. Прежде всего все это проявилось в позиции Советов рабочих и солдатских депутатов. В ночь на 1 сентября 1917 г. Петроградский Совет, который с первых дней своего существования находился под политическим руководством меньшевиков и эсеров, принял на своем общем собрании резолюцию большевистской фракции. 5 сентября такую же резолюцию приняло объединенное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов Москвы. 9 сентября на новом общем собрании Петроградского Совета победа большевиков была убедительно подтверждена. Из тысячи депутатов, впервые собравшихся в Актовом зале Смольного института, за предложение большевиков голосовало 519 человек. Оба столичных Совета перешли на сторону

большевистской партии, а вскоре за ними последовали и десятки других Советов страны. Началась полоса большевизации Советов.

За развитием событий внимательно следил вождь большевистской партии Владимир Ильич Ленин. Он находился в это время уже в финляндском подполье, в Гельсингфорсе (Хельсинки). Ленин еще до того, как стали известны масштабы большевизации Советов, уловил благоприятное изменение политических настроений широких масс народа. Поскольку меньшевики и эсеры в момент, когда наметился разгром корниловщины, заявили о своем отказе войти в новое коалиционное Временное правительство вместе с представителями кадетов, В. И. Ленин в статье «О компромиссах» предложил партиям меньшевиков и эсеров заключить политическое соглашение. Меньшевики и эсеры в этот момент, опираясь на ожившие Советы, вновь получили возможность мирно устранить от власти Временное правительство Керенского и образовать новое правительство, ответственное перед Советами. Большевики, поддержав такое правительство, отказались бы от своего требования вооруженной борьбы за передачу всей власти пролетариату и беднейшему крестьянству. Они боролись бы за это мирно, в рядах Советов, добиваясь изменения их политики¹.

Но соглашатели не могли полностью порвать с буржуазией. Они цеплялись за идею восстановления правительственной коалиции с «демократически настроенными» представителями буржуазии. Редкая возможность — вернуться к мирному развитию революции — была по их вине упущена. Меньшевики и эсеры отказались от опубликованного 6 сентября в Центральном органе большевистской партии — газете «Рабочий путь» предложения В. И. Ленина о компромиссе. Этот отказ совпал по времени с обнаружившимся переходом на сторону большевиков Петроградского и Московского Советов. Сопоставив эти факты с общей внутренней и международной обстановкой, В. И. Ленин пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для проведения успешного вооруженного восстания против Временного правительства и установления власти Советов.

12—14 сентября Ленин написал два письма — «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» — в Центральный Комитет большевистской партии.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133—139.

«Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов,— писал в первом из этих писем Ленин,— большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки»¹. Во втором письме, обосновав необходимость подготовки восстания партией, Ленин предложил примерный план проведения восстания в Петрограде, в числе самых важных пунктов которого были арест штаба и правительства, т. е. занятие зданий штаба Петроградского военного округа и Зимнего дворца на Дворцовой площади². 15 сентября ЦК РСДРП(б), рассмотрев ленинские письма, положил начало обсуждению вопроса о подготовке восстания большевистской партией.

Правящий лагерь переживал в те же недели серьезные растерянности и разброда. Керенский, напуганный широким размахом борьбы с корниловщиной, уже 30 августа предпринял попытку выхода из правительственного кризиса, намереваясь восстановить коалицию с представителями буржуазии из так называемого Совета общественных деятелей в Москве и нескольких кадетов. Меньшевики и эсеры заявили, что не пойдут в такое правительство. Тогда Керенский самостоятельно провел реорганизацию правительства и объявил о создании Совета пяти, или «Директории». Кадетов в составе «Директории» не было. ЦИК Советов в ночь на 2 сентября одобрил создание «Директории» с оговоркой, что в середине сентября будет созвано Демократическое совещание, которое и решит окончательно вопрос о власти. Однако это совещание, состоявшееся 14—22 сентября, зашло в тупик. Хотя большинство депутатов высказалось за коалицию, но одновременно возражало против коалиции с кадетской партией.

Между тем Керенский за спиной руководителей совещания из меньшевиков и эсеров начал переговоры с московскими буржуазными «общественными деятелями» о вхождении их в правительство. Узнав об этом, соглашатели спешно закончили совещание. Было принято решение организовать «Демократический совет», или предпарламент,— совещательный, бесправный орган при правительстве. В Зимнем дворце состоялся заключительный торг за власть. Меньшевики и эсеры сдали все свои позиции и согласились не только на возобновление коалиции с буржуазией, но и с представительством в пра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 239.

² См. там же, с. 247.

ительстве партии кадетов. 25 сентября было создано третье коалиционное Временное правительство с Керенским во главе.

Это правительство, конечно, не могло разрешить стоявшие перед страной проблемы. Петроградский Совет, руководимый теперь большевиками, от имени рабочих и солдат выдвинул требование отставки правительства. Но инициативе Советов по всей стране в момент разгрома корниловщины развернулось движение за немедленный созыв Второго Всероссийского съезда Советов. И, уступая этому давлению, боясь окончательно растерять доверие масс, соглашательский ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов вынужден был назначить созыв съезда на 20 октября 1917 г. До него оставался почти месяц. По выражению В. И. Ленина, это означало отсрочку съезда «до греческих календ», то есть ставило под вопрос созыв самого съезда в той напряженной обстановке противоборства революции и контрреволюции, которой характеризовалась политическая жизнь страны с момента разгрома корниловщины.

Ленин, переехавший ближе к Петрограду, в город Выборг, настойчиво предупреждал большевиков не связывать надежды на создание власти Советов с решением будущего съезда. Он напоминал об угрозе второй «корниловщины»: правительство могло быстро сговориться с командными верхами армии (тем более что Керенский сам себя назначил верховным главнокомандующим!) и подтянуть контрреволюционные войска к Петрограду. Правительство получало возможность разогнать съезд раньше, чем тот примет решение о взятии власти в свои руки. «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд», — писал В. И. Ленин 29 сентября в статье «Кризис назрел»¹.

И действительно, страна переживала общенациональный кризис, о котором подробно говорил Ленин в данной статье. Общеэкономическое, общеполитическое и военное положение страны подошло к последней черте. Армия, потрясенная корниловским мятежом, откалывалась от правительства. Старая дисциплина окончательно рухнула. Судорожные попытки генералитета восстановить ее путем террора после июльских событий в Петрограде, теперь стали невозможны. Командиры лишились всякого доверия со стороны солдат, приказы командования почти не выполнялись. Тяга к миру и пол-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 281.

ное нежелание сражаться стали в конце сентября — начале октября всеобщими в армии. Ни о каком наступлении теперь не могло быть и речи — лишь бы уговорить солдат держать оборону и оставаться в окопах. После того как еще 22 августа русские войска по приказу Корнилова оставили город Ригу, ухудшилось положение на Северном фронте, появилась прямая угроза дальним подступам к Петрограду. В начале октября германцы навязали морской бой у островов Моонзундского архипелага и высадили там свой десант. Несмотря на героическое сопротивление и мужество матросов и солдат, острова были заняты неприятелем. В благоприятный момент немцы могли развернуть наступление через Эстляндию в направлении Петрограда. Таким образом, вопрос о заключении мира и о скорейшем выходе из войны становился как нельзя более жгучим.

Ухудшилось продовольственное положение страны. Из-за катастрофического расстройтва железнодорожного транспорта уменьшилась доставка продовольствия в армию и Петроград. Участились случаи нападений на продовольственные составы и речные транспорты, их разграблений и угонов. Правительство и его местные органы с каждым днем теряли контроль над положением в губерниях. Подняли голову анархистские и уголовные элементы. На фоне развала центральной власти и потери ею эффективности управления становилась реальной угрозой голода и холода для трудящихся промышленных городов центра и северо-запада страны. Крестьяне, уставшие ждать решения земельного вопроса, так как созыв Учредительного собрания был отсрочен правительством с 30 сентября до 28 ноября, перешли к самовольному захвату помещичьих земель и разгрому имений. Поыхали пожары в дворянских гнездах черноземного центра России, охваченного крестьянским восстанием. Карательные экспедиции, посылавшиеся губернскими комиссарами Временного правительства, не в силах были справиться с крестьянской войной. Естественно, что в этих условиях сократилась продажа хлеба государству, подвоз его к элеваторам, несмотря на то что Временное правительство и ввело хлебную монополию.

Нужны были решительные, подлинно революционные меры, чтобы справиться с наступающей политической и хозяйственной катастрофой. И эти меры предлагались только большевиками. Лозунги большевиков осенью 1917 г., их боевая программа полностью отвечали чаяниям большинства народа, рабочих, крестьян, армии.

Авторитет и влияние большевистской партии росли в сентябре и октябре не по дням, а по часам. В обстановке растущей изоляции и беспомощности Временного правительства, утраты доверия народа к соглашательским партиям меньшевиков и эсеров большевики должны были немедленно брать власть в свои руки, быстро и организованно провести восстание в столицах, прежде всего вооруженное выступление в Петрограде с целью ареста Временного правительства и передачи власти Советам. Требовались смелость и решительность, безаветная вера в справедливость дела рабочего класса. Этими качествами в превосходной степени обладал вождь Октября Владимир Ильич Ленин. Но в Петрограде часть руководящих работников партии, тогдашних членов ЦК, проявляла колебания. Л. Б. Каменев, еще с марта 1917 г. пытавшийся все время проводить свою антиленинскую, полуменьшевистскую линию, выступил вообще против вооруженного восстания, за совместные действия с меньшевиками и эсерами, перешедшими окончательно и бесповоротно в лагерь буржуазии. Каменева поддерживал другой член ЦК РСДРП(б) — Г. Е. Зиновьев. Л. Д. Троцкий, с 25 сентября избранный председателем Петроградского Совета, считал, что восстание следует начинать только в том случае, если Керенский не подчинится решению Второго Всероссийского съезда Советов, созываемого 20 октября, о мирном переходе власти в руки съезда. Оппортунистам в отсутствие Ленина, все еще находившегося в Выборге, иной раз удавалось проводить свою линию. Было принято, в частности, ошибочное решение участвовать вместе со всеми другими тогдашними политическими партиями России во Временном совете Российской республики (предпарламенте). Этим создавалась опасность отвлечь партию от задачи подготовки вооруженного восстания, а также порождалась иллюзия в массах, что Временное правительство Керенского не полностью себя исчерпало и может еще что-то сделать для народа. Ленин решительно раскритиковал ошибочное решение ЦК¹. Последний на своем заседании 5 октября исправил ошибку,

---

¹ Сначала на заседании ЦК РСДРП(б) 21 сентября 9 голосами против 8 было принято решение не входить в предпарламент. Учитывая, что голоса разделились, ЦК передал окончательное решение партийному совещанию из членов большевистской фракции на Демократическом совещании. Оно высказалось за вхождение в предпарламент (77 «за», против 50). Это решение было тогда же утверждено ЦК (см.: Протоколы ЦК РСДРП(б) М., 1958, с. 65).

приняв резолюцию выйти из предпарламента в первый же день его работы, 7 октября, после зачитания специальной декларации.

Вскоре после этого Ленин нелегально прибыл в Петроград и немедленно потребовал провести заседание ЦК для обсуждения вопроса о восстании. Оно состоялось поздно вечером 10 октября и приняло написанную В. И. Лениным резолюцию об организации восстания. Против нее высказались только Каменев и Зиновьев. Несмотря на их упорное сопротивление, решение об организации восстания в ближайшие дни было подтверждено новым расширенным заседанием ЦК РСДРП(б), закончившимся рано утром 16 октября 1917 г.¹ При Петроградском Совете был создан Военно-революционный комитет, который фактически стал легальным штабом восстания. 19—20 октября он сконцентрировал в своих руках руководство всей технической подготовкой восстания. Работу ВРК направлял Партийный центр, избранный ЦК утром 16 октября. В состав его вошли Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, А. С. Бубнов, М. С. Урицкий и Ф. Э. Держинский.

О боевом настроении рабочих, солдат гарнизона, матросов Балтийского флота свидетельствовали тысячи резолюций митингов и собраний, которые клеймили Временное правительство и соглашателей, выражали свою поддержку Петроградскому Совету и большевистской партии. Но для восстания было мало только политической поддержки лозунгов большевиков. Под руководством большевистской Военной организации находилась двадцатипяти тысячная рабочая Красная гвардия Петрограда, бойцы которой во второй половине сентября и в октябре 1917 г. усиленно учились владеть оружием. 22—23 октября прошла общегородская конференция Красной гвардии. Избранная ею Центральная коммандатура объявила, что передает всех красногвардейцев в полное распоряжение Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Солдаты частей петроградского гарнизона (в большинстве своем крестьяне), с марта 1917 г. испытывавшие сильное влияние партии эсеров, в дни корниловщины решительно повернули в сторону большевиков. После перевыборов солдатской секции Петроградского Совета в руководстве ею оказались большевики в союзе с левыми эсерами.

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, т. 1. М., 1985, с. 368.

Ссылаясь на угрозу Петрограду со стороны немцев, Временное правительство попыталось вывести из столицы революционные части. Это вызвало резкий протест солдатской секции. Политическая борьба, вспыхнувшая вокруг вывода войск, облегчила большевикам установление контроля над большинством частей гарнизона. Под флагом обороны столицы от внешнего и внутреннего врагов Военно-революционный комитет, создание которого было одобрено исполкомом Совета, солдатской секцией, а 16 октября и общим собранием всего Петроградского Совета, стал созывать гарнизонные совещания, наладил живую связь со всеми частями гарнизона.

Мероприятия Петроградского Совета и ВРК 18—20 октября показали, что солдаты большинства частей гарнизона доверяют большевистскому Петроградскому Совету, четко исполняют любое его распоряжение. Наоборот, штаб Петроградского военного округа (его возглавлял в эти дни полковник Г. П. Полковников) практически утратил контроль над гвардейскими, пехотными, многими подразделениями технических войск столицы и ее ближайших окрестностей. Чтобы закрепить свой успех, ВРК отправил 21 октября в полки шесть первых своих комиссаров. Комиссар обязан был установить контроль ВРК и возглавить в части все политические и военные действия. Одновременно специальная делегация ВРК отправилась к Полковникову, требуя подчинения штаба Петроградскому Совету и признания комиссаров ВРК. Штаб отказался. Тогда Военно-революционный комитет разослал телеграмму по всем частям гарнизона, в которой говорилось, что приказы штаба Петроградского военного округа подлежат выполнению только в том случае, если они скреплены подписями комиссаров ВРК. Так в преддверии вооруженного восстания между Петроградским Советом и штабом округа возник конфликт, в котором все преимущества были на стороне ВРК.

Готовы были к свержению буржуазной власти и матросы Балтийского флота. Кронштадтский Совет, объединявший 10 тысяч матросов и 10 тысяч солдат крепости, создал 17 октября по образцу ВРК Военно-техническую комиссию. Эта комиссия стала готовить силы для отправки в Петроград. Морские экипажи и части, суда, находившиеся в черте Петрограда, установили прямую связь с ВРК. Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) под руководством П. Е. Дыбенко связался из Гельсингфорса с Военно-революционным комите-

том и ждал его сигнала для посылки экспедиционного отряда в столицу.

Все нити подготовки восстания держал в своих руках В. И. Ленин. Он торопил руководителей восстания, членов Военной организации при ЦК РСДРП(б) П. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко, В. И. Невского с завершением необходимых технических мероприятий. Сам он почти ежедневно писал письма в ЦК и статьи¹. Дважды Ленин встречался с упомянутыми выше руководителями «Военки». Выслушав их доклады, он дал точные указания по завершению подготовки. Благодаря энергии и настойчивости В. И. Ленина готовность революционных сил нарастала быстро и уверенно.

А в лагере противников революции колебания и разброд достигли своей высшей точки. Еще 7 октября большевики, выполняя постановление ЦК, ушли из предпарламента. Этот орган, как и предсказывал Ленин, превратился в пустую говорильню. Бесконечные речи, с которыми выступали представители буржуазных и мелкобуржуазных партий, министры Временного правительства, были полны взаимных обвинений и упреков. Эти речи отражали глубочайший кризис, охвативший страну. Военный министр А. И. Верховский мрачными красками рисовал картину развала армии, министр продовольствия С. И. Прокопович в драматических тонах говорил о продовольственных затруднениях. Все говорило о необходимости срочных мер по спасению страны. И на первом месте — выход из войны, мир во что бы то ни стало. Но министр-председатель Керенский и министр иностранных дел М. И. Терещенко в угоду иностранным и отечественным капиталистам хотели продолжать войну.

На этой почве возник в предпарламенте конфликт между Верховским и Терещенко. Вечером 21 октября Верховский откровенно заявил на заседании комиссий

---

¹ Ленин гневно осудил поведение Каменева и Зиновьева, которые, оставшись в меньшинстве на расширенном заседании ЦК, 17 и 18 октября объявили о своем несогласии с курсом партии в непартийной газете «Новая жизнь». Ленин потребовал суровых мер против штрейкбрехеров и нарушителей партийной дисциплины. Одновременно он решил напечатать «Письмо к товарищам», которое ранее предназначалось только для членов партии. В этом письме он подверг всесторонней критике неверные взгляды Каменева и Зиновьева и требовал скорейшего проведения вооруженного восстания. «Письмо к товарищам» было напечатано в большевистской газете «Рабочий путь» 19, 20 и 21 октября (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 398—418).

по обороне и по иностранным делам, что Россия больше воевать не может и надо объяснить союзникам причину, по которой страна временно должна покинуть общий военный лагерь. Лишь немедленное перемирие, демобилизация большей части армии и ее реорганизация на добровольческих началах могли, по его мнению, спасти правительство и буржуазную власть в России, которая еще сумеет вновь присоединиться к Антанте. Верховский предупреждал, что армия сможет высидеть в окопах, не предпринимая активных действий, лишь до февраля—марта 1918 г. Терещенко, возражая Верховскому, заявлял, что прекратить войну никак нельзя. Когда спор был перенесен в само правительство, Керенский присоединился к Терещенко. В ночь на 22 октября Верховский получил «двухнедельный отпуск» и немедленно покинул столицу.

Представители союзников, в частности американцы, предлагали Керенскому продолжать войну, но в демагогических целях использовать некоторые лозунги большевиков, в частности объявить о немедленной передаче всей земли крестьянам. Керенский побоялся сделать подобный шаг, который означал бы вызов не только классу помещиков, но и всей организованной российской буржуазии.

Наконец, соглашательские верхи, лидеры меньшевиков и эсеров, прежде безоговорочно поддерживавшие Керенского, теперь вынашивали план заменить министра-председателя и его правительство «однородным социалистическим правительством», от представителей партии народных социалистов до большевиков. В момент разгрома корниловского мятежа оно бы удовлетворило большевистскую партию (без посылки в него своих представителей!), теперь же время для создания такого правительства уже миновало.

И правительство, и соглашатели зорко следили за партией большевиков. Еще 12—13 октября слухи о подготовке большевиками какого-то вооруженного выступления проникли в петроградскую печать. Назывались разные сроки — 14, 15, 20 октября, печатались «планы» и диспозиции предполагаемого выступления. Эта кампания, которую вела буржуазная и мелкобуржуазная печать, имела своей целью не только запугать обывателя, но и вынудить большевиков отказаться от выполнения «разоблаченных» планов. На заседаниях ЦИК и Петроградского Совета соглашатели всячески стремились узнать точную дату выступления большевиков. И коман-

дующий округом Г. П. Полковников, и военный министр А. И. Верховский напечатали свои заявления против организации ВРК, заявляли, что контроль над гарнизоном находится в твердых руках военных властей.

Появившиеся в «Новой жизни» сообщения о разногласиях в руководстве большевистской партии по вопросу о выступлении тотчас были использованы соглашателями и правительством. В ночь на 18 октября Временное правительство специально обсудило вопрос о выступлении большевиков. Так как многие связывали его с предстоящим 20 октября открытием съезда Советов, то по просьбе правительства ЦИК постановил 18 октября перенести день открытия съезда на 25 октября 1917 г. Одновременно меньшевики пытались увеличить представительство своих сторонников на будущем съезде.

В действительности точная дата намечаемого восстания не была зафиксирована в протоколах заседаний ЦК РСДРП(б). ЦК постановил, что он и Петроградский Совет укажут подходящий момент для выступления. Но Ленин настаивал, и его позиция разделялась теперь большинством, чтобы восстание было проведено до открытия Второго Всероссийского съезда Советов, т. е. до 20 октября.

И Временное правительство, зная о готовящемся восстании, усилило охрану дворца. Юнкерский караул был доведен до 700 человек, были вызваны артиллерийская батарея, броневик. Усиливалась охрана важнейших стратегических объектов в городе. Гвардейские части получили приказ о борьбе с уличными выступлениями. Но все эти усилия Временного правительства были тщетными.

События 21—22 октября показывали, что большевики имеют все шансы на успех. В воскресенье, 22 октября, проводился День Петроградского Совета, устраивались в связи с этим митинги и концерты. На то же воскресенье Совет казачьих войск назначил вооруженное шествие казаков к Казанскому собору для освящения оружия. Появление на улицах одновременно десятков тысяч рабочих и солдат, выступающих под лозунгом «Вся власть Советам!», и вооруженных казаков, верных Временному правительству, могло вызвать стихийные столкновения и кровопролитие. Поэтому Военно-революционный комитет потребовал от штаба округа отменить крестный ход казаков.

Временное правительство, специально рассмотревшее

этот вопрос, уступило. Крестный ход был отменен. А митинги рабочих и солдат состоялись по всему городу. В напряженной обстановке того времени они превратились в могучую политическую демонстрацию единства рабочих, солдат и матросов с Петроградским Советом и большевистской партией. Узнав об итогах дня 22 октября 1917 г., В. И. Ленин написал в письме к Я. М. Свердлову: «Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа. Ура! Наступить изо всех сил и мы победим в несколько дней!»¹

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 434.

ВОССТАНИЕ НАЧАЛОСЬ!

Днем 23 октября в Зимнем дворце было тревожно. Сам министр-председатель Керенский поминутно требовал докладов от Полковникова о настроениях в войсках, о планах большевиков. Тот в растерянности докладывал, что верных правительству войск в Петрограде явно недостаточно, что целесообразно вызвать подкрепления из окрестностей. Решено было обсудить этот вопрос на заседании правительства. Штабу округа не удалось добиться отмены распоряжения ВРК о контроле комиссаров над действиями военных властей. Количество комиссаров ВРК, назначенных в части гарнизона, достигло 30—40 человек.

В Петропавловской крепости состоялся в этот день митинг солдат гарнизона крепости. Здесь были рота самокатного батальона, батальон 2-го запасного пулеметного полка, введенные в крепость после июльских дней. Батальон был вооружен пулеметами системы Кольта, поэтому его часто называли «кольтовским», а самих пулеметчиков — кольтистами. Настроения солдат резко изменились. Сейчас и самокатчики и кольтисты явно сочувствовали большевикам. В Петропавловке была еще Петроградская местная команда, предназначенная для хозяйственных работ в крепости. Члены команды, по численности уступавшей кольтистам, занимали нейтральную позицию. Наконец, имелась еще и Петроградская отдельная крепостная рота, обслуживавшая батарею шестидюймовых орудий устаревшего образца на Нарышкинском бастионе. Настроение артиллеристов было колеблющимся. И все же собрание всех частей гарнизона Петропавловки большинством голосов решило поддержать Петроградский Совет и признать комиссара ВРК. Комиссаром был прапорщик большевик Г. И. Благонравов. В Кронверкский арсенал крепости комиссаром ВРК был назначен большевик М. К. Тер-Арутюнянц. Арсенал соединялся с центром крепости деревянным мостом через Заячью протоку (ныне не со-

хранившимся). Значение занятия Петропавловской крепости подчеркивал В. И. Ленин в своем плане восстания. Теперь, еще до начала восстания, крепость фактически перешла в руки большевиков.

Еще в одном важном стратегическом пункте обозначился в этот день политический и военный перевес ВРК. Близ Смольного, на Шпалерной улице (ныне — улица Воннова), располагались казармы 9-го запасного кавалерийского полка, который штаб округа числил «своим». Однако митинг в полку 23 октября показал, что симпатии большинства кавалеристов на стороне Петроградского Совета, а не правительства. Полк признал комиссара ВРК корнета П. И. Выюшина. И аванпост правительственных войск, выдвинутый почти к самому Смольному, перестал существовать.

Выяснилось, что в городе Временное правительство могло рассчитывать только на юнкеров пяти юнкерских училищ и нескольких школ прапорщиков да на три казачьих полка и два ударных батальона. Эти части общей численностью до 10 тысяч человек были разобщены территориально. Противостояли же им сотни тысяч солдат гарнизона, казармы которых находились во всех районах города. Существенным обстоятельством в отношении военных сил было то, что Михайловский манеж, использовавшийся как гараж для броневых автомобилей Запасного автобронедивизиона, тоже заявил о переходе на сторону ВРК. Правительство отныне лишилось большинства броневиков — самого мощного оружия уличной борьбы тех дней. Только те бронемшины, которые уже стояли на постах, например в воротах Зимнего, у Центральной телефонной станции, могли еще быть удержаны защитниками Временного правительства. ВРК же получал кроме большинства машин бронедивизиона и броневики Запасных автобронемастерских, броневики после ремонта и вновь изготовленные с Путиловского и Ижорского заводов. Как показывают сохранившиеся документы ВРК, уже 23 октября в Смольном был проведен учет всех имевшихся броневиков, автомашин и шоферов, подчиненных только что созданному автомобильному отделу Петроградского Совета и ВРК.

На многих предприятиях и в воинских частях состоялись 23 октября митинги и собрания, на которых рабочие и солдаты еще раз заявляли о своей готовности выступить на улицу с оружием в руках по первому зову Петроградского Совета. Но призыва к выступлению в течение этого дня так и не последовало. Указание Ле-

нина о немедленном начале восстания все еще не было доведено до конкретных исполнителей воли партии. В самом же Смольном они постоянно наталкивались на сдерживающую позицию Троцкого, пытавшегося авторитетом председателя Совета повлиять на ВРК и отсрочить начало активных действий до открытия Второго Всероссийского съезда Советов.

Руководителям восстания, членам Военной организации при ЦК РСДРП(б) все еще казалось, что многое недоделано, что нужно еще день-два для окончательной подготовки выступления. Это историки теперь знают, располагая точными данными о соотношении сил, что у правительства таковых в день 23 октября было совсем мало (700 юнкеров, броневик, 6 орудий, несколько десятков пулеметов). Через день силы Временного правительства значительно возросли (что, впрочем, не могло спасти его). Сомнения руководителей восстания, а также дезорганизаторская деятельность Троцкого, сознательно затягивающего время, повлияли на то, что сигнал о начале наступления революционных войск не был отдан 23 октября, а инициативу в развязывании гражданской войны захватило в ночь на 24-е само правительство.

С целью проверки намерений ВРК Керенский через Полковникова предложил план «урегулирования конфликта» между штабом округа и ВРК. Штаб соглашался признать комиссаров ВРК в воинских частях и легализовать их соответствующим приказом по округу, а также создать в будущем специальную комиссию из представителей Совета при штабе, если ВРК отменит свою телеграмму о контроле над действиями штаба. Фактически же военные власти не относились к предлагаемому урегулированию серьезно. Они хотели только выиграть время, чтобы вызвать дополнительные войска для охраны правительства и расправы с большевиками.

О выигрывше времени подумали и в ВРК, но для завершения подготовки к восстанию, когда получили предложения штаба. Поздно вечером 23 октября, после проведения в Смольном еще одного гарнизонного совещания и общего собрания Петроградского Совета, руководители ВРК сообщили Полковникову о принятии предложения штаба округа.

Около полуночи большинство членов Временного правительства еще находились в Зимнем дворце, и Керенский спешно созвал заседание правительства. Он рассчитывал согласно ВРК на переговоры как признак слабо-

сти большевиков, как свидетельство того, что они еще не готовы к выступлению, и решил нанести удар первым. Члены правительства не возражали. Было решено закрыть главные газеты большевистской партии «Рабочий путь» и «Солдат» за призыв к вооруженному мятежу против существующего строя. Керенский предложил также арестовать членов Военно-революционного комитета. Однако большинство министров склонно было немного выждать. Вопрос отложили до утра 24 октября.

Г. П. Полковникову был отдан приказ вызвать войска из пригородов для усиления охраны Временного правительства. Обсуждалась и возможность вызова войск с Северного фронта, как это было сделано в июльские дни. Однако на первый случай Полковников сумел вызвать ночью только следующие части: в 1 час 55 минут полк увечных воинов из Царского Села, в 3 часа 15 минут 1-ю роту 2-й Петергофской школы прапорщиков, в 4 часа 30 минут батарею гвардейской конной артиллерии из Павловска. По телефону из Левашова был вызван 1-й Петроградский женский батальон.

Обо всем этом еще ничего не знали в Смольном. Руководители ВРК полагали, что после их согласия на переговоры Временное правительство не будет форсировать события. Тем не менее определенные меры предосторожности были приняты. Многие члены ВРК остались ночевать в Смольном. Тут же, в одном из классов, находились около 50 связных от частей петроградского гарнизона. У подъезда стояли десятки автомобилей...

Около шести утра, когда город окутывала еще ночная мгла, пришла первая тревожная весть. В нескольких кварталах от Смольного, на Кавалергардской улице, в доме номер 40, помещалась типография под названием «Труд». Еще в июне 1917 г. она была куплена большевиками на деньги, собранные среди питерских рабочих и солдат. После июльских дней типография подверглась разгрому. Но вскоре сами рабочие восстановили ее и с начала августа в ней стал опять печататься Центральный орган партии. В это время он носил название «Рабочий путь»¹. В 5 часов 30 минут утра в помещении типографии «Труд» явился комиссар мили-

---

¹ После официального закрытия «Правды» 12 июля большевики называли свой Центральный орган «Пролетарий». Но Временное правительство закрыло его в конце августа. Тогда газете дали имя «Рабочий». 2 сентября она была тоже закрыта. Большевики добавили к слову «Рабочий» слово «путь» и стали издавать «Рабочий путь».

ции местного 3-го Рождественского подрайона. С ним были юнкера 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков, приехавшие на легковых машинах из Зимнего дворца, где в ту ночь они несли караульную службу. Юнкера тотчас оцепили все выходы и заняли помещение типографии. Комиссар милиции предъявил выпускающему газету И. Гальперину приказ штаба округа о закрытии газеты. Тот заявил, что никаких приказов без санкции ВРК он выполнять не будет. Комиссар подал команду милиционерам и юнкерам.

Были разбиты стереотипы, конфисковано 8 тысяч уже отпечатанных номеров газеты за 24 октября 1917 г. Юнкера опечатали помещение, удалив всех рабочих и служащих. Милиционеры встали на пост охранять типографию, чтобы не допустить туда большевиков. Как только юнкера сели в свои машины и направились обратно к Зимнему, выпускающий пешком пошел к Смольному, где и был через 10 минут. Он разбудил членов Военно-революционного комитета и рассказал им о случившемся. Одновременно от военных телеграфистов и телефонистов поступило сообщение о вызове штабом Петроградского военного округа войск из пригородов на Дворцовую площадь. Стало ясно, что Временное правительство и штаб, вероломно нарушив достигнутую договоренность, начали свое наступление на революционные силы. Положение резко осложнилось. Причем большинство телефонов Смольного оказались выключенными.

К восьми утра через посыльных удалось собрать 12 членов ЦК РСДРП(б). Началось официальное заседание. Прежде всего было принято решение о том, что ни один член ЦК не имеет права покидать Смольный в течение всего дня без специального разрешения. Петербургский комитет должен был организовать в Смольном круглосуточное дежурство. Члены ЦК заслушали информацию о переговорах ВРК со штабом округа, которые теперь были сорваны. По вопросу о типографии и газете ЦК постановил: «Немедленно же отправить в типографию охрану и озаботиться своевременным выпуском очередного № газеты»¹.

Приказ освободить типографию и выпустить очередной номер газеты открыл начало действиям, направленным в конечном счете на вооруженное свержение и арест Временного правительства. Но сам по себе этот

¹ Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 119.

акт носил оборонительный характер. Троцкий и Каменев сдерживали призывы к прямым вооруженным действиям. Предлагая пойти на разрыв с ЦИК первого союзна, они пытались ограничить меры отпора натиску правительства «законными рамками». Несмотря на это, ЦК принял ряд решений с целью обеспечить большую свободу действий в ближайшем будущем. Устанавливалась тесная связь с профсоюзами работников связи и железнодорожников. На случай если правительство попытается занять Смольный вооруженной силой, было решено организовать запасной штаб в Петропавловской крепости. Все члены ЦК снабжались пропусками в крепость. По предложению Я. М. Свердлова, поддерживавшего постоянную связь с крепостью, комиссару крепости Г. И. Благодарову было поручено вместе с членом ВРК М. М. Лашевичем общее наблюдение за деятельностью правительства.

Таким образом, утром 24 октября были приняты необходимые меры для того, чтобы дальнейшее наступление правительства не застало больше врасплох революционный лагерь.

С решениями ЦК РСДРП(б) Свердлов ознакомил членов Военно-революционного комитета, который начал действовать. Был тотчас составлен типовой текст Предписания № 1 для комиссаров и полковых комитетов петроградского гарнизона. «Петроградскому Совету грозит прямая опасность,— говорилось в нем,— ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Газеты «Солдат» и «Рабочий путь» закрыты». Далее ВРК предписывал привести верные революции войска в боевую готовность и прислать представителей на делегатское собрание в Смольный. Самый первый экземпляр этого документа, отправленный в Петропавловскую крепость, содержал дополнительно приказ выставить секреты, караул к воротам, никого не впускать и не выпускать без пропусков Военно-революционного комитета.

Полковому комитету гвардии Гренадерского резервного полка предписывалось прислать пулеметные команды для охраны Смольного и мостов. Предписания получили и многие другие части гарнизона, а также комиссар крейсера «Аврора» А. В. Белыйшев. Отвечая на провокационные действия Временного правительства и военных властей, ВРК выполнил указание большевистского ЦК и относительно возобновления выпуска га-

зеты «Рабочий путь». После 10 часов утра в типографию «Труд» прибыла полурота солдат Литовского полка, казармы которого располагались на Кирочной улице (ныне — улица Салтыкова-Щедрина). Солдаты удалили милиционеров, сорвали печати и взяли под охрану здание типографии. Рабочие вновь приступили к отливке стереотипов и печатанию газеты. Скоро загудели ротационные машины, и во второй половине дня 24 октября первые номера «Рабочего пути» вышли в свет. Газета «Солдат» печаталась в другой типографии на Гороховой улице (ныне — улица Дзержинского). Ее правительство не успело закрыть, и номер за 24 октября был выпущен беспрепятственно.

В Смольный прибыли пулеметные команды Литовского и Гренадерского полков. Пулеметы установлены были на подступах и на крыше здания. Прибыло несколько броневиков из автобронедивизиона. На прилегающих улицах появились посты охранения. Возможность внезапного налета правительственных войск для ареста членов большевистского ЦК и ВРК теперь исключалась. Но парализовав замыслы противника, Военно-революционный комитет не решался еще арестовать правительство и захватить всю реальную власть в городе. ВРК ограничивал свою задачу защитой Петроградского Совета и открывающегося 25 октября Второго Всероссийского съезда Советов. Соответствующие указания — быть наготове, но никаких активных действий без приказа не предпринимать — были переданы и в районные Советы и штабы Красной гвардии. Такое неопределенное состояние сохранялось до второй половины дня 24 октября.

Что же делало Временное правительство и его военные власти в эти же часы? Штаб округа потребовал, чтобы воинские части не покидали казарм до особого распоряжения. Приказы различных организаций выполнять категорически запрещалось. Полковников пытались лишить полномочий комиссаров ВРК и даже грозил отдать их под суд за «незаконные действия». Боеприпасы разрешено было отпускать со складов только по распоряжению начальника штаба округа генерала Я. Г. Багратуни. На Дворцовую площадь спешно вызывались юнкера Павловского и Владимирского пехотных училищ и Константиновского артиллерийского.

Однако из всех вызванных ночью Временным правительством частей на Дворцовую площадь к полудню прибыл только 1-й Петроградский женский батальон из

Левашова. Когда же «ударникам» объявили, что батальон вызван для охраны правительства, а не для «парада», как было сказано в телефонограмме, то они единодушно потребовали отправить их обратно в Левашово. С трудом удалось задержать одну полуроту в составе 136 человек — якобы для охраны бензиновых складов Нобеля в Волковой деревне, где рабочие объявили забастовку. «Ударники» временно разместили в пустовавших квартирах Дворцового ведомства (вход с Комendanтского подъезда Зимнего). Ожидаемые правительством артиллеристы из Павловска и полк увечных воинов из Царского Села не прибыли. Местный Совет рабочих и солдатских депутатов запретил им покидать казармы.

На Дворцовой площади были сконцентрированы и правительство, и высшие военные власти страны и столицы. Напомним читателю, что только штабов в районе Дворцовой площади было целых три. В здании, выходящем углом на Невский проспект, размещались Главный и Генеральный штабы русской армии. А штаб Петроградского военного округа занимал здание между Миллионной улицей (ныне — улица Халтурина) и Певческим проездом. К этому надо добавить еще и Морской генеральный штаб — в здании Адмиралтейства. Керенский почти все утро провел в штабе округа. Здесь, в кабинете командующего округом полковника Г. П. Полковникова, он узнал, что вызванные части на площадь не явились, а ВРК не отменил своей телефонограммы о контроле над действиями штаба. Министр-председатель распорядился собрать на площадь как можно больше верных правительству войск, а затем поспешил в Марининский дворец, на заседание предпарламента.

В своем внеочередном заявлении в обычной крикливой манере Керенский сообщил членам предпарламента, что большевистские газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты, ибо вели агитацию за немедленное свержение правительства. Он пытался поставить знак равенства между этими изданиями и бульварными черносотенными газетами «Живое слово» и «Новая Русь», тоже закрытыми тем же постановлением правительства. Керенский процитировал отдельные места из статьи В. И. Ленина «Письмо к товарищам», напечатанной 19, 20 и 21 октября в газете «Рабочий путь», в частности повторил слова «разыскиваемого государственного преступника» о том, что «промедление в восстании смерти

подобно». Далее министр-председатель объявил, что Военно-революционный комитет, принявший условия штаба округа о переговорах, якобы первым нарушил достигнутое соглашение об урегулировании конфликта.

«В настоящее время,— заявил Керенский,— прошли все сроки, и мы того заявления (об отмене контроля ВРК.— В. С.), которое должно было быть сделано в войсках, не имеем. Наоборот, имеется обратное явление, а именно самовольная раздача патронов, а также вызов двух рот на помощь революционному штабу. Таким образом я должен установить перед Временным советом полное, явное и определенное состояние известной части населения Петербурга как состояние восстания». Еще он добавил, что начато судебное преследование против членов ВРК.

Большинство представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий, из которых состоял предпарламент, встретили речь министра-председателя с восторгом. Но не успел он покинуть трибуну, как его заместитель А. И. Коновалов подал ему записку — копию Предписания № 1 ВРК. Керенский зачитал вслух этот документ и под дикие крики правых депутатов потребовал предоставить правительству чрезвычайные полномочия. Был объявлен перерыв, и глава буржуазного правительства уехал в Зимний. Из своего кабинета он стал названивать по телефону Полковникову, которому посоветовал развести мосты через Неву, как это уже делалось в июльские дни. Около трех часов дня 24 октября штаб округа отдал приказ о разводке Литейного, Троицкого и Николаевского мостов через Большую Неву. Дворцовый мост, оставаясь сведенным, был взят под охрану юнкеров.

Военно-революционный комитет принял и этот вызов. Завязалась бескровная пока «битва за мосты». Когда юнкера Михайловского артиллерийского училища двинулись к Литейному проспекту, где находился разводной механизм Литейного моста, они были остановлены красногвардейцами 1-го Городского района и солдатами — в угловом доме находились районный Совет рабочих и солдатских депутатов 1-го Городского района и Военная организация при ЦК РСДРП(б). Разоруженных юнкеров отправили восвояси, а охранять мост стали красногвардейцы.

Временное правительство не только взяло на себя ответственность за развязывание гражданской войны, но и дало приказ об открытии огня против своих поли-

тических противников. В данном наряде Женского батальона предписании говорилось: «Задача — содействовать разводке мостов и огнем прекращать всякую попытку навести их снова». Это первое упоминание в документах об открытии огня. И исходило оно, как видим, из правительственного лагеря. Приходится только удивляться, что в те же минуты Троицкий, выступая в Смольном на заседании фракции большевиков Второго Всероссийского съезда Советов, говорил, что арест Временного правительства не стоит в порядке дня «как самостоятельная задача»! Если бы у правительства было побольше сил, оно тотчас послало бы их против Смольного с приказом патронов не жалеть и пленных не брать!

Логика развивавшегося конфликта быстро вносила свои коррективы в поведение руководства Военно-революционного комитета. Для того чтобы отразить все новые покушения против него со стороны Временного правительства, ВРК должен был срочно думать и о собственной инициативе. Ее проявляли прежде всего комиссары воинских частей, располагавшие значительной свободой действий в условиях слабой связи с ВРК. Так, комиссар Гренадерского полка и Огнеметно-химического батальона А. Ф. Ильин-Женевский отдал приказ предотвратить разводку Гренадерского моста через Большую Невку и Тучкова моста через Малую Неву. Благодаря этому полностью сохранились связь и сообщение между Выборгским, Петроградским и Василеостровским районами города. К Троицкому мосту «ударницы» Женского батальона побоялись даже приблизиться, так как он находился под прикрытием Петропавловской крепости. Защитникам Зимнего удалось развести только Николаевский мост. «Ударницы» и сильный юнкерский отряд оттеснили охранявших мост красногвардейцев Василеостровского района. Под контролем штаба округа оставался и Дворцовый мост. Несмотря на это, трамвайное движение по нему, хотя и нерегулярное, продолжалось вплоть до позднего вечера. ВРК установил контроль за самым близким к Смольному мостом — имени Петра Великого (ныне — Большеохтинский). В итоге битву за мосты почти повсеместно выиграл Военно-революционный комитет.

«У нас все прочно. Позиции усиливаются» — так говорилось в предписании Военно-революционного комитета комиссару Гренадерского полка, которому было приказано не допустить выхода на Дворцовую площадь юн-

керов Павловского училища и разоружить их. И действительно, ситуация второй половины дня 24 октября складывалась в пользу ВРК. А среди защитников Зимнего в 4 часа дня произошел еще один инцидент. Самокатчики, которые с июльских дней несли охрану дворца и считались надежной частью, заявили, что больше охранять правительство не желают. Из своих казарм в Петропавловской крепости и особняке Кшесинской они направились в цирк «Модерн» — на углу Кронверкского проспекта и Дункена переулка (ныне — проспект Максима Горького и Крестьянский переулок, здание не сохранилось). Там в 5 часов вечера состоялся большой митинг, на котором самокатчики заявили, что полностью поддерживают позицию Петроградского Совета.

В это же время на Центральный телеграф, который в ленинском плане восстания был отнесен к числу первоочередных стратегических объектов, явился комиссар С. С. Пестковский вместе с другим большевиком Ю. Лещинским. Охранявший телеграф караул солдат Кексгольмского полка во главе со штабс-капитаном Лонгвой добровольно перешел на сторону ВРК. Телеграф стал первым правительственным учреждением, занятым революционными силами. Когда в 8 часов вечера к телеграфу явился отряд юнкеров, посланный из Зимнего, чтобы сменить кексгольмцев, те отказались оставить свой пост, заявив, что подчиняются только Военно-революционному комитету.

Владимир Ильич Ленин вплоть до вечера 24 октября находился на конспиративной квартире М. В. Фофановой на Сердобольской улице (дом номер 1, квартира 41). В обычные дни хозяйка квартиры покупала для него газеты всех направлений. Утром 24-го она не смогла купить газету «Рабочий путь». Это встревожило Владимира Ильича. Был вторник, и газеты, в понедельник обычно не выходившие, освещали на своих страницах события, относившиеся к 22—23 октября. Что же произошло с Центральным органом партии? Спросить было не у кого. Ленин соблюдал строжайшую конспирацию, ибо Временное правительство усиленно разыскивало его. На квартиру Фофановой никто не заходил, кроме Н. К. Крупской и связного ЦК Эйно Абрамовича Рахья.

Связной пришел только после трех часов дня. Он рассказал о том, что газета закрыта по постановлению правительства, что ЦК и ВРК приняли меры по возобновлению ее выхода. Дополнительно Рахья сообщил: на

заводах Выборгского района, мимо которых он шел, настроение приподнятое; Красная гвардия наготове и ждет приказа о выступлении. Был Рахья и на митинге в гвардии Московском резервном полку. Там тоже все за Петроградский Совет и большевиков. Но вот тревожная весть. Через знакомого чертежника из управления милиции связной узнал о распоряжении штаба округа развести мосты через Неву.

За окном уже начинали опускаться сумерки. Тревога Ленина нарастала. Нельзя медлить! Он садится за стол и быстро набрасывает письмо членам ЦК:

«Я пишу эти строки вечером 24-го, положение действительно критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изю всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!»¹

С этим письмом Э. Рахья отправился в Выборгский районный комитет большевистской партии, с тем чтобы оттуда письмо немедленно доставили в Смольный. Ленин просил Рахью вернуться обратно, чтобы сообщить о последующих изменениях обстановки в городе.

В 7 часов вечера в Смольном открылось общее собрание Петроградского Совета и прибывших в столицу делегатов Второго Всероссийского съезда Советов. Троцкий, выступая, как председатель Совета, с информационным докладом, не дал исчерпывающей картины событий, отговариваясь тем, что точные сведения имеются в ВРК. С прежней настойчивостью он заявил, что конфликт восстания сегодня или завтра не входит в «наши планы». Подобные «планы» не только отдавали инициативу в руки контрреволюции, но и расхолаживали бойцов революционной армии, призывая их пассивно ждать решения съезда. Поэтому тревога, отразившаяся в письме В. И. Ленина членам ЦК вечером 24 октября, была вполне обоснована.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435.

В Марининском дворце в это же время на возобновившемся заседании предпарламента опять продолжались бесплодные прения, полные взаимных обвинений. В качестве «выхода» из создавшегося положения левые эсеры и меньшевики-интернационалисты предложили резолюцию (так называемую «формулу перехода к очередным делам»), в которой от правительства требовались немедленные шаги для провозглашения условий мира, начала мирных переговоров и издания декрета о передаче земли в руки земельных комитетов. Эта «формула перехода» и была принята большинством, несмотря на противодействие лидеров буржуазных партий. Но Керенский, верный слуга российских и союзных капиталистов, никак не мог выполнить такую программу. Когда лидеры партий эсеров и меньшевиков предпарламента Н. Д. Авксентьев и Ф. И. Дан (последний в это время исполнял обязанности председателя ЦИК) прибыли в Зимний дворец и вызвали Керенского с заседания Временного правительства, проходившего в Малахитовом зале, в Серебряную гостиную, министр-председатель после консультации с другими министрами заявил, что, поскольку Временный совет республики отказал правительству в безоговорочной поддержке, оно впредь будет действовать самостоятельно...

Военные власти все еще пытались нападать на большевиков и Петроградский Совет, но всякий раз их вылазки заканчивались провалом. В половине седьмого вечера инспектор милиции с отрядом милиционеров намеревался сорвать печатание вечерней газеты Петроградского Совета «Рабочий и солдат» в типографии «Копейка», но рабочие и матросы прогнали милицию. Газета своевременно была отправлена в Смольный. В 10 часов вечера отряд юнкеров под командованием подполковника Германовича явился в клуб завода Нобеля «Свободный разум» на Финляндском проспекте, 6, где в одной из комнат помещалась и редакция Центрального органа большевистской партии — газеты «Рабочий путь». Подполковник и его юнкера хотели опечатать помещение редакции. Прибывшие по вызову рабочих красногвардейцы и члены Выборгского районного Совета арестовали юнкерский патруль и его начальника. Хотя открытые столкновения представителей противоположных сторон участились, все еще не было сделано ни одного выстрела.

Историки еще не выяснили до конца, какое воздействие на руководителей восстания оказало письмо

В. И. Ленин, отправленное вечером 24 октября с Сердобольской улицы. Несомненно, однако, что оно сыграло свою роль, так как с 8—9 часов вечера Военно-революционный комитет не ограничивался уже только отражением выпадов Временного правительства, а предпринимал собственные наступательные шаги, которые с каждым часом перерастали в общую атаку на буржуазную власть.

Петроградское телеграфное агентство (Невский, 1) было занято нарядом матросов (12 человек) во главе с Л. И. Старком, делегатом Второго Всероссийского съезда Советов, редактором большевистской газеты в Гельсингфорсе. Старк взял под контроль передачу новостей, и в частности задержал телеграмму с резолюцией предпарламента («формула перехода»). В 9 часов вечера на Балтийский вокзал прибыл комиссар ВРК прапорщик П. Г. Кац с командой из 150 солдат Измайловского полка (казармы измайловцев располагались неподалеку). Караулами полка был занят весь вокзал, а в служебных помещениях установлены посты у телефонных аппаратов. Начальник станции, успевший позвонить в штаб округа, запросил помощи. Но штаб ограничился тем, что послал циркулярную телеграмму, в которой грозил расправиться с ВРК по прибытии с фронта верных правительству войск.

Свидетельством перехода ВРК в наступление служит также телеграмма, отправленная около 8 часов вечера в Гельсингфорс Центробалту и Областному комитету армии, флота и рабочих Финляндии. В ней содержались условные слова: «Высылай устав». Это означало, что нужно немедленно отправить в Петроград корабли и экспедиционный отряд из моряков-балтийцев и солдат. Из Гельсингфорса в ответ на эту телеграмму скоро вышли миноносцы. К полуночи на Гельсингфорсский вокзал стали прибывать первые боевые роты и команды для отправки в Петроград. Восстание началось.

ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

Многие ленинградцы знают большое панно на стене дома на углу Сердобольской улицы и проспекта Энгельса у станции Ланская, на котором показан путь Ленина в Смольный с последней конспиративной квартиры вечером 24 октября 1917 г. Путь этот изучен нашими историками с большой достоверностью. Сохранились воспоминания Эйно Рахья, связного Владимира Ильича, сопровождавшего его во всех конспиративных переездах с конца июля 1917 г.

Они ехали сначала на трамвае, шедшем в парк, до угла Боткинской улицы и Большого Сампсониевского проспекта (ныне — проспект Карла Маркса). Затем шли по Боткинской и Нижегородской (ныне — улица Лебедева) к Литейному мосту. Миновали мост и по Шпалерной (ныне — улица Воинова) направились прямо к Смольному. Точное время прихода В. И. Ленина в Смольный не установлено. Имеются разные точки зрения. Некоторые исследователи ссылаются на то, что трамвай в этот день следовал в парк по требованию военных властей в половине седьмого вечера. В какой же парк шел трамвай? Поскольку он не переехал Литейный мост, а свернул на Финляндский проспект и Петроградскую сторону, можно достоверно утверждать, что его маршрут заканчивался в Петроградском трамвайном парке (ныне — парк имени Блохина) на Вульфовой улице. Предположительно можно указать время между семью и восемью часами вечера. Во всяком случае, соображение о раннем возвращении трамваев в парки должно быть принято во внимание.

М. В. Фофанова, хозяйка последней ленинской конспиративной квартиры, в своих воспоминаниях говорит о более позднем времени. По ее словам, Ленин вечером 24 октября несколько раз посылал свои записки, которые она относила в Выборгский районный комитет партии. Последний раз Ленин условился ждать Фофанову до 11 часов вечера. Но к этому времени его на кварти-

е уже не было, а в оставленной записке Владимира Ильича говорилось: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил». Если принять за основу это свидетельство, то В. И. Ленин и Эйно Рахья не могли прибыть в Смольный ранее полуночи. Таким образом, истинное время прихода Ленина в Смольный лежит между 21 и 24 часами 24 октября 1917 г.

В воспоминаниях меньшевика Ф. И. Дана, написанных им в середине двадцатых годов в эмиграции, упоминалось, что когда он и лидер правых эсеров А. Р. Гоц вышли из Зимнего дворца вечером 24 октября после неудачной попытки заставить Керенского согласиться с «формулой перехода», то сразу же поехали в Смольный. Там на третьем этаже они зашли в одну из больших комнат, чтобы подкрепиться бутербродами. И вдруг Дан узнал в одном из людей, собравшихся на другом конце этой комнаты... В. И. Ленина! Можно предположить, что упомянутая встреча произошла около 12 часов ночи.

Гипотеза о более раннем приходе В. И. Ленина в Смольный, как представляется нам, ближе к истине. Если бы это удалось доказать историкам со всей определенностью, то получил бы новое подтверждение вывод о том, что решительный поворот в сторону наступательных действий, прослеживающийся в действиях ВРК с 8—9 часов вечера,— прямое следствие появления Ленина в Смольном и его встречи с руководителями восстания. А то, что такая встреча состоялась, говорят в своих воспоминаниях многие члены ВРК. Вот только точное время встречи они, к сожалению, не называют.

Итак, вечером 24 октября двое мужчин вышли из подъезда дома номер 1 по Сердобольской улице. На Ленине был седой парик и очки, которые он носил в дни своего последнего подполья. По совету своего спутника Ленин повязал щеку платком, как будто у него болели зубы. В вагоне трамвая, как вспоминает Эйно Рахья, Ильич заговорил с женщиной-кондуктором, которая заявила, что в городе ожидается революция и поэтому трамваи возвращаются досрочно в парк. Когда Ленин и его связной перешли мост, недалеко от угла Литейного, на Шпалерной улице, их остановил правительственный патруль. Рахья, по его словам, притворился пьяным и пустился в пререкания с юнкерами, в то время как Ленин быстро пошел вперед. Юнкера не стали связываться с «подгулявшим», и Рахья нагнал Владимира Ильича. Дальнейший путь прошел без происшествий.

Прибыв в Смольный, В. И. Ленин немедленно встретился с руководством ВРК. На третьем этаже, в комнате ВРК, он выслушал доклад о всех событиях дня 24 октября. Главное, что волновало Владимира Ильича,— это быстрейший захват важнейших объектов города и арест правительства. Он возмущался тем, что согласованный до деталей план захвата стратегических пунктов очень медленно выполняется, что не занята еще Центральная телефонная станция и бездействуют аппараты Смольного. Ведь он десятки раз предупреждал об этом! Руководители восстания стали действовать энергичнее. Всем колебаниям и тактике ожидания съезда Советов был положен отныне решительный предел. С прибытием Ленина в Смольный во всех действиях ВРК стала чувствоваться его железная направляющая рука.

Около 12 часов ночи к Смольному из Сестрорецка прибыл полуторатысячный отряд красногвардейцев. Гарнизон Смольного, состоявший из революционных солдат Литовского и Гренадерского полков, красногвардейцев и других подразделений, был усилен броневиками и гарантировал надежную защиту штаба революции. Красногвардейцы выставили свои пикеты на Калашниковской набережной у Охтинского моста, на всех прилегающих к району улицах. Именно в эту ночь Смольный приобрел тот вид, который навсегда запомнился современникам и участникам событий, который потом много раз пытались воссоздать художники и кинематографисты. Ярко освещенные окна высокого и длинного здания, группы людей, штатских и военных, входящих и выходящих из здания. Костры, бросающие свои отблески на прижнутые штыки часовых, на стальные борта броневиков. Устойчивый гул голосов. Восторженно смотрели на эту картину депутаты Второго Всероссийского съезда Советов, которым довелось попасть в самую гущу всемирно-исторических событий. Многие из депутатов уже работали на революцию, разъехались по городу с мандатами Военно-революционного комитета.

Обеспечив надежную охрану штаба революции и подступов к нему, ВРК стал развивать успех восстания. 2-му запасному пулеметному полку было приказано занять к 12 часам ночи станции Стрельна, Сергиева Пустынь (ныне — Володарская) и Лигово, установить контроль за телефонами и телеграфом, не пропускать юнкеров из Ораниенбазума и Петергофа в столицу, выставить посты на Петергофском шоссе. Тем самым правительство теряло контроль над Балтийской железной до-

рогой и шоссе и не могло использовать их для переброски юнкеров из Стрельны, Петергофа и Ораниенбаума. А занятие станции Лигово закрывало железнодорожную ветку на Гатчину.

В 2 часа ночи на 25 октября первая рота 6-го запасного саперного батальона заняла по приказу ВРК Николаевский вокзал (ныне Московский). С Балтийского вокзала был послан небольшой отряд, который занял соседний, Варшавский вокзал. Финляндский вокзал перешел под контроль финской Красной гвардии. Вскоре ВРК установил контроль над всеми вокзалами Петрограда, а также над главной городской электростанцией — Общества электрического освещения 1886 г. (ныне — 1-я ГЭС). С Центрального телеграфа солдаты-кекельгальмцы выставили свои посты и на расположенный рядом почтамт. Передвижения революционных войск продолжались всю ночь.

В 3 часа 30 минут крейсер «Аврора» подошел к разводной части Николаевского моста. Его прожекторы прорезали ночную тьму. Крупный юнкерский караул, которому была поручена охрана моста, поспешно ретировался, а мост был сведен и поставлен под охрану красногвардейцев Васильевского острова и солдат Финляндского полка.

Попытки штаба округа отбить у революционных войск Николаевский мост, Центральный телеграф и Петроградское телеграфное агентство не увенчались успехом. Ударники и юнкера, наталкиваясь на численно превосходящие караулы ВРК, не ввязывались в бой и уходили. По-прежнему не было сделано еще ни одного выстрела. Но гигантский перевес сил ВРК в решающих местах и в решающий момент поверг штабных вояк в полное уныние. О том чтобы подавить восстание и арестовать членов ВРК, не могло быть и речи. Приходилось думать о собственной обороне и об охране правительства. Новых войск почти не прибывало. Юнкера из Петергофа не могли прибыть, так как железная дорога и шоссе были заняты революционными войсками.

Около 2 часов ночи 25 октября в Малахитовом зале закончилось заседание Временного правительства. Министры уезжали из дворца в угнетенном состоянии духа. Не все смогли добраться до своих квартир. Так, министр исповеданий А. В. Карташев, живший на Кавалергардской улице (ныне — улица Красной Конницы), был задержан в автомобиле вместе с начальником контрразведки Временного правительства Сурным на

Миллионной улице заставой Павловского полка. Солдаты привели их к комиссару ВРК О. П. Дзенису. Тот распорядился доставить обоих в Смольный. Сурина там сразу задержали, а Карташева пока освободили. Под утро он добрался до своей квартиры.

В Зимнем из своей квартиры на третьем этаже дворца Керенский до 3 часов ночи вел переговоры с Советом казачьих войск, требуя прислать казаков на защиту правительства. Казаки отказывались. Они не могли простить Керенскому ареста Корнилова. Тогда министр-председатель, разбудив адъютантов, дремавших в соседней комнате, направился в штаб округа. Было около 4 часов утра, когда началось совещание с высшими чинами штаба. К трем казачьим донским полкам, расквартированным в Петрограде, начальник штаба округа генерал Я. Г. Багратуни отправил телеграфное обращение с призывом выступить на защиту Временного правительства. Но казаки, ссылаясь на отсутствие пехоты среди защитников Зимнего, не спешили превращаться в живые мишени для пулеметов.

Вскоре в штаб явились делегаты от юнкеров и «ударниц» из самого Зимнего дворца. Они растерянно заявляли, что своими силами никак не могут вести борьбу против всего петроградского гарнизона. Успокоил их Багратуни тем, что скоро-де по дворец придут казаки (!) и верные правительству войска с фронта. Керенский действительно вел переговоры с командующим войсками Северного фронта генералом В. А. Черемисовым об отправке в Петроград из Финляндии 5-й казачьей дивизии, 23-го Донского казачьего полка и других частей. Но Черемисов медлил с отдачей соответствующих приказов. Только в 6 часов 25 октября 3-й и 5-й самокатные батальоны, задержанные ранее на станции Передольская, получили его распоряжение выступить в Петроград. Пока же штаб лишь регистрировал все новые и новые успехи Военно-революционного комитета.

Приблизительно в это же время в Смольном, после того как здесь собралось значительное число членов ЦК, проходило заседание Центрального Комитета большевистской партии. Восстание еще было в полном разгаре, но Ленин не сомневался в его успехе. Он поставил вопрос о создании Советского правительства. Было решено назвать это правительство Советом Народных Комиссаров, чтобы подчеркнуть полный разрыв с буржуазной государственностью и политикой. Слова «Со-

вет» и «комиссар» с дней Февральской революции прочно вошли в революционный быт и сознание народа. Поэтому и название нового правительства соответствовало воле и самосознанию самых широких масс. Обсуждался и персональный состав правительства. В. И. Ленин предложил сформировать его только из представителей большевистской партии — лидеров ее Петроградской и Московской организаций. Состав правительства должен был утвердить съезд Советов.

Заседание ЦК проводилось в комнате номер 31, на первом этаже. В его обстановке наглядно отразился момент рождения нового строя. Для участников заседания не хватало даже стульев. Некоторые члены ЦК стояли вокруг стола, другие сидели на подоконниках. В углу комнаты прямо на полу дремал Эйно Рахья. В 4 часа утра, после обсуждения доклада ВРК о ходе восстания, заседание ЦК закончилось. К этому времени поступили сообщения о занятии революционными войсками вокзалов и мостов. В. И. Ленин торопил с занятием Центральной телефонной станции, Государственного банка. Затем члены ЦК устроились на недолгий отдых, кто на столах, кто на стульях, а кто и прямо на полу.

Восстание продолжалось. В 6 часов утра отряд из 40 матросов Гвардейского флотского экипажа подошел к ограде Государственного банка на Садовой улице. Растерявшийся часовой пропустил вооруженных людей. Начальник караула эсер Булхов спал. Когда его разбудили, он вынужден был подчиниться предписанию ВРК и сдал караул морякам. Взвод солдат-семеновцев из прежней охраны заявил о своем нейтралитете и вскоре удался.

Труднее было овладеть Центральной телефонной станцией, усиленно охранявшейся юнкерами. Когда комиссар ВРК в Кексгольмском полку П. С. Калягин в 3 часа ночи 25 октября потребовал выключить правительственные телефоны, начальник станции отказался сделать это. Пришлось послать для занятия станции пятую роту Кексгольмского полка во главе с ее командиром А. Захаровым, который неоднократно бывал на станции, знал расположение караульного помещения и топографию здания. Казармы полка находились на Конногвардейском бульваре (ныне — бульвар Профсоюзов). Через 15 минут рота была на углу Морской и Гороховой (ныне — улица Дзержинского). Станция располагалась в третьем от угла доме, рядом со знаменитым ма-

газном ювелирной фирмы «Фаберже» (ныне — магазин «Яхонт»).

Быстро проскочив через подворотню по обе стороны стоявшего там броневика, кексгольмцы оказались в обширном дворе станции. На шум выскочили юнкера и увидели наведенные на них винтовки кексгольмцев. Захаров громко скомаандовал юнкерам: «Вынуть патроны! Сдать оружие!» Воспользовавшись мгновенным замешательством юнкеров, солдаты окружили их и отобрали винтовки. Сдав юнкеров под охрану роты, Захаров с двумя комиссарами прошел в здание, где было объявлено об установлении контроля ВРК над Центральной телефонной станцией. Захаров стал ее комендантом. Тотчас телефоны Зимнего дворца и штаба округа были выключены.

В 8 часов утра отрядом красногвардейцев и солдат была занята типография газеты «Биржевые ведомости». В девятом часу отряд из солдат Семеновского полка с тремя офицерами захватил типографию газеты «Русская воля». Это была крупная буржуазная газета, основанная в конце 1916 г. при содействии последнего царского министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Типографию, оснащенную по последнему слову тогдашней техники, запасы бумаги ВРК реквизирует для нужд революции. По распоряжению комиссара ВРК С. Г. Урлова с привезенных матриц здесь было напечатано 100 тысяч экземпляров большевистской газеты «Рабочий путь» для немедленной отправки на фронт. В типографии «Биржевых ведомостей» начала печататься газета военных моряков «Центрофлот». В 11 часов утра был произведен обыск в редакции газеты В. Л. Бурцева «Общее дело», после чего помещение редакции опечатали.

На помощь Военно-революционному комитету отправлялись первые резервы. Из Гельсингфорса рано утром 25 октября вышли миноносцы «Самсон» и «Меткий», а затем — «Забияка» и «Мощный». В Кронштадте в 8 часов утра закончилась посадка матросов, красногвардейцев и солдат на суда, отправлявшиеся в Петроград. Революционный штаб кронштадтцев разместился на минном заградителе «Амур». Член ВРК И. П. Флеровский произнес напутственное слово перед революционными бойцами. В 10 часов 30 минут утра «Амур» снялся с якоря. Вслед за ним ушли минный заградитель «Хонер» и под флагом Красного Креста судно «Зарница». Линейный корабль «Заря свободы» еще ранее за-

В. И. Ленин. Петроград. Смольный.

Члены Партийного центра по руководству восстанием в Петрограде, избранные на заседании ЦК РСДРП(б) 16 октября 1917 г.:

А. С. Бубнов,
Ф. Э. Держинский.

Я. М. Свердлов,
Н. В. Сталин.

М. С. Урицкий.

Обледа Зимнего дворца после победы Февральской революции.
1917 г.

В Зимнем дворце в 1916—1917 гг. размещался госпиталь. Так
выглядела одна из палат

Одни из отрядов Красной гвардии Петрограда. Октябрь 1917 г

Помещение ударниц Женского батальона в Зимнем дворце. 1917 г.

Большевики — активные участники Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде:

В. А. Антонов-Овсенко,

Г. И. Благоиравов,

К. С. Еремеев,

В. Ф. Малаховский,

В. И. Невский,

И. И. Подвойский,

Ц. К. призвал, что как между
народное движение русской револю-
ции (создание во фронт в Гер-
мании, как крайнее проявление
народной всемирной социальни-
стской революции, дабы угроза
мира и человечества с целью
удержания революции в России),
— так и во время революции
(несомненно решается русская
буржуазия и Керенский с Кошар
Пилуд и т. д.), — так и
приобретение большевиками
пролетарской партии в Сове-
тах, — все это в связи с
кредитными вопросами
и с политическим народным
и во всем Европе

Заграждения на Гороховой улице (ныне — улица Дзержинского) в дни Октября.

Крейсер «Аврора».

Штаб революции Смольный в дни Октября.

Матросы — участники Великой Октябрьской социалистической революции.

Эсминец «Забияка» — один из кораблей, участвовавших в Октябрьской революции.

Красногвардейцы у ограды Смольного. Октябрь 1917 г.

Прежде чем назначить себя министром-председателем, Керенский (второй справа) занимал место военного и морского министра во втором коалиционном Временном правительстве

Малахитовый зал Зимнего дворца.

Солдаты Кексгольмского полка во дворе Центральной телефонной станции. Октябрь 1917 г.

Кабинет Керенского в Зимнем дворце (после штурма)

У городской думы в дни Октября.

У Зимнего дворца утром 26 октября (8 ноября) 1917 г.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Лозунгъ: власть рабочимъ, объединеннымъ!

ДЕРЕВЕНСКАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ
КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА.

БѢДНОТА

Издаваемая Военной Организацией при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

№ 12

Четвергъ 28 сентября (1 октября) 1917 года.

Цѣна 10 коп.

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета.

Въ Петроградѣ власть въ рукахъ Военно-Революціоннаго Комитета Петроградскаго Совѣта.

Единодушно возставшіе солдаты и рабочіе побѣдили безо всякаго кровопролитія.

Правительство Керенскаго низложено.

Комитетъ обращается съ призывомъ къ фронту и тылу не поддаваться провокаціи и поддерживать Петроградскій Совѣтъ и новую революціонную власть, которая немедленно предложитъ справедливый миръ, передастъ землю крестьянамъ, созываетъ Учредительное Собраніе.

Власть на мѣстахъ переходитъ въ руки Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

Военно-Революціонный Комитетъ Петроградскаго Совѣта

25 Октября 1917 года 10 час. утра.

Первая страница большевистской газеты «Деревенская беднота» с извещением ВРК о победе вооруженного восстания в Петрограде.

нял позицию в Морском канале на случай оказания необходимой артиллерийской поддержки восставшим.

Утром в Смольном Военно-революционный комитет подводил итоги действий революционных войск за предыдущую ночь. План восстания, намеченный Владимиром Ильичем Лениным еще в середине сентября, а затем оперативно дополненный и уточненный руководителями ВРК, выполнялся успешно, хотя и не так быстро. Были уже заняты мосты (кроме Дворцового), вокзалы, Государственный банк, главная электростанция, телефонная станция, Центральный телеграф, почтамт, Петроградское телеграфное агентство, крупнейшие типографии. В районах осуществлялся контроль над почтово-телеграфными отделениями, винными складами. Все распоряжения ВРК выполнялись четко и достаточно скоро. В вечерних и ночных акциях принимали участие воинские части, расположенные вблизи от занимаемых объектов. Во многих случаях солдаты знали их по предыдущей караульной службе. В отличие от представлений, сложившихся у многих под влиянием некоторых художественных произведений, революционные отряды солдат, матросов и красногвардейцев не тянулись со всех сторон многотысячными колоннами в Смольный, чтобы, получив задание, отсюда именно идти на их выполнение. Нет! На улицах царило спокойствие и безлюдье в эту ночь. Все войска и Красная гвардия оставались в своих казармах, на заводах, при районных штабах. Именно отсюда они направлялись на объекты, шли быстро, четко, по возможности незаметно, не привлекая внимания противной стороны.

Это Керенский и буржуазная печать представляли себе «выступление большевиков» по образцу ньюльских дней, т. е. как стихийное и слабо организованное. Они ждали грандиозных демонстраций сотен тысяч рабочих и солдат в уличных колоннах. Керенский даже говорил английскому послу Джорджу Бьюкенену: «Я желаю только одного. Пусть они скорее выйдут на улицу, и я их раздавлю!» Ничего этого на самом деле не происходило в дни Октября. Керенский и военные власти были разочарованы. Показателем этого является телеграмма, которую полковник Г. П. Полковников отправил в Ставку начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Н. Н. Духонину и командующему армиями Северного фронта генералу В. А. Черемисову. Вот отрывок из нее: «Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет

планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступали. Сознавая всю ответственность перед страной, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет сделано попытки к захвату Временного правительства».

Эта телеграмма была отправлена в 10 часов 15 минут 25 октября. А через несколько минут начальник штаба Петроградского военного округа генерал Я. Г. Баградуни разговаривал по телефону с тем же Черемисовым. Он повторил, что в городе беспорядков нет, на улицах нормальная, спокойная жизнь, но войска приказов штаба не выполняют. «Даже наиболее послушные и дисциплинированные части,— констатировал Баградуни,— сдают без сопротивления занимаемые ими караулы. Идет планомерный захват государственных и общественных учреждений — Центральная телефонная станция, Государственный банк и другие. Правительство лишено остатков власти, и возможно покушение на захват самого правительства».

Таким образом, военные власти, оценивая обстановку, сложившуюся в Петрограде утром 25 октября, признавали, что Временное правительство лишено реальной власти и фактически агонизирует. К этому же выводу пришел в Смольном и В. И. Ленин, выслушав доклады членов ВРК. Успех восстания полностью определился. Ведь к утру в распоряжении правительства остались лишь несколько десятков кварталов города. Они группировались вокруг двух очагов: Марининской площади, где находился предпарламент, и Дворцовой, где находилось правительство, штаб округа, Генеральный и Главный штабы, Морской генеральный штаб. К ним примыкали дом управления Петроградской городской милиции на углу Гороховой улицы и Адмиралтейского проспекта, дом военного министерства на Мойке между Гороховой и Кирпичным переулком («Довмин»), несколько других правительственных зданий. Но в этот «правительственный» район уже были вкраплены форпосты сил ВРК. Были заняты революционными войсками Центральная телефонная станция на Морской улице (на одной прямой с «Довмином»), почтамт и телеграф. Кексгольмский полк располагался на Конногвардейском бульваре. Недалеко были казармы Гвардейского флотского экипажа.

Наконец, на Дворцовую площадь выходило здание Петроградского телеграфного агентства (Невский, 1), уже занятые матросами. Именно здесь, в самом центре Петрограда, вскоре развернулись завершающие события Октябрьского вооруженного восстания.

Расставшись с руководителями ВРК, Ленин спустился на первый этаж Смольного, в комнату ЦК РСДРП(б) и около 10 часов утра написал знаменитое обращение «К гражданам России!» о низложении Временного правительства. Государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Стремясь скорее известить об этом все население страны, Ленин тем самым подчеркивал не только военный, но и моральный успех восстания.

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

*Военно-революционный
комитет
при Петроградском Совете
рабочих и солдатских
депутатов*

25-го октября 1917 г., 10 ч. утра»¹.

Революция одержала решающие успехи, и ее завершение являлось делом немногих часов. Обращение наносило последний удар по сторонникам оттяжки восстания и решения вопроса о власти на съезде Советов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 1.

ДЕНЬ 25 ОКТЯБРЯ

Воззвание «К гражданам России!» парализовало действие «формулы перехода» предпарламента, которая была принята вечером 24 октября. Хотя Временное правительство само отвергло резолюцию меньшевиков и эсеров из ЦИК первого созыва, они всячески ее про-пагандировали. На заседаниях ЦИК в ночь на 25 октября в Смольном, на заседании Петроградской городской думы, на митингах и собраниях, где им удавалось еще получить слово, лидеры меньшевиков и эсеров потрясали этой резолюцией, обещая от имени предпарламента скорые переговоры о мире, передачу земли под контроль крестьянских земельных комитетов. Включив в свое обращение слова о том, что дело немедленного предложения мира, передачи земли крестьянам, а также введения рабочего контроля обеспечено, Ленин положил конец демагогической пропаганде меньшевиков и эсеров.

Теперь, когда определилась победа восстания, предпарламент — гнездо буржуазных и мелкобуржуазных политиканов — был обречен. Когда утром 25 октября члены его собирались на свое очередное заседание, они еще не знали, что оно так и не состоится.

К 11 часам утра кулуары предпарламента стали наполняться людьми. До начала заседания Временного совета собравшиеся обсуждали события минувшей ночи. В большом возбуждении появилась Е. М. Кускова, известная либерально-буржуазная деятельница, в прошлом социал-демократка, меньшевичка, член предпарламента. «Вы подумайте! — громко кричала она. — Нас арестовали! Мы ехали с мужем в автомобиле, и солдаты загородили нам дорогу...» Напомним читателю, что муж Кусковой, С. П. Прокопович, был министром продовольствия в последнем Временном правительстве Керенского. Прокоповича действительно арестовали и увезли в Смольный. А Кускова пешком вынуждена была добираться до Марининского дворца.

Президиум предпарламента что-то обсуждал, когда вошел пристав и сказал, что только что видел министра-председателя А. Ф. Керенского из окна Марининского дворца. Тот сидел в своей открытой машине, которая пересекала площадь, двигаясь от Морской улицы в сторону Вознесенского проспекта (ныне — проспект Майорова). Это вызвало новый взрыв волнений и пересудов.

До 9 часов утра 25 октября Керенский провел в штабе округа и убедился, что не пройдет и нескольких часов, как весь город будет занят революционными войсками. Вернувшись в Зимний, Керенский позвонил Полковникову, требуя приготовить свой автомобиль для поездки навстречу войскам, вызванным в Петроград с Северного фронта. Таков был официальный мотив внезапного отъезда. Но нет сомнения, что главной причиной был страх за собственную жизнь. Керенский обладал на этот счет своего рода интуицией и всегда предчувствовал опасность, которая могла грозить ему лично. Так, 20 апреля, когда разыгрался политический кризис, вызванный империалистической политикой Временного правительства, и началась стихийная демонстрация вооруженных солдат, а многие солдаты были настроены арестовать правительство, Керенский неожиданно исчез на три дня. Только когда уличные выступления кончились, он вдруг появился 23 апреля на заседании исполкома Петроградского Совета как ни в чем не бывало. 3 июля вечером, когда на улицах Петрограда уже появились первые автомобили 1-го пулеметного полка с лозунгами против Временного правительства, Керенский срочно уехал на фронт и появился в столице только поздно вечером 6 июля. К его возвращению демонстрация 3—4 июля кончилась, а реакционная военщина во главе с генералом Половцовым проделала уже «страшную работу» за отсутствовавшего военного министра.

Теперь, утром 25 октября, Керенский чувствовал, что истекают последние часы, когда можно еще выскользнуть из рук Военно-революционного комитета, который, разумеется, не остановится перед арестом всего Временного правительства. И решил пожертвовать всеми своими коллегами, но спастись самому. Наскоро обследовав свой письменный стол, он стал жечь самые важные бумаги. Черный пепел хлопьями ложился на дорогой ко-

вер, устлавший под кабинета... Затем Керенский спустился к Коновалову, своему заместителю, и сказал ему, что официально передает председательство во Временном правительстве на время своего отсутствия. Он уверял Коновалова, что вернется с войсками, но при этом не смотрел ему в глаза.

Между тем в гараже Зимнего дворца на Конюшенной площади (ныне — таксомоторный парк № 1) никак не могли обнаружить личной машины Керенского. Более того, почти все надежные машины оказались вдруг подозрительно неисправными. Тогда Полковников вызвал к себе адъютанта, заведующего автомобильной частью штаба прапорщика Б. И. Кириша, и приказал ему достать автомобиль для Керенского, посоветовав обратиться в представительства союзных стран.

Англичане отказали в просьбе, а помощник американского военного атташе согласился временно уступить закрытый автомобиль марки «Рено» для нужд правительства. Поиски автомобиля заняли около часа. За это время нашли и личную машину Керенского, американской фирмы «Пирс-Эрроу» с открытым верхом. Машина «Рено» вдруг выехала из ворот штаба и, сделав круг по Дворцовой площади, нырнула под Арку Главного штаба и затем выехала на Морскую улицу. В ней ехали адъютанты Керенского. На машине развевался американский флажок, следом за ней на близком расстоянии шла машина, в которой сидели Керенский, помощник главнокомандующего округом капитан П. А. Козьмин, несколько офицеров. Керенский был одет в серое английское пальто, на голове — матерчатая фуражка с прямым козырьком без кокарды.

На большой скорости машины промчались мимо Центральной телефонной станции, занятой войсками ВРК, пересекли Гороховую. Офицеры, стоявшие перед гостиницей «Астория», увидев Керенского, стали отдавать ему честь. Он меланхолично отвечал. Около Марининского дворца машины были замечены приставом предпарламента.

Вырвавшись вскоре на широкий простор Забалканского (ныне Московского) проспекта, «Пирс-Эрроу» обогнал «Рено». Чутье и на этот раз не обмануло Керенского. В его распоряжении был лишь час: к 12 часам к Марининской площади стали подходить моряки из Гвардейского экипажа и солдаты Кексгольмского полка. Они заняли все входы и выходы во дворец, а в Новом переулке и на Вознесенском проспекте устроили барри-

кады из поставленных поперек уличных легковых автомобилей¹.

Комиссары ВРК вошли внутрь Марининского дворца. Матросы и солдаты встали шпалерами вдоль главной лестницы. Председателю Временного совета Российской республики эсеру Н. Д. Авксентьеву было передано распоряжение Военно-революционного комитета Петроградского Совета прекратить работу предпарламента, и совет старейшин предпарламента постановил подчиниться силе и разойтись. С этим решением ознакомились около ста членов предпарламента, собравшихся в Белом зале. Перед фасадом дворца цепь солдат изолировала здание от любой попытки проникнуть в него. Броневик ВРК «Олег» встал у главного входа.

В этот момент маленький сухонький генерал с седыми пышными усами, топорщившимися в противоположные стороны, стал требовать от солдат, чтобы его пустили во дворец. «Нельзя, господин генерал. Не велено!» — отвечали ему солдаты. Генерал настаивал. Его не пускали. «Да как вы смаете! — закричал генерал. — Я ваш бывший главнокомандующий генерал от пехоты Алексеев! Вызвать ко мне начальника караула!» Прибыл молодой поручик, отдал честь Алексееву и сказал: «Ваше превосходительство! Вход во дворец строго запрещен, и я не имею права Вас сюда пропустить, так как в ближайшие минуты может оказаться необходимость принятия самых энергичных и решительных мер». «Безобразие!» — проворчал Алексеев и удалился. Но буквально через три минуты после его ухода появился комиссар ВРК и выразил сожаление, что генерала не

¹ Весьма распространенная версия о том, что Керенский бежал из Зимнего дворца, переодевшись сестрой милосердия, не подтверждается историческими источниками. Однако факт переодевания имел место несколько позднее, после того как рабочие и солдаты Петрограда под руководством большевиков дали вооруженный отпор мятежу Керенского — Краснова и разбили войска мятежников 30 и 31 октября 1917 г. Обманутые казаки запросили мира. Один из руководителей революционных матросских отрядов П. Е. Дыбенко в ночь на 1 ноября в Гатчине договорился с казаками о выдаче Керенского. Но тот снова бежал, переодевшись в костюм матроса и шферские очки. «Керенский бежал, переодевшись матросом», — сообщал Центральный орган большевистской партии — газета «Правда» (3 ноября 1917 г.). В мае 1918 г. Керенский под видом офицера Сербского корпуса, сформированного из военнопленных австро-венгерской армии, добрался до Мурманска и на английском судне покинул Советскую Россию. В эмиграции он продолжал активную антисоветскую деятельность в многочисленных выступлениях и публикациях. Умер в 1970 г. в возрасте почти 90 лет.

арестовали. Генерал Алексеев, как и Краснов, которого через посредство отпустили из Гатчины под честное слово не выступать против Советов, выехал на Дон, где стал интенсивно сколачивать добровольческую белую армию.

А на Марининскую площадь выходили члены предпарламента. Вскоре дворец опустел. Временный совет Российской республики — последнее детище коалиции меньшевиков и эсеров с буржуазией — навсегда прекратил свое существование.

Революционные воиска заняли военную гостиницу «Астория» и арестовали часть офицеров, проживавших в ней. Затем, уже ближе к вечеру, в пятом часу, отряд кекегольмцев занял дом военного министерства на Мойке. Но солдаты не знали, что на чердаке здания оборудован запасной пульт прямой телеграфной связи со Ставкой и фронтами, связанный телефонами автономной сети со зданием штаба округа и Зимним дворцом. Там застрял сотрудник военного министерства поручик Данилевич. Вплоть до ареста Временного правительства он обеспечивал его связь со Ставкой.

В Смольном и вокруг него по-прежнему царило оживление. В 11 часов прибыло еще несколько бронемашин Запасного автобронедивизиона. С 2 часов дня в Актовом зале стали собираться члены Петроградского Совета и депутаты Второго Всероссийского съезда Советов на внеочередное общее собрание Совета. К этому времени значительные успехи восстания были одержаны в большинстве районов города. Продолжалось занятие государственных и общественных зданий. Еще в 11 часов утра по приказу ВРК были освобождены из тюрьмы «Кресты» на Выборгской стороне большевики, арестованные в июльские дни. Около часу дня отряд матросов под командованием И. Д. Сладкова занял Адмиралтейство и арестовал Морской генеральный штаб.

В 2 часа 35 минут в Актовом зале Смольного открылось общее собрание Петроградского Совета. В зале присутствовали многие делегаты Второго Всероссийского съезда Советов. Собравшиеся бурными аплодисментами встретили Владимира Ильича Ленина, когда он появился за столом президиума. Сохранился рисунок художника М. Л. Шафрана, сделанный им с натуры во время заседания Совета 25 октября в Смольном. На этом рисунке у Ленина нет бороды и усов, столь привычных на его портретах. Таким увидели его товарищи,

рабочие и солдаты, таким увидел его народ после почти четырехмесячного вынужденного подполья.

С трибуны Актового зала Смольного Ленин обратился к рабочим, солдатам, матросам и крестьянам с речью. Газетный отчет сохранил для нас основные положения этой речи:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»¹.

Ленин говорил далее об очередных задачах правительства: о необходимости кончить войну демократическим миром, издать декрет об уничтожении помещичьей собственности на землю, учредить подлинный рабочий контроль над производством. «Теперь мы научились работать дружно,— продолжал В. И. Ленин.— Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!»²

Затем выступил А. В. Луначарский. Подчеркнув исключительно организованный характер восстания, он сказал, что передовые массы проявляют высочайшую дисциплину, что нет и в помине тех хулиганских погромов, которыми пугали доверчивых людей меньшевики и эсеры. «Мы докажем, что доросли до той грандиозной задачи, которую мы взяли себе на плечи, и мы донесем эту тяжесть до желанной победы»,— заявил оратор.

Большинством голосов Петроградский Совет принял написанную В. И. Лениным и предложенную от имени

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 2.

² Там же, с. 3.

большевистской фракции В. Володарским резолюцию. В ней, в частности, говорилось: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию и дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании». Совет торжественно провозглашал, что революцией будет создано Советское правительство, которое «твердо пойдет к социализму, единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны»¹. С принятием этой резолюции общее собрание Петроградского Совета, явившееся как бы генеральной репетицией Всероссийского съезда Советов, закончилось. Простые рабочие, делегаты от сотен фабрик и заводов, бок о бок с представителями солдат петерского гарнизона, выступившие в восстании против буржуазной власти, приняли участие в этом историческом акте.

Однако Временное правительство все еще не было арестовано, а поддерживавшие его мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров, называвшие себя «социалистическими», развили в эти часы небывалую активность, стремясь спасти буржуазное правительство, сколотить антибольшевистский фронт, не допустить прихода к власти революционного рабочего класса и его партии.

После разгона предпарламента легальным центром антибольшевистских сил стала Петроградская городская дума. Этот орган местного самоуправления, призванный заниматься городским хозяйством и его развитием, был избран на основе всеобщих выборов 20 августа 1917 г. Большевики составляли только 30 процентов от двухсот депутатов думы. Большинство в думе принадлежало блоку партий меньшевиков и эсеров, сильны были позиции и кадетов — главной буржуазной партии. В дни вооруженного восстания Петроградская городская дума заняла сторону Временного правительства. В ночь на 25 октября она создала Комитет общественной безопасности, который формально должен был лишь наблюдать за внешним порядком в городе и не допускать погромов. Утром 25 октября на первом заседании комитета городской голова эсер Г. И. Шрейдер утверждал, что положение правительства твердое и прочное. Но прибывший из Смольного гласный думы большевик Д. З.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 4.

Мануильский (впоследствии видный советский дипломат) заявил, что Временное правительство низложено. Комитет не согласился с этим и постановил считать «вопрос о положении Временного правительства открытым». Было выбрано два представителя думы и один направлен во Временное правительство, а другой — в ВРК.

В течение дня состоялись заседания руководящих органов партий меньшевиков и эсеров. Меньшевики решили огласить на съезде Советов резолюцию против восстания и попытаться склонить большевиков к проведению переговоров с Временным правительством о создании власти, опирающейся «на все слои демократии». В случае отказа — покинуть съезд, если на нем выяснится преобладание большевиков, и призвать другие фракции последовать этому примеру. ЦК партии эсеров тоже осудил восстание и предложил соответствующую резолюцию для внесения на съезд. Но на заседании эсеровской фракции Второго Всероссийского съезда Советов произошел раскол, и резолюция ЦК социалстов-революционеров собрала всего 60 голосов против 93. Большинство съехавшихся к этому моменту на съезд эсеров тяготело к левому крылу партии и не одобряло резко антибольшевистской позиции своего ЦК, в котором преобладали правые эсеры.

Все лихорадочные маневры соглашательских партий уже не могли спасти Временного правительства. Медленно, но неуклонно кольцо окружения стягивалось вокруг Дворцовой площади и Зимнего. Временное правительство доживало последние часы.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ ОКРУЖЕН

Арест Временного правительства, как отмечалось выше, предусматривался даже в самых первых наметках ленинского плана восстания. В послесловии к статье «Кризис назрел» Ленин писал: «...мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии»¹. На случай если бы восстание началось в Москве, Ленин в одном из своих писем предусматривал вариант бескровной капитуляции правительства, его сдачи². Наконец, в «Советах постороннего» Ленин окончательно останавливается на вооруженном захвате власти в Петрограде: «Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,— такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*»³. Читатель уже мог убедиться в том, что Военно-революционный комитет в точности старался выполнить указания Владимира Ильича. Днем 24 октября восставшими было захвачено большинство мостов. Затем занимались вокзалы, телеграф, телефонная станция, банк, крупные типографии. Когда утром 25 октября реальная власть над городом оказалась в руках ВРК, был разогнан предпарламент. Теперь настала очередь штаба округа и Зимнего дворца.

Еще утром 25 октября по заданию Ленина ВРК создаст Полевой штаб для руководства завершающей частью восстания. В него вошли Н. И. Подвойский, А. С. Бубнов, В. А. Антонов-Овсеенко, Г. И. Чудновский, К. С. Еремеев. Все они в той или иной мере знали военное дело, обладали опытом партийной и политической работы. Вольноопределяющийся Чудновский был только что назначен комиссаром ВРК в Преображенский полк.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 282.

² См. там же, с. 340—341.

³ Там же, с. 384.

К. С. Еремеев был «правдистом» с большим стажем, А. С. Бубнов представлял ЦК РСДРП(б). Подвойский вместе с левым эсером П. Е. Лазимиром (вскоре вступившим в ряды большевистской партии) выполнял обязанности председателя ВРК. Антонов-Овсенко являлся секретарем Военно-революционного комитета.

По свидетельству К. С. Еремеева, еще до открытия общего собрания Петроградского Совета П. Н. Подвойский собрал в Смольном Полевой штаб ВРК и сообщил, что уже напечатано ленинское воззвание «К гражданам России» о переходе власти в руки органа Петроградского Совета и поэтому надо спешить с окружением района Дворцовой площади революционными войсками, чтобы захватить здания штаба и Зимнего дворца, обезоружить юнкеров и арестовать правительство. Судя по сообщениям утренних газет за 25 октября, совещания министров с высшими военными чинами проходили то в Зимнем дворце, то в самом штабе.

Первоначально район оцепления проходил от Троицкого моста на Неве, через Марсово поле, по реке Мойке до Марининского дворца. Во избежание паники решено было пропускать через оцепляемый район трамваи, а задерживать лишь правительственные войска и автомобили. В оцепление выделялись: гвардии Павловский резервный полк (его казармы протянулись почти вдоль всего Марсова поля от Миллионной улицы до реки Мойки), Красная гвардия Выборгского и Петроградского районов, Кексгольмский полк (на Невском проспекте, в месте пересечения его с рекой Мойкой), матросы 2-го Балтийского флотского экипажа, красногвардейцы Василеостровского района. Руководство этими силами осуществлялось с двух командных пунктов. Первый во главе с Чудновским находился в казармах 2-го Балтийского флотского экипажа у Поцелуева моста через Мойку. Вторым во главе с Еремеевым — в казармах Павловского полка. Полевой штаб во главе с Антоновым-Овсенко был в Петропавловской крепости. Подвойский оставался в Смольном и осуществлял связь с участками оцепления и Полевым штабом.

Павловский полк уже в одиннадцать утра 25 октября выставил заставы на Миллионной, причем ближе к Зимнему и штабу, чем это намечалось по плану, — не у Троицкого моста, а на углу Мошкова переулка, то есть всего в двух кварталах от площади. Это позволило сократить оцепление. В час дня павловцы получили приказ занять Невский проспект от Екатерининского кана-

ла (ныне — канал Грибоедова) до Полицейского (ныне — Народного) моста через Мойку. На Полицейском мосту были установлены броневик и зенитное орудие на грузовике-платформе. Заставы, однако, не мешали свободному проходу пешеходов и трамваев. Останавливались автомобили. Отбирались пакеты у курьеров различных учреждений, посланных в штаб или в правительство.

В три часа к павловцам присоединилось около 400 красногвардейцев Петроградского района. Затем подошел еще больший по численности красногвардейский отряд Выборгского района. Еще через час в разных пунктах оцепления появились броневики Военно-революционного комитета.

В. А. Антонов-Овсеенко из Петропавловской крепости на катере отправился к месту стоянки крейсера «Аврора» у разводной части Николаевского моста. Было условлено, что «Аврора» в нужный момент, который определит Полевой штаб, произведет один-два холостых выстрела из бакового шестидюймового орудия. Это послужит сигналом к штурму Зимнего дворца. О других действиях экипажа «Авроры» комиссар крейсера А. В. Бельшев должен был получить дополнительные указания. К главной морской пристани на берегу Васильевского острова в этот момент подошли суда с десантом кронштадтских моряков и солдат, и Антонов-Овсеенко принял участие в их встрече. В краткой речи он выразил надежду, что кронштадтцы примут активное участие в ликвидации последнего убежища буржуазной власти. Из Кронштадта прибыли в составе десанта 2762 матроса и 943 солдата. Кроме того, сами команды судов частично могли быть использованы в военных действиях, то есть еще 1061 человек. Тральщики № 14 и 15 поднялись выше по Неве и бросили якоря напротив Сенатской площади между Николаевским и Дворцовым мостами.

Часть кронштадтцев остается охранять Николаевский мост и другие объекты. Остальные походным порядком через мост и по набережной идут в Александровский сад. Командиры отряда знакомятся с Антоновым-Овсеенко и Бельшевым. Настроение приподнятое, боевое. В 6 часов вечера помощник главного комиссара кронштадтского отряда, член Кронштадтского комитета РСДРП(б), Кронштадтского Совета и Военно-технической комиссии, один из редакторов местной большевистской газеты «Пролетарское дело» П. И. Смирнов от-

правляет в Кронштадт следующее донесение: «Доводим до сведения Исполнительного комитета и Военно-технической комиссии, что десант высажен и установлен окончательный контакт с петроградскими частями. Ждем дальнейшего наступления. Сейчас приступаем к окончательной операции по отношению к Зимнему дворцу и штабу. Предъявляется при помощи делегации ультиматум. Если отвергнется, то открываем огонь».

В те же часы солдаты Кексгольмского полка вышли по набережной реки Мойки к Поллицейскому мосту и соединились с павловцами. Вокруг слышались радостные возгласы, шутки, смех. На Красном мосту через Мойку, в месте пересечения ею Гороховой улицы, были устроены баррикады из досок и бревен, охраняемые заставой кексгольмцев и моряков.

Таким образом, к 5—6 часам вечера окружение Зимнего дворца революционными силами было завершено. Оно шло от Невы по Мошкову переулку до Большой Конюшенной улицы (ныне — улица Желябова), по Большой Конюшенной до Невского проспекта, от Невского в обе стороны до Екатерининского канала и Мойки; по набережной Мойки до Гороховой улицы, по Гороховой до Адмиралтейского проспекта, затем через Александровский сад вдоль Адмиралтейства, по Адмиралтейской набережной почти до самого Дворцового моста.

После возвращения В. А. Антонова-Овсеенко в Петропавловскую крепость там состоялось заседание Полевого штаба ВРК, в котором принял участие и приехавший из Смольного Н. И. Подвойский. Обсуждался в деталях план штурма Зимнего дворца. Было решено начать наступление на дворец не позднее 9 часов вечера по сигналу из Петропавловской крепости — выстрелу полуденной пушки холостым зарядом. Крейсер «Аврора» должен был продублировать этот сигнал холостым выстрелом своей баковой шестидюймовки. В центре наступающих сил у Арки Главного штаба предполагалось выставить солдат Петроградского резервного полка, на левом фланге — Кексгольмский полк и матросов 2-го Балтийского экипажа, на правом фланге — Павловский полк и красногвардейцев Выборгского и Петроградского районов. Со стороны Дворцового моста и Александровского сада должны были наступать матросы кронштадтского отряда и красногвардейцы Нарвского и Василеостровского районов. В резерве Военно-революционного комитета оставались Волянский и Литовский полки, 6-й запасный саперный батальон и сестроречские

красногвардейцы, которые обеспечивали надежную защиту Смольного. Такова была диспозиция революционных войск к предстоящему штурму. Руководителями штурма назначались Г. И. Чудновский и В. А. Антонов-Овсенко. Помощь им должен был оказывать и К. С. Еремеев, находившийся в Павловском полку.

В 5 часов вечера вышла вечерняя газета Петроградского Совета «Рабочий и солдат». В воззвании Военно-революционного комитета «Революция восторжествовала» говорилось: «В Петрограде власть в руках Военно-революционного комитета. Единодушно восставшие солдаты и рабочие победили безо всякого кровопролития. Правительство Керенского низложено. Комитет обращается с призывом к фронту и тылу не поддаваться провокации, а поддерживать Петроградский Совет и новую революционную власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созывает Учредительное собрание. Власть на местах перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». О том же шла речь и в обращении «К тылу и фронту». Эти обращения способствовали созданию морального перевеса над противником, увеличивали боевой дух революционных войск, сеяли панику в рядах защитников Временного правительства. На грузовиках большевистская газета была тотчас отправлена к оцеплению Зимнего и бесплатно раздавалась рабочим-красногвардейцам, солдатам и матросам. Одновременно номер газеты спешно рассылался и в районы Петрограда на фабрики и в казармы.

На Дворцовом мосту, набережной и площади все еще стояли юнкерские караулы. В наступивших уже вечерних сумерках представители противоборствующих сторон пристально вглядывались друг в друга. Царила обстановка напряженного ожидания...

Что же делалось там, за буро-красным фасадом Зимнего дворца, в лагере обреченного уже Временного правительства?

После бегства Керенского за председателя правительства остался А. И. Коновалов. Он и встречал министров Временного правительства, которые к 12 часам дня 25 октября один за другим подъезжали на автомобилях и извозчиках к Салтыковскому подъезду. Из окон углового кабинета Коновалова были видны Дворцовый мост, юнкерские караулы на мосту, набережной и в саду дворца. Прибывшие первыми кадеты Н. М. Кишкин, министр государственного призрения, С. А. Смирнов, го-

сударственный контролер, и известный московский миллионер, меценат С. П. Третьяков, председатель Экономического совета, были удивлены отсутствием Керенского. Коновалов объяснял, что председатель правительства выехал навстречу войскам, прибывающим с фронта.

В назначенное время Коновалов открыл заседание правительства в Малахитовом зале. На нем присутствовали морской министр адмирал Д. П. Вердеревский, министр внутренних дел меньшевик А. М. Никитин, министр земледелия правый эсер С. Л. Маслов, заместитель председателя Экономического совета П. П. Саввин, министр финансов М. В. Бернацкий, министр юстиции П. П. Малянтович, министр путей сообщения А. В. Ливеровский, а также упомянутые выше Третьяков, Смирнов и Кишкин. Некоторые из них выходили из зала заседания, другие приходили, но для большинства членов Временного правительства этот последний день оказался очень долгим и закончился ночью уже в камерax Петропавловской крепости.

Коновалов сделал доклад, из которого явствовало, что сил у правительства очень мало, а штаб и командование округа во главе с Г. П. Полковниковым действительных мер к обороне не принимают. Это-де и явилось главной причиной спешного отъезда Керенского. Во время доклада Коновалова пришло известие, несколько приободрившее министров. Три сотни казаков 14-го Донского полка прибыли все-таки для охраны Временного правительства. Еще до прихода казаков гарнизон защитников дворца пополнился ротой юнкеров Школы прапорщиков инженерных войск, с которой прибыли начальник школы полковник Ананьев и несколько опытных училищных офицеров. Были установлены пулеметы на поленище дров, сложенных у главных ворот Зимнего дворца.

Министры стали роптать, что штаб, в котором имеются явные корниловцы, сознательно не принимает должных мер для защиты правительства. Кишкин предложил выбрать лицо, которому поручить все распоряжения по борьбе с восставшими большевиками, а также немедленно выяснить количество сил, находящихся на стороне правительства. Министр юстиции Малянтович молчал со скорбным выражением лица. Адмирал Вердеревский, который на время отлучки Коновалова для переговоров с казаками занял председательское место, не видел реальных сил у правительства. После от-

ставки Верховского Вердеревский тоже подал рапорт об отставке, но в критический момент решил разделить судьбу правительства до конца. Министр земледелия С. Д. Маслов заявил, что надо не сидеть сложа руки, а немедленно послать отряд отбить назад телефонную станцию, телеграф и почтамт, укрепить штаб.

Отряд юнкеров Школы прапорщиков инженерных войск, посланный для того, чтобы освободить телефонную станцию, разделился на две части. Одна пошла прямо по Морской, а вторая, двинувшаяся в обход, по Гороховой, натолкнулась на заставу Кексгольмского полка, была разоружена и пленена. Увидев броневик у ворот станции, повернули назад и юнкера, шедшие по Морской улице. Тем и кончилась попытка отбить назад телефонную станцию.

В Малахитовом зале продолжалось заседание. Министр юстиции Малянтович предложил назначить П. М. Кишкина «особоуполномоченным лицом» по защите правительства. Кишкину, врачу по профессии, было в тот момент 53 года. До вступления на пост министра государственного призрения Кишкин долгое время был комиссаром Временного правительства по городу Москве (комиссар в то время заменял губернатора) и входил в комитет «общественных деятелей» московской контрреволюционной буржуазии. В момент, когда правительству приходилось защищаться от рабочей и солдатской демократии, «социалисту» Малянтовичу казалось естественным опереться на такого деятеля.

Кандидатуру Кишкина сразу поддержал другой представитель крупного капитала — С. П. Третьяков, тоже москвич. Но министр внутренних дел Никитин, успевший навлечь на себя гнев своего меньшевистского ЦК за разногласия с партийным руководством, сказал: «Имя Кишкина, безусловно популярное в Москве, не пользуется особым расположением в широких петроградских кругах, особенно в демократических»¹. В качестве своего кандидата Никитин назвал начальника штаба округа генерала Я. Г. Багратуни.

После короткого перерыва для чаепития министры продолжили заседание в Малахитовом зале. Здесь появился и комиссар ЦИК при Ставке народный социалист В. Б. Станкевич, который проник в Зимний со сто-

---

¹ После Октябрьской революции, в 1919 г., П. М. Кишкин отошел от политической деятельности. Последние годы жизни (умер в 1930 г.) работал в Наркомздраве СССР.

роны Миллионной, воспользовавшись своим удостоверением члена ЦИК. Павловцы, поверив, что и он «за Советы», пропустили его. Станкевич предложил текст воззвания Временного правительства к действующей армии, которое и было принято. Порученец правительства Борисов стал передавать текст воззвания по телефону поручику Данилевичу в дом военного министерства, а тот — по телеграфу в Ставку.

Бесплодные прения продолжались. Адмирал Вердеревский, как единственный военный человек, снова взял слово и доказывал, что с военной точки зрения сопротивление бессмысленно. «У нас нет никакой реальной силы, а следовательно, мы бессильны что-либо предпринять. А поэтому бессмысленно продолжать наше заседание». Кишкин решительно возражал, ссылаясь на то, что Временное правительство не есть «петроградское правительство», оно «всероссийское», а во всей России, несомненно-де найдутся силы для его поддержки. Кишкин призвал опереться на «моральную силу», апеллировать ко всем общественным группам, пригласить в Зимний дворец старейшин предпарламента, представителей городской думы. Большинство министров еще не могло себе даже представить ту полную изоляцию, в которой они находились. Поэтому все высказались за предложение Коновалова — оставаться в Зимнем дворце. Станкевича отправили к Багратуни в штаб, чтобы он получил последние сведения о положении в городе.

В 1 час 35 минут дня Временное правительство узнало, что на предпарламент опереться уже невозможно, так как он разогнан. Пришел Багратуни. На прямой вопрос Коновалова, сколько же сейчас сил у правительства и можно ли освободить Марининский дворец, он ответил, что имеется всего около 900 юнкеров и до сотни офицеров, командовать ими поручено полковнику Краковецкому. Сил даже для охраны Временного правительства явно недостаточно. В 2 часа 10 минут правительство вернулось к идее назначения «особоответственного лица». Большинство голосов получил П. М. Кишкин. Вскоре был объявлен перерыв для оформления полномочий Кишкина.

Как раз в это время в Смольном в обстановке ликования и радости открывалось дневное заседание Петроградского Совета, на котором В. И. Ленин провозгласил победу восстания и низвержение Временного правительства. А в Зимнем удрученные министры разбрелись по разным комнатам. Карташев, Маслов, Гвоздев

и Малянтович составили текст воззвания к населению — статью на защиту «государственного порядка» и законного «народного правительства», которое может сдать власть только Учредительному собранию. Все это было бессовестной ложью. Наиболее активная и сознательная часть населения страны уже шла за большевиками, видела в Советской власти единственный законный государственный порядок. Многие промежуточные слои относились к судьбе правительства равнодушно. Наконец, само правительство в результате бесчисленных кризисов и внутренних перетасовок давно утратило всякую правовую основу.

В 3 часа дня из Министерства иностранных дел, расположенного напротив Зимнего, пришел М. И. Терещенко. Через полчаса за окнами Зимнего раздались выстрелы. Министры могли видеть, как по набережной около Адмиралтейства делают перебежки матросы и солдаты. Но юнкерские посты у Дворцового моста пока не двигались. К 4 часам на Кишкина были возложены «исключительные полномочия по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всяких анархических выступлений, откуда бы они ни исходили, с подчинением ему военных и гражданских властей». Помощниками Кишкина стали П. И. Пальчинский и П. М. Рутенберг. 42-летний инженер Пальчинский, связанный с банковскими и промышленными кругами, с марта 1917 г. являлся товарищем (т. е. заместителем) министра торговли и промышленности, потом возглавил и Особое совещание по обороне страны, был помощником генерал-губернатора Петрограда и его окрестностей по гражданской части. И вот теперь он в качестве помощника «диктатора» Кишкина олицетворял «буржуазную» часть этого триумvirата¹. «Социалистическую» его часть представлял эсер П. М. Рутенберг, в послужном списке которого были участие в боевой организации партии социалистов-революционеров, возглавлявшейся Е. Азефом (провокатором) и Борисом Савинковым, сопровождение пона Гапона во всех его эскападах 1904—1905 гг. и казнь Гапона на пустынной даче в Озерках под Петербургом в 1906 г. Вернувшись после эмиграции в 1917 г., Рутенберг вскоре стал заместителем командующего войсками Петроградского военного округа по гражданской

¹ П. И. Пальчинский был арестован вместе с Временным правительством, но вскоре выпущен. После Октября работал как эксперт и консультант советских экономических органов. Расстрелян в 1929 г. за участие в экономическом вредительстве.

части и соглядатаем Керенского. И вот теперь он вместе с Кишкиным и Пальчинским приказом отстранили Полковникова от руководства обороной Зимнего. На место командующего округом назначался генерал Я. Г. Баградуни. В знак протеста подал в отставку ближайший помощник Полковникова Пораделов. Его примеру последовали и несколько других чинов штаба. Большинство штабных офицеров выжидало, чем все это закончится. Они нервно поглядывали в окна, наблюдая, как по Мойке от Мошкова переулка медленно выдвигаются солдаты-павловцы. Всякая деловая работа в штабе с 5 часов вечера прекратилась.

Пальчинский стал действовать довольно энергично, но время было безнадежно упущено. «Объяснения с начальниками училищ, — записывал он в своем дневнике, — казаки, Михайловское училище, Инженерная школа прапорщиков, 2-й Петергофской и 2-й Ораниенбаумской школ. Нет продовольствия, нет плана. Растерянность и вялость офицеров и отсутствие настроения у юнкеров, о которых не было достаточно забот». Новым начальником обороны дворца вместо Краковецкого был назначен полковник Ананьев, командир Инженерной школы прапорщиков. Он собрал офицеров для выработки общей диспозиции, распределил участки обороны. По этой диспозиции (мы знаем ее в изложении поручика А. П. Синегуба, командира роты юнкеров Инженерной школы прапорщиков, опубликовавшего в 1922 г. свои воспоминания) юнкера Инженерной школы должны были оборонять комнаты первого этажа Зимнего в его юго-восточном крыле, выходящем на Дворцовую площадь справа от Комендантского подъезда (если смотреть на него с Дворцовой площади). Но вскоре на место юнкеров поставили «ударниц» 1-го Петроградского женского батальона и казаков. Юнкерам же Инженерной школы, как наиболее дисциплинированной части, поручили оборонять баррикаду из дров и пулеметные точки. В главных воротах занял позицию броневик «Ахтырец», вооруженный пушкой и пулеметом. Но еще утром кто-то утащил из него магнето, и двигаться броневик уже не мог. Во дворе находились казачьи лошади с коноводами, шесть трехдюймовых орудий Михайловского училища, зарядные ящики, их конные упряжки.

Юнкера петергофских школ занимали первый этаж, слева от главных ворот. Ораниенбаумские юнкера в саду Зимнего дворца охраняли ворота на Неву и на площадь, а также наблюдали за решеткой (по ее внутрен-

нему периметру были расставлены редкие посты). С наступлением темноты с Дворцовой площади убрали наружные юнкерские посты. Лишь Миллионная улица была перегорожена цепью юнкеров и «ударников» Пятигорского полка, охранявших безопасный проход из двора в штаб округа. Такова была диспозиция защитников Зимнего дворца к 6 часам вечера 25 октября 1917 г. Сил не хватало, продовольствие было задержано в пути Военно-революционным комитетом. Моральный дух юнкеров, казаков и ударниц падал с каждым часом.

А в комнатах Зимнего продолжалась лихорадочная и бесполезная работа. Министры жадно ловили слухи из уст немногочисленных посетителей и телефонных переговоров. Выяснилось, что журналист Климов, посланный в типографию с текстом воззвания к населению, был задержан в пути матросами. Тут же поручили министру путей сообщения Ливеровскому распространить это воззвание через железнодорожный телеграф. Он позвонил своему заместителю и продиктовал текст. В 6 часов ненадолго возобновилось официальное заседание правительства. В последний раз был поставлен вопрос: оставаться или разойтись? Адмирал Вердеревский опять призывал разойтись, но большинство высказалось за то, чтобы остаться. Последний посетитель, заместитель председателя разогнанного предпарламента, член ЦК кадетской партии В. Д. Набоков, рассказал министрам подробности роспуска Временного совета республики, посетовал, что только городская дума составляет теперь оппозицию Петроградскому Совету. Но у думы нет ни одного солдата! Набоков смог еще беспрятственно покинуть Зимний и пройти через незамкнутые звенья оцепления. Через 10—15 минут они прочно сомкнулись. Обе стороны изготовились к последней схватке...

УЛЬТИМАТУМ

По мере того как темнота окутывала Петроград, матросы, солдаты и красногвардейцы все ближе подходили к границам Дворцовой площади. Прямо под Арку Главного штаба, за ее первое «колесо», выдвинулись солдаты Петроградского полка, кекегольмцы, матросы 2-го Балтийского экипажа. Были здесь и отряды красногвардейцев 1-го и 2-го Городских районов, Рождественского района, посланные по распоряжению ВРК из своих районных штабов. На Миллионной улице павловны подошли к казармам Преображенского полка на берегу Зимней канавки. Несколько взводов преображенцев также вышли из своих казарм. Миллионная улица до Марсова поля была заполнена войсками. Красногвардейцы Выборгской стороны, а также Петроградской через Мошков переулок и Зимнюю канавку продвинулись на набережную Мойки к Певческому мосту. До ворот здания штаба округа оставалось не более 50 метров. На набережной матросы Минной и Машинной школ Кронштадта подошли к восточному портику Адмиралтейства. Юнкерские караулы с Дворцового моста отступили к саду Зимнего дворца. Прекратилось трамвайное движение по Дворцовому мосту. Красногвардейцы Василеостровского района установили пулеметы на стрельбе Васильевского, возле въезда на Дворцовый мост.

В Александровском саду матросы накапчивались для решительного броска за невысокой решеткой. Дальше, у Адмиралтейского проспекта и Невского, кекегольмцы и красногвардейцы-путиловцы стояли наготове за углом Главного штаба, выставив наблюдателей к поленице дров у штаба. С первого взгляда могло показаться, что площадь совершенно пуста. И юнкера за дровяной баррикадой, и революционные силы старались держаться укрытий, углов и выступов домов, опасаясь внезапного огневого налета.

Часы показывали начало седьмого, когда со стороны дворца послышался шум, цокот копыт, грохот око-

ванных железом колес. Через площадь быстро катили несколько трехдюймовых орудий на конной тяге, направляясь под Арку Главного штаба. На Морской дороге им перекрыли солдаты-петроградцы и матросы. «Стой! Стой! Кто такие?» — послышались громкие окрики. Выяснилось, что комиссар Михайловского артиллерийского училища К. Акашев, эсер, не желая, чтобы юнкера принимали участие в братоубийственной схватке, явился в половине шестого во двор Зимнего и уговорил юнкеров уехать из Зимнего. Офицеры и ударники, увидев, что от них уходит артиллерия, кинулись наперерез, но смогли задержать лишь два орудия да арестовать самого Акашева. Четыре орудия с зарядными ящиками ушли, и огневая мощь защитников Зимнего значительно ослабла. Теперь эти четыре орудия были остановлены революционными войсками. Юнкеров разоружили, два орудия задержали, а два разрешили вернуть в училище. Так боевые порядки войск ВРК под Аркой Главного штаба пополнились двумя «трофейными» трехдюймовками. Орудия развернули и нацелили на Зимний дворец.

В Петропавловскую крепость к Антонову-Овсеенко и Благонаправову поступили сведения о полном окружении дворца. Н. И. Подвойский передал по телефону в Полевой штаб из Смольного требование В. И. Ленина ликвидировать сопротивление юнкеров и арестовать правительство без промедления, до назначенного на 8 часов вечера открытия Второго Всероссийского съезда Советов. Было решено предъявить ультиматум Временному правительству — добровольно сдаться во избежание кровопролития и ненужных жертв. Для передачи ультиматума отправили двух солдат-самокатчиков — В. Фролова и А. Галанина. Минюнов Троицкий мост, парламентареры по Миллионной улице доехали до Зимней канавки, где их остановили павловцы. На заставе посоветовали передать ультиматум в штаб, а не в Зимний дворец. Все-таки там люди военные, понимают, что к чему. И через три минуты Фролов и Галанин уже поднимались по лестнице штаба округа.

А в Зимнем в 6 часов 15 минут вечера правительству доложили об уходе батареи Михайловского училища. Подавленные и растерянные, министры в половине седьмого отправились в Малую столовую на обед. Там стоял большой раздвижной стол, вокруг него — простенькие стулья, в одном углу — письменный стол, в другом — мягкий диван и кресла. Два окна Малой сто-

довой выходили в небольшой внутренний световой двор, что создавало ощущение уединенности. Меню последнего обеда членов Временного правительства сохранилось: суп, артишоки, рыба. На следующий день, когда члены Временного правительства уже сидели в Петропавловской крепости, некоторые из них болезненно переживали «ухудшение» питания. По свидетельству С. Л. Маслова, опубликованному в газете «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», утром 26 октября им дали чай с хлебом, днем — похлебку, а вечером — по две картофельные котлеты. Артишоки отошли в область преданий...

Пока министры обедали, Пальчинский, проверив караулы, сделал торопливую запись в своем дневнике: «Стягивание кольца вокруг площади». Ему доложили, что во дворец прибыли представители Военно-революционного комитета Г. И. Чудновский и П. В. Дашкевич. Пальчинский приказал арестовать их. Но юнкера и ударники отказались сделать это, и оба посланца ВРК были беспрепятственно выпущены из дворца. Попутно они узнали расположение помещений правительства — в северо-западном крыле дворца на втором этаже. В Белом зале петергофские и ораниенбаумские юнкера устроили митинг, и Пальчинский призывал их исполнить свой долг по защите правительства. Но юнкера безмолвствовали. Лишь на повторный призыв: «Исполните ли вы свой долг?» — без воодушевления ответили: «Исполним!» Едва Пальчинский ушел из Белого зала, как настроение юнкеров-ораниенбаумцев вновь переменилось. Они потребовали от находившегося с ними начальника училища немедленной отправки в казармы и около 7 часов вечера ушли из Зимнего через расположение революционных войск по Миллионной улице. Эта была уже вторая существенная убыль в гарнизоне Зимнего, с которой через несколько минут узнали министры Временного правительства.

Между тем в штабе округа разыгрывались события, связанные с вручением ультиматума ВРК. В здании штаба находились в это время Багратуни, Пораделов, Кишкин, Рутенберг, ряд других военных и гражданских лиц. В переданном парламентарам ультиматуме говорилось следующее: «Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депу-

татор. Зимний дворец окружен революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов «Аврора», «Амура» и других наведены на Зимний дворец и здание Главного штаба. Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнкера, солдаты и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены. Для ответа вам предоставляется 20 минут. Ответ передать посланному. Срок ультиматума истекает в 19 часов 10 минут, после чего немедленно будет открыт огонь. Эвакуацию лазарета необходимо закончить в предоставленный для ответа срок. Эвакуацию производить по Миллионной улице. Ответ передать посланному».

Собравшиеся в штабе лица не могли решать за правительство. Кишкин, Рутенберг и Баградуни направились в Зимний дворец, а одного из самокатчиков попросили вернуться в крепость и сообщить, что правительство просит для ответа дополнительно еще 10 минут. В Зимнем дворце Коновалов и Терещенко, бегом прочитав текст ультиматума, решили вынести его на обсуждение всего правительства. В кабинете Коновалова собрались все министры. 20 минут уже истекли. Ультиматум вызвал страх и ожесточение, растерянность и мрачную определенность. То, на что втайне надеялись, уже не могло осуществиться. Большевики грозили огнем через несколько минут.

В кабинете Коновалова непрерывно звонил телефон, это отвлекало и нервировало министров. Они сбились в крохотном кабинетике, выходящем единственным окном все в тот же световой дворик. Момент был критическим. Что делать? На этот вопрос генерал А. А. Маниковский и адмирал Д. П. Вердеревский единогласно заявили, что при имеющемся соотношении сил сопротивление бессмысленно с военно-технической стороны. Когда же их спросили: «Следует ли все-таки сопротивляться?» — то генерал Маниковский сразу, а адмирал Вердеревский после некоторого колебания ответили, что сопротивляться следует до конца. Остальные члены Временного правительства держались того же мнения. Многие еще верили в то, что Керенский успеет привести войска. Очень не хотелось уступать власть «самочинной организации». Нет, нет! Только Учредительному собранию! Кроме того, одним из доводов в пользу отклоне-

ния ультиматума было предположение, что это лишь «пустая угроза». Единогласно было решено: не отвечать на ультиматум, оставаться в Зимнем дворце и сопротивляться.

В тот момент, когда посланцы ВРК входили в штаб, по прямому проводу, связывавшему командующего войсками Петроградского военного округа со Ставкой Северного фронта в Искове, вызывали Полковникова. К телеграфному аппарату подошел Багратуни. Генерал В. А. Черемисов запрашивал, свободен ли Зимний дворец и где находится Временное правительство. Багратуни ответил: «Временное правительство находится в Зимнем дворце, последний свободен; войсками, верными правительству, занимается площадь Зимнего дворца, которая окружена постами войск гарнизона, которые повинуются Петроградскому Совету. Порядок в городе сохраняется, самокатчики не прибыли. По слухам, они установлены в семидесяти верстах от Петрограда». Тут Багратуни позвали к Кишкину: как раз привезли ультиматум Военно-революционного комитета. Разговор с Черемисовым продолжал Пораделов. «Настоящее положение наше,— передал он откровенно,— безусловный проигрыш». Пораделов пояснил, что Полковников смещен, а вместо него назначен Багратуни, а над ним еще Кишкин с особыми полномочиями. Черемисов попросил сообщить более точные сведения об обстановке. Когда Пораделов отошел от аппарата, его тут же вызвал Багратуни, заявив, что он уходит с Кишкиным во дворец для передачи ультиматума ВРК правительству, а Пораделову позвонят оттуда через 10 минут.

10 минут прошло. Пораделов ждал. Ждали самокатчик из крепости. Ждали красногвардейцы и солдаты, кольцом охватившие площадь. Весть о предъявлении ультиматума уже распространилась по солдатскому «телеграфу». Пораделов сам позвонил в Зимний Рутенберг, но его телефон не отвечал. Тогда Пораделов принял решение, которое было, в сущности, predetermined его дневным порывом уйти в отставку. Вместе со своими помощниками в 7 часов 40 минут он стал штаб округа комиссару Военно-революционного комитета. Здание штаба заняли солдаты Павловского полка и красногвардейцы, установившие всюду свои посты. А на другом конце прямого провода, в Искове, генералу Черемисову надоело ждать ответа. На ленте аппарата появились слова: «Где полковник Пораделов и скоро ли он даст ответ?» Задержавшийся в комнате телеграфист от-

стукал ответ: «Штаб занят войсками ВРК. Прекращаю работу, ухожу, передайте это главкоसेву, покидаем штаб сейчас же». Так Временное правительство лишилось штаба. Подвластная ему территория уменьшалась с каждым часом.

Весть о занятии штаба тоже быстро облетела войска, доложили об этом и на командный пункт ВРК в Павловском полку. Но во время передачи где-то напутали: решили, что сдался не только штаб, но и Зимний. Об этом тотчас позвонили и в Петропавловскую крепость. Подвойский пригласил Антонова-Овсеенко и Благоправова поехать с ним в автомобиле на Дворцовую площадь — принимать капитуляцию Временного правительства. Машина лихо проскочила перекресток Мошкова переулка и влетела на мост через Зимнюю канавку. Сзади солдаты что-то кричали, но трудно было понять, в чем дело. И только когда со стороны дворца раздался одиночный выстрел, в машине сообразили, что произошла ошибка. Шофер дал задний ход и остановился лишь за мостом. «Разве Зимний дворец не сдался?» — спросил Подвойский у солдат. «Какое сдался! Слышали, стреляют оттуда. Это штаб сдался, да мы в него с Мойки ходим. Тут с угла дворца вся улица простреливается и спрятаться негде!»

Антонов-Овсеенко решил разыскать Чудновского и остаться с ним в боевых порядках революционных сил. Подвойский с Благоправовым вернулись в Петропавловскую крепость. Вскоре Подвойского вызвал в Смольный В. И. Ленин, который был очень недоволен тем, что Зимний еще не взят. Меньшевики и эсеры, спекулируя на осаде Зимнего, сколачивали антибольшевистские силы. Их фракции, избранные на Всероссийский съезд Советов, вели бесконечные заседания. Открытие съезда откладывалось. Подвойский доложил Ленину, что арест Временного правительства теперь дело ближайших часов. Владимир Ильич написал проект постановления съезда о переходе власти в руки Советов в центре и на местах в результате успешного восстания петроградского пролетариата и гарнизона и передал его А. В. Луначарскому. После этого Ленин принял предложение В. Д. Бонч-Бруевича поехать к нему домой, на Херсонскую улицу. Ведь всю предыдущую ночь он почти не спал. И товарищи по Центральному Комитету, руководители ВРК убедили его немного отдохнуть.

В Зимнем дворце усилилась паника. Багратуни после потери штаба подал в отставку. Переговоры со

Ставкой, на которую оставалась последняя надежда, теперь вели случайные офицеры и министры. Временное правительство, отказываясь сдаться, тем самым брало на себя ответственность за то кровопролитие, которое становилось неизбежным. Но защитники правительства не были уверены в необходимости проливать свою кровь за него. Во всяком случае, многие юнкера сомневались в этом. В Малую столовую, где снова собрались министры (оставаться в Малахитовом зале, выходящем окнами на Неву, было признано опасным), пришла делегация юнкеров с просьбой объяснить им положение. К делегации вышли Кишкин, Гвоздев и Коновалов, но в 8 часов вечера они вернулись, поскольку юнкера пожелали видеть все правительство. Карташев и Вердеревский снова подняли вопрос о действительности полномочий правительства в данных обстоятельствах: «Все от нас отказались, — говорили они. — Не должны ли мы сдать власть?» Но большинство упрямо настаивало продолжать сопротивление. С этим и пошли к юнкерам, более сотни которых собралось за дощатой перегородкой Темного коридора. Коновалов, Маслов, Малянтович в своих речах, обращенных к защитникам Зимнего, повторяли слова, в которые и сами не очень верили. Что, дескать, юнкера не только солдаты, но и граждане, защищающие «права народа». Пусть сами выбирают свою гражданскую позицию. «Итак, солдаты во время военных действий, — вспоминал потом с иронией Малянтович, — вместо приказа получили... тему для митинга! И митинг открылся, когда мы ушли». Роптали юнкера, казачки и даже командиры.

Стрелки часов показывали 9 вечера, когда по предложению Кишкина был послан отряд с целью отбить назад штаб округа. Отряд едва дошел до штаба, как был окружен и разоружен революционными войсками. В Ставку ушла телеграмма за подписью А. И. Коновалова, в которой говорилось, что Петроградский Совет потребовал передачи власти угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера «Аврора»... «Ускорьте посылку войск». Это же содержание вкладывалось и в переданную затем радиограмму Временного правительства: «Всем, всем, всем...»

Однако напрасно Временное правительство посылало подобные отчаянные обращения к фронту и провинции. В Могилеве генерал Духонин лишь ругал петроградские военные власти, а из Пскова командующий Северным

фронтом генерал Черемисов сообщал о своем нейтралитете, поскольку влияние большевиков в частях фронта было очень велико. Правительству советовали держаться и ждать войск, которые якобы уже вышли. На самом деле, кроме нескольких самокатных рот, задержанных на станции Передольская, никаких войск к Петрограду не двигалось.

Возвратясь в Петропавловскую крепость, комиссар Благодоров снова послал катер на «Аврору». Было получено подтверждение, что крейсер сделает холостой выстрел, как только с него увидят вспышку выстрела с Петропавловской крепости. Но с артиллерией крепости вышли неприятности. Солдаты крепостной роты сказали Благодорову, что орудия их неисправны и стрелять из них нельзя. Уход за ними был плохой. Лишь одно орудие, из которого ежедневно производился полуденный выстрел, содержалось в порядке. На всякий случай революционно настроенные солдаты днем вычистили еще два орудия, а одно из них даже навели на северо-западный угол дворца, где находились помещения правительства. Артиллеристы знали, что рядом с правительственными залами был госпиталь Зимнего дворца. Естественно, что тысячу раненых было просто невозможно эвакуировать из дворца за те 20 минут, которые предоставлял ВРК в своем ультиматуме. Временное правительство просто махнуло из них рукой, предоставив раненых своей судьбе. Солдаты же и в крепости, да и на площади помнили о своих братьях и не собирались делать их случайными жертвами в этой схватке.

Из Кронверкского арсенала выкатили на руках три трехдюймовые пушки и через крепость дотащили до берега Невы, на приплесок. У пушек не оказалось панорамных прицелов (они хранились отдельно от орудий), стволы были густо смазаны. Кто возьмется стрелять из таких орудий? Благодоров нашел желающих на Морском артиллерийском полигоне в Ржевке. На машине их привезли в крепость. Только уладив все вопросы, Благодоров стал звонить в Смольный и в Павловский полк, докладывая, что все готово к подаче сигнала. Время приближалось к половине десятого вечера...

Предъявление ультиматума и угроза обстрела Зимнего дворца взвинтили антибольшевистскую кампанию среди врагов революции. Меньшевики и эсеры, представители буржуазных партий делали все, что в их силах, чтобы продлить существование буржуазной власти, отвести от Временного правительства неминуемую угро-

ду ареста, помочь ему. С министрами поддерживалась телефонная связь. Телефоны Коновалова еще не были зарегистрированы на Центральной телефонной станции. Обманув бдительность комиссаров ВРК, и министры, и их политические друзья из городской думы поддерживали контакт, обменивались новостями. Содержание ультиматума ВРК стало быстро известно сторонникам Временного правительства в столице.

Вечером 25 октября состоялось заседание городской думы. Городской голова Шрейдер, обращаясь к гласным заявил, что через несколько минут начнется обстрел Зимнего дворца и Временное правительство погибнет под его развалинами. Долг думы предотвратить кровопролитие. Заседание думы решило немедленно послать делегацию на крейсер «Аврора», в Зимний дворец и Смольный, чтобы содействовать мирному разрешению конфликта. На крейсер «Аврора» комиссар Бельшев не пустил делегацию, и она ни с чем вернулась в думу. В Смольный поехал сам Шрейдер и был принят в ВРК. Городской голова просил дать делегации думы пропуск в Зимний дворец, уверяя, что дума придерживается нейтралитета, что ее делегация уговорит Временное правительство сложить оружие. Центральный Комитет РСДРП(б), обсудив этот вопрос по докладу ВРК, решил выдать пропуск делегации думы.

За время отсутствия Шрейдера в думе страсти разгорались, и из посредника она превратилась в явного пособника Временного правительства. Эсер Быховский предложил идти на помощь правительству в Зимний и «умереть вместе с ним». Министр продовольствия Временного правительства С. И. Прокопович выразил сожаление, что его незаконно задержали, что его место — в Зимнем дворце. Обстановка нагнеталась. Были получены сведения, что в Зимний дворец собираются пойти и члены правозэсеровского Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, меньшевики и правые эсеры из ЦИК первого созыва. Главы думы тоже стали одеваться и выходить на Невский. Перед зданием думы на углу Невского и Думской линии собралась толпа в несколько сот человек. В этот момент вернулся из Смольного Шрейдер, который сам присоединился к толпе, намереваясь использовать пропуск, полученный в Смольном. Демонстранты, построившись в колонну, двинулись в сторону Адмиралтейства. Но они прошли только один квартал, до Екатерининского канала, где их остановила застава ВРК.

СИГНАЛ И ПЕРВЫЙ ПРИСТУП

Время перевалило за половину десятого, когда прогремел орудийный выстрел. Сразу же вслед за ним ударил еще один, более мощный, звук которого перекрыл первый. Это был условный сигнал к штурму Зимнего. Полуденная пушка Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости выстрелила холостым зарядом. Багровая вспышка осветила мрачную Неву. Это увидели на «Авроре». Комиссар дал приказ комендору повторить сигнал. И баковое орудие крейсера произвело свой исторический выстрел. Эхо разнеслось над всем городом — и на Петроградской, и на Выборгской, и на Васильевском острове, в центре, на Невском, и даже в Смольном.

В Зимнем дворце и на Дворцовой площади казалось, что стреляли прямо над головами. Дребезжали стекла, эхо выстрелов несколько секунд обегало площадь, отражаясь от зданий.

Надо сказать, что обстоятельства подачи сигнала к штурму Зимнего с годами забылись в своих деталях и подробностях. Образ героического крейсера революции, громом своих пушек возвестившего начало новой эры, несколько потеснил скромных пушкарей Петропавловки. Но какой-то след воспоминаний об участии крепости в этом деле оставался в памяти участников Октябрьских дней. Кто-то вспомнил, что сигналом для самой-то «Авроры» послужил какой-то знак, поданный крепостью. Вроде бы красный фонарь, поднятый на мачте-флагштоке Нарышкинского бастиона. И легенда о красном фонаре десятилетиями кочевала в многочисленных воспоминаниях, очерках и художественных произведениях о штурме Зимнего. Лишь в 1967 г., когда вся страна и ленинградцы готовились к торжественному празднованию 50-летия Великого Октября, началось интенсивное изучение всех свидетельств и первоисточников об Октябрьском вооруженном восстании. Даже провели эксперимент: можно ли с того места, где стояла «Аврора»,

видеть этот красный фонарь на Петропавловке? И оказалось, что нет, нельзя. «Аврора» ведь стояла не посреди Невы, а на фарватере, у разводной части нынешнего моста Лейтенанта Шмидта¹, у самого берега Васильевского острова. А с этого места Петропавловская крепость вообще не видна, ее загораживает здание Кунсткамеры.

В ходе самих событий и вскоре после них о выстрелах из крепости и с «Авроры» помнили достаточно хорошо, писали и говорили об этом. Вот, например, отрывок из отчета газеты «Новая жизнь» от 26 октября 1917 г.: «В 9 часов вечера по Зимнему дворцу с верков Петропавловской крепости и крейсера «Аврора» было сделано несколько холостых орудийных выстрелов. Пушечные выстрелы послужили как бы сигналом к обстрелу Зимнего дворца революционными войсками и Красной гвардией, расположившимися на площади перед дворцом». На заседании бюро военных комиссаров ВРК в первых числах ноября 1917 г. комиссар «Авроры» А. В. Бельшев рассказывал: «Вечером получено предписание от Военно-революционного комитета после сигнальных пушечных выстрелов с Петропавловской крепости произвести несколько выстрелов холостых...»² Есть и ряд других свидетельств о том же.

Итак, сначала был выстрел Петропавловки, который тут же продублировала «Аврора», что, кстати, и дало основание современникам и очевидцам событий говорить о сигнальных «выстрелах» и крейсера, и крепости, хотя с каждой стороны последовало всего по одному. Завершая это отступление, хочу сказать, что орудие Петропавловской крепости, давшее самый первый сигнал к обстрелу Зимнего, к счастью, сохранилось и до сегодняшнего дня в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде.

Долгожданный сигнал поднял настроение революционных войск. Командиры повсюду отдали приказ, и все, кто находился ближе к площади, открыли стрельбу из винтовок в направлении дворца и баррикады перед глав-

---

¹ Старый мост разобрали в середине тридцатых годов. Его металлические строения были подарены ленинградцами жителям города Калинин. Он и сейчас стоит в Калинин, перекинутый через Волгу.

² Рассказ Бельшева отражен в сохранившемся и не раз опубликованном протоколе. См., например: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л., 1957, с. 280—281.

ными воротами. Застрочили специально выдвинутые вперед пулеметы. Послышался звон разбитых оконных стекол. Но большинство пуль попадало в штукатурку или вбивалось в сырые дрова баррикады.

Первые секунды ответных выстрелов не было. Но юнкера быстро опомнились. Поверх баррикады начал стрелять пулемет с башни «Ахтырца», стоявшего в главных воротах Зимнего. Заговорили пулеметы, спрятанные на штабеле дров. Из-за колонн подъездов юнкера и ударницы стреляли из винтовок. Хотя площадь была неплохо освещена (горели все уличные фонари, дополнительный свет давали освещенные окна Зимнего), перестрелка не могла быть прицельной. Обе стороны вели огонь наугад. Но юнкера были укрыты лучше. Революционным же солдатам, матросам и красногвардейцам, для того чтобы стрелять по дворцу, приходилось покидать укрытия. Скоро среди них появились первые раненые и убитые. Раненых оттаскивали подальше, оказывали первую помощь. Их место заступали новые бойцы.

Перестрелка на площади продолжалась около 10 минут. Впервые за время восстания, которое до этого больше суток развивалось без единого выстрела, заговорило оружие, появились первые жертвы (со стороны Временного правительства никто даже не был ранен). Стрельба внезапно прекратилась. Вслед за частыми световыми сигналами со стороны Зимнего от ворот отделился молодой казак с белым платком в руках, которым он усиленно размахивал. Это был парламентар казачков, которые решили, что не будут больше защищать Временное правительство и подвергать свою жизнь риску. Казаки просили у комиссаров ВРК разрешения выйти из дворца и вернуться в свои казармы с оружием. После недолгого совещания Антонов-Овсеенко и Чудновский пришли к выводу, что выгода от уменьшения численности гарнизона Зимнего несомненна и поэтому пусть казаки с оружием уйдут по Миллионной улице, Мошкову переулку и далее по Дворцовой набережной. На всякий случай на углу Мошкова переулка и Миллионной Антонов распорядился поставить броневик.

Временное правительство узнало об уходе казаков из доклада полковника Ананьева в 9 часов 45 минут. В это же время поручик Данилевич связался с Духонным, который заверил, что ночью обязательно подойдут два самокатных батальона, а утром 26 октября в Петроград придут шесть казачьих полков и артиллерия. Последний луч надежды блеснул перед министрами. Ни

Ставка, ни Временное правительство не знали, что командующий Северным фронтом генерал Черемисов уже запретил всякие перевозки войск в сторону Петрограда. Указанные части стояли за многие десятки километров от столицы, а некоторые из них еще и не грузились в вагоны.

В 10 часов 15 минут вечера по предложению Терещенко Временное правительство постановило присвоить частям, которые продержатся до подхода подкреплений, наименование «войск национальной охраны Учредительного собрания». Но этим способом уже невозможно было поднять моральный дух защитников Зимнего. Полурота Женского батальона тоже выслала своих парламентаров с просьбой выпустить «ударниц» из дворца. Антонов и Чудновский, соглашаясь не считать ударниц «военнопленными», потребовали их полного разрушения, поскольку они уже участвовали в перестрелке. И вслед за казаками из Комендантского подъезда потянулась вереница «бойцов» 1-го Петроградского женского батальона. Они шли на Миллионную, к Эрмитажу. Павловцы и красногвардейцы беззлобно посмеивались над бывшими защитницами Зимнего. Росла гора отобранного у них оружия. «Ударниц» проводили в казармы Павловского полка — временно до отправки к месту постоянного расквартирования в Левашове.

В телеграммах и воззваниях, которые уходили из Зимнего по стране, все еще звучали оптимистические ноты: «Правительство в полном составе, за исключением С. Н. Прокоповича, на посту. Положение признается благоприятным. Городская дума и Совет крестьянских депутатов на стороне правительства. Дворец обстреливался, но только ружейным огнем, без всяких результатов. Выяснено, что противник слаб. Из Ставки правительству сообщают, что на выручку идут войска с фронта. Самокатный батальон ожидается ночью, а несколько полков утром». Трудно сказать, чего было больше в этом воззвании: намеренной лжи, отчаяния или надежды на чудо.

Революционные силы отнюдь не были слабыми. К сожалению, не сохранилось какой-либо сводной ведомости, а тем более поименного списка участников штурма Зимнего дворца. Мы опираемся лишь на разрозненные свидетельства очевидцев, документы ВРК с приказами выйти тем или иным воинским частям, на сведения газет, на отчеты комиссаров ВРК, составленные уже после событий, в начале ноября 1917 г., наконец, на вос-

поминовения участников. Точную цифру участников штурма Зимнего назвать невозможно. Подсчеты, сделанные историками по косвенным источникам, расходятся между собой. Так, известный ленинградский историк Октября Е. Ф. Ерыкалов в своей монографии, вышедшей в свет еще в 1966 г., называет число 18—20 тысяч человек, включая 7—8 тысяч солдат, 6—7 тысяч матросов и около 5 тысяч красногвардейцев¹. Автор данного очерка также делал примерные подсчеты, которые, правда, дают несколько меньшие цифры. Выше приводились уже сведения относительно кронштадтского десанта, который в основном состоял из матросов Минной и Машинной школ. К ним присоединилась часть солдат из кронштадтских крепостных полков и некоторые члены команд прибывших из Кронштадта судов — всего примерно 3500—3800. В штурме также частично принимали участие матросы «Авроры», Гвардейского и 2-го Балтийского флотского экипажей. С их учетом было 4000, максимум 4500 человек. Что касается солдат петроградского гарнизона, то среди революционных сил у Зимнего дворца находилось не менее 11 рот гвардейской пехоты. Исходя из штатной численности роты — 250 человек — можно предположить, что общее число революционных солдат равнялось 3000 человек. Число красногвардейцев составляло 3200 человек². Суммарная цифра получится около 11 тысяч человек. Возможно, истинное число участников штурма Зимнего дворца несколько выше, но, без сомнения, меньше, чем указывает Е. Ф. Ерыкалов.

Руководители восстания особое значение придавали участию в штурме красногвардейцев, отличавшихся высоким боевым духом и классовой сознательностью. Самый крупный отряд Красной гвардии послал к Зимнему Петроградский район — до тысячи бойцов. Менее крупным отрядом был Выборгский. И петроградцы, и выборжцы штурмовали дворец со стороны Миллионной улицы и Певческого моста вместе с Павловским полком, который дал больше всего участников штурма из солдат. 400—500 красногвардейцев послал на штурм Зимнего Василеостровский район. Небольшой отряд путиловцев прибыл из Петергофского района (главные си-

---

¹ См.: Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 433—434.

² См.: Старцев В. И. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.—Л., 1965, с. 274.

ны красногвардейцев-путиловцев использовались на охране предприятия, Балтийского и Варшавского вокзалов). На Дворцовой площади путиловцы действовали со стороны Адмиралтейства вместе с кексгольмцами и матросами. Небольшие отряды выставили штабы Красной гвардии 1-го и 2-го Городских районов, по три-четыре десятка человек — Рождественский и Александровский районы. Красногвардейцы цементировали собой революционные силы, придавали больше уверенности солдатам.

С отвагой и беззаветной смелостью шли на штурм Зимнего матросы-балтийцы, заслужившие высокий авторитет своими предыдущими революционными выступлениями.

Революционное нетерпение красногвардейцев и матросов искало выхода. Как только из дворца стали уходить казаки и «ударницы», отдельные красногвардейцы со стороны Миллионной стали подкрадываться к Зимнему, стараясь забраться внутрь здания. Со стороны Дворцового моста матросы стали перебежками по одному, по два приближаться к саду Зимнего и накапливаться у высокого парапета решетки, стремясь пробраться по набережной к самому дворцу. Примерно в половине одиннадцатого группа — до 50 красногвардейцев — ворвалась через Комендантский подъезд внутрь дворца и стала пробираться на второй этаж. Их примеру последовали многие солдаты-павловцы. Юнкера Школы прапорщиков инженерных войск во главе с Пальчинским зашли красногвардейцам в тыл и разоружили их. Красногвардейцы не оказали сопротивления, зная, что их «плен» будет недолгим. Вслед за ними бежали солдаты-павловцы, вновь заполнившие Комендантский подъезд. Их оттеснили, но арестовать уже не смогли. О своих успехах Пальчинский доложил министрам, но лишь испугал их. «Сколько же большевиков обезоружены? А сколько их уже во дворце?», «Кто фактически занимает дворец теперь?» — спрашивали Пальчинского. Большая часть министров находилась как бы в оцепенении. Они дремали в креслах и на диванчиках, многие в пальто, ожидая неизбежного конца. Лишь самые активные из них: Коновалов, Кишкин, Терещенко, Маслов, Никитин — выходили из комнат, говорили с юнкерами, спорили. Никитин дежурил в покинутом всеми кабинете Коновалова, непрерывно разговаривая по телефону с городской думой, со своими помощниками по министерству. Помощи, кроме словесных заверений

о поддержке, по-прежнему не было никакой. Об этих минутах в Зимнем дворце рассказал в своем дневнике А. В. Ливеровский: «10 час. 40 мин. Меня вызвали к прямому проводу для переговоров со Ставкой на телеграф, который помещается в другом корпусе Зимнего дворца (направо от главных ворот). В сопровождении телеграфного чиновника из кабинета я вышел в коридор и спустился по маленькой лестнице в первый этаж, откуда узким коридором вышел в нижнюю галерею. В галерее много юнкеров, некоторые с вещами, собираются уходить, настроение у них подавленное. При переходе через двор видел броневик и два орудия в главных воротах. Броневик не стрелял. Только что мы миновали светлую полосу под воротами, началась стрельба... При возвращении пришлось ожидать несколько минут, пока не затихнет стрельба. Обрато меня провожал молодой офицер с «Георгием». В нижней галерее встретили юнкеров с захваченными красногвардейцами. При обыске у них кроме ружей отобраны револьверы и ручные гранаты».

В Актовом зале Смольного в обстановке нарастающего натиска на Временное правительство в 10 часов 40 минут вечера открылся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. По правилам, выработанным еще Первым съездом, он должен был начаться политической речью председателя ЦИК первого созыва. Но меньшевик Ф. И. Дан, который в тот момент исполнял обязанности председателя ЦИК, от речи отказался, заявив: «В этот момент, когда я, член президиума ЦИК, говорю перед вами, наши товарищи, заседающие в Зимнем дворце, подвергаются обстрелу!»

Дан предложил перейти к выборам президиума съезда. В соответствии с партийным составом делегатов съезда большинство в президиуме получили представители партии большевиков. Среди них были избраны В. И. Ленин, В. А. Антонов-Овсенко, А. М. Коллонтай, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, П. И. Стучка и другие. В порядке дня съезда стояли три вопроса: об организации власти, о войне и мире, об Учредительном собрании. Обсуждению этих вопросов, кроме того, должны были предшествовать доклады Петроградского Совета и ЦИК. Однако лидер меньшевиков-интернационалистов Л. Мартов внес предложение в первую очередь поставить вопрос о мирном разрешении создавшегося

кризиса и вынести резолюцию о немедленном прекращении военных действий с обеих сторон. Это означало бы спасение Временного правительства от неминуемого ареста.

А. В. Луначарский от имени большевиков заявил, что фракция не возражает против обсуждения этого вопроса первым. Но серьезное обсуждение было сорвано шумными демаршами меньшевиков и эсеров. Задержка в аресте Временного правительства (не случайно В. И. Ленин торопил со взятием Зимнего!) давала возможность соглашателям заниматься обструкцией. Я. А. Харраш от имени меньшевистской и эсеровской фракций заявил, что съезд заседает в тот момент, когда их товарищей «растреливают в Зимнем дворце». От имени фронтовой группы меньшевиков Г. Д. Кучин протестовал против действий большевистской партии. Л. М. Хинчук внес проект резолюции, принятый днем на заседании ЦК меньшевистской партии. В нем указывалось, что меньшевики уходят со съезда. От фракции правых эсеров аналогичную декларацию зачитал М. Я. Гендельман. После этого все члены фракций меньшевиков и эсеров демонстративно направились к выходу из Актового зала. В зале остались левые эсеры, образовавшие на съезде свою фракцию. К дезорганизаторам присоединилась и фронтовая группа, объединявшая представителей армейских и корпусных комитетов, избранных, как правило, до того, как произошел решительный сдвиг солдатских масс влево. Многие меньшевики и эсеры, покинув первое заседание съезда, направились в двенадцатом часу ночи к зданию городской думы.

Мартов остался на съезде и огласил резолюцию, призывавшую заключить соглашение между «восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства», которому «могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно». Он предложил от имени съезда призвать к прекращению огня и началу мирных переговоров. До выяснения результатов этих переговоров съезд должен был приостановить свою работу.

В разгар бесполезных словопрений до Смольного доносились звуки отдаленной канонады. Один за другим орудийные выстрелы сотрясали воздух над Невой. Задрезбуждали окна в Актовом зале, на миг установилась тишина, и вдруг все взорвалось криками. Перебивая друг друга, кричали оставшиеся еще на съезде сторон-

ники Мартова и левые эсеры, сокрушаясь о гибели Временного правительства под обломками Зимнего дворца. Кричали делегаты-большевики, не в силах скрыть свою радость. Наконец-то идет главное наступление на Зимний! Под аккомпанемент орудийных выстрелов большевики внесли свою резолюцию, которая резко осуждала семимесячную деятельность соглашательских партий, потерпевшую крах, их попытки сорвать съезд Советов. Резолюция приветствовала победоносное восстание рабочих, солдат и крестьян и предлагала съезду Советов продолжить свою работу.

Затянувшаяся передышка на Дворцовой площади кончилась после 11 часов вечера. Больше пока сдаться никто не захотел, и тогда был начат артиллерийский обстрел Зимнего дворца. Промедление было вызвано значительной протяженностью коммуникаций (даже самое тесное кольцо вокруг дворца по обводу составляло около шести километров). Поскольку командный пункт в Павловских казармах был удален на полтора километра от площади, а от Полевого штаба ВРК в Петропавловской крепости почти на четыре километра, тратилось немало времени на передачу приказов и донесений. Ведь основной формой связи были пешие посыльные, полевые телефоны не устанавливались из-за скоротечности операции. Несмотря на неизбежные задержки, подготовка к взятию Зимнего продолжалась планомерно и неуклонно. Когда в Петропавловскую крепость сообщили, что казаки благополучно проследовали через порядки павловцев и красногвардейцев, что «ударницы» вышли из дворца и разоружены, Благодеров отдал приказ открыть артиллерийский огонь. Обстрел дворца из крепости велся с двух точек. С припеска Невы, где стояли три трехдюймовые полевые пушки, и с Нарышкинского бастиона.

На бастионе кроме полуденной вестовой пушки солдаты-артиллеристы подготовили к стрельбе еще три шестидюймовых орудия. Одно из них еще днем было наведено на угол здания. Теперь из него выстрелили боевым снарядом картечи. Солдаты по вспышке разрыва убедились в точности наводки. Тотчас сделали еще один выстрел из четвертого орудия. Снаряд сделал перелет. Всего из шестидюймовых пушек образца 1867 г. было сделано два боевых и четыре холостых выстрела.

Как только прозвучал первый выстрел с Нарышкин-

ского бастиона, начали стрелять и трехдюймовки с пляжа. Вызванные комиссаром крепости матросы-артиллеристы, критически осмотрев пушки, навели их «на глазок». Солдаты предупредили их, что на втором этаже в Зимнем госпиталь и там лежат раненные. Целить можно только в правый крайний угол. Шрапнельных снарядов принесли 36 штук. С опаской начали матросы стрелять. Но пушки выдержали. Большинство снарядов рвалось над Невой, недалеко от Дворцовой набережной. Несколько снарядов, как казалось артиллеристам, достигли цели. Круглые пули шрапнели ломали ветки на липах, разбивали стекла во дворце.

Со стороны Дворцовой площади по Зимнему стреляли две пушки, отобранные у юнкеров-михайловцев и установленные по углам Арки Главного штаба. После первого выстрела было видно, как шрапнель выбила штукатурку возле левого подъезда. Второй снаряд разорвался над баррикадой у главных ворот Зимнего. Как вспоминал К. С. Еремеев, был сделан еще и третий выстрел. Ему казалось, что снаряд попал в крышу около часов, но впоследствии следов этого попадания в Зимнем дворце не нашли. Видимо, случился перелет. Таким образом, всего по дворцу было сделано около 40 выстрелов боевыми снарядами, два — шестидюймовыми, а остальные — трехдюймовыми. Шрапнельные снаряды рассчитаны на поражение живой силы противника, и большого вреда дворцу они принести не могли. Поскольку все защитники Зимнего в этот момент укрылись внутри здания, то и они не пострадали.

Со стороны крепости в Зимний попало два снаряда в одну и ту же угловую комнату на третьем этаже — приемную Александра III. В этой комнате всего два окна. И в одно из них, узкое окошко на восток, влетел шестидюймовый снаряд с Нарышкинского бастиона, а в другое, широкое двустворчатое на север, — снаряд из трехдюймовки. Станок от бомбовой картечи пробил перегородку с соседней комнатой, следующую стену и упал в коридоре. Пострадали мебель, обивка стен и стекла. При обстреле с площади была повреждена штукатурка на крыльце левого подъезда и разорвана картина в Центральном зале, расположенном над главными воротами. Кроме того, шрапнелью были разбиты несколько окон. Этим и исчерпывались разрушения, причиненные Зимнему дворцу артиллерийским обстрелом. Вопреки ходячему мнению, крейсер «Аврора» боевыми снарядами по Зимнему не стрелял и никаких разруше-

ний, следовательно, причинить дворцу не мог. Все, что здесь рассказано, основывается на строгих фактах и расследованиях, на ведомостях ремонтных работ в Зимнем дворце после октября 1917 г. Эту чрезвычайно кропотливую работу провели П. Ф. Губчевский, А. Г. Петров, В. И. Смолни и эксперты по баллистике. Еще не так давно можно было видеть вмятины от шрапнели на решетке пандуса Октябрьского подъезда Зимнего. Их заделали во время ремонта в начале семидесятых годов.

Хотя разрушения от артиллерийского обстрела резиденции правительства оказались незначительными, моральное воздействие этого обстрела на защитников Зимнего и министров было огромным. Дух сопротивления остававшихся во дворце юнкеров был сломлен окончательно. Юнкера подхватили еще горячий стакан от трехдюймовой шрапнели и потащили показывать министрам. По свидетельству Малянтовича, адмирал Вердеревский авторитетно заявил: «Это с „Авроры“!» (В действительности же это был снаряд, выпущенный с Петропавловки.) Когда стакан поставили на стол, тут же родилась мрачная шутка: «Пепельница на стол нашим преемникам...»

А со стороны набережной до ворот сада Зимнего дворца добрались, наконец, кронштадтские матросы Мишиной и Машинной школ. Еще одна перебежка... Энергичный стук в дверь низенького подъезда, ведущего в подвал. Испуганный служитель в серой ливрее открывает замки. И матросы врываются в маленький вестибюль. «Как добраться до Временного правительства?» Служитель, онемевший от неожиданности, показал куда-то вверх. Матросы попали в так называемые детские комнаты первого этажа. По маленьким лестницам они стали пробираться на третий этаж. Но там никого не было: министры находились на втором этаже. Медленно, опасаясь засады, продвигались матросы по коридорам, пока не наткнулись на один с тремя световыми люками посередине, закрытыми остекленными решетками. Заглянув вниз, они увидели коридор с картинами на стенах, по которому расхаживали юнкера.

По достоинству оценив свою позицию, матросы прикладами выбили стекла в среднем люке и, бросив вниз две ручные гранаты, побежали дальше. В Темном коридоре, совсем рядом с Ротондой, находились последние посты, охранявшие подход к Малахитовому залу и Малой столовой. Раздалась взрывы. Двое юнкеров были ранены. «Доктора! Доктора!» — донеслись голоса до

Малой столовой. «Я — доктор», — встрепенувшись, сказал Кишкин. К нему привели раненого юнкера, а потом и второго. Один был ранен в голову, другой в руку. Кишкин оказал им первую помощь. Министры тупо глядели на эту сцену. Вид свежей крови гипнотизировал их. Никто не предложил немедленно сдаться, чтобы предотвратить ненужные жертвы...

В половине первого ночи министр внутренних дел Никитин все еще обзванивал думу и своих бывших коллег, просил «о сформировании каких-либо частей для удара в тыл нападающим». Но никто не хотел умирать за Временное правительство. А внизу, в галерее, засыпанной осколками стекла, выбитого шрапнелью, вновь начался митинг юнкеров, которые требуют новых переговоров с Военно-революционным комитетом. Руководитель обороны полковник Ананьев вынужден согласиться. Юнкерские парламентарии через павловцев просят вызвать Чудновского, который в сопровождении юнкеров во второй раз отправляется в Зимний. По цепям передают распоряжение: не стрелять!

В подъезде дворца Чудновский вновь сталкивается с Пальчинским. «Арестовать его немедленно!» — кипятится Пальчинский. Но юнкера громко протестуют, и Пальчинский бежит на второй этаж к Временному правительству. Теперь в его докладе нет прежнего оптимизма. Юнкеров еще больше тысячи, но без опытных и смелых офицеров, без организации, без продовольствия... Большинство юнкеров голодны и мечтают лишь о том, чтобы вернуться в училища. Министры перебрасывают редкими фразами с выражением полного безразличия. Они даже не реагируют на новости. Но Никитин опять предлагает искать войска за пределами дворца. По его просьбе Коновалов в который раз звонит в горюцкую думу, умоляет сформировать какой-нибудь отряд из юнкеров или ударников. «Нам нужно не менее двести — триста человек, — увещевает он, — только это нас может спасти, иначе не продержимся!»

По договоренности с Чудновским юнкера покидают все свои позиции вне дворца. Очищается баррикада, пулеметы остаются на улице, юнкера берут с собой только винтовки и уходят внутрь дворца. Чудновский обещает ходатайствовать перед ВРК о пропуске их через шпеление с оружием в руках. Тем временем через Командантский и Детский подъезды во дворец проникают все новые и новые группы магросов и красногвардейцев. Их разоруживают. Но количество разоруженных

становится все больше и уже превышает малочисленную охрану. Спокойно, со смешком задержанные предлагают юнкерам сдаться в свою очередь. Те пока отнекиваются, говорят, что еще не время...

Чудновский, разыскав В. А. Антонова-Овсеевко, докладывает ему о результатах переговоров с юнкерами. Антонов не соглашается пропустить юнкеров с оружием и требует их разоружения. Начинаются новые переговоры, в ходе которых часть соглашается сложить оружие и уйти, а другие упорствуют и остаются во дворе. Выходящие из подъезда бросают свои винтовки и револьверы в большую кучу, затем проходят вдоль двора на Миллионную улицу. На площади опять воцаряется тишина.

А в Смольном на первом заседании Второго Всероссийского съезда полемические страсти не утихали. После внесения большевиками резолюции, одобряющей восстание, левые эсеры, на помощь которых рассчитывали руководители большевистской фракции съезда, заколебались. Они высказались против резолюции большевиков, за создание «единого революционного фронта». С их стороны поступило предложение устроить перерыв в работе съезда, во время которого на фракции они решат, останутся ли на съезде или нет. Объединенные интернационалисты (разновидность левых меньшевиков, группировавшихся вокруг газеты «Новая жизнь»), формально отмежевываясь от меньшевиков и правых эсеров, по сути дела оправдывали штрейкбрехерство соглашателей. «Давайте просто пройдем мимо их дезертирства!» — предлагали они. Затем представители меньшевиков-интернационалистов покинули Актовый зал Смольного. К ним присоединились 10 представителей еврейского социал-демократического союза «Бунд» и еврейской социалистической партии «Поалей Цион». Пошел второй час ночи, а съезд Советов из-за обструкции, разыгранной правыми эсерами и меньшевиками всех мастей, так и не мог приступить к деловой работе.

Около 2 часов ночи 26 октября на съезде объявляется перерыв для обсуждения проектов резолюций по фракциям...

ШТУРМ

На Дворцовой площади во втором часу ночи 26 октября революционные солдаты, матросы и красногвардейцы вновь стали проявлять явные признаки нетерпения. Перестрелка, выход казаков и «ударниц», артиллерийский обстрел — все это порождало могучий порыв среди участников штурма Зимнего. Но когда опять начались переговоры и произошла задержка, время стало тянуться медленно. Не только во дворце, но и по эту сторону баррикад давали себя знать усталость, голод. Многие участники штурма находились на площади уже больше шести часов. «Опять задержка! Почто медлим?» — слышались голоса. Антонов-Овсеев успокаивал: «Скоро! Теперь скоро!»

Наконец выяснилось, что во дворце осталось всего 400—500 юнкеров. У баррикады и у подъездов видны были только груды брошенного оружия. Пора! Антонов-Овсеев и Чудиновский от Арки Главного штаба повели наступающих к левому подъезду дворца. Сначала бросок к Александровской колонне, обложенной высоким штабелем дров. Затем стремительные перебежки к подъездам. Пошли вперед и павловцы с красногвардейцами с Миллионной улицы. Им было ближе к Комендантскому подъезду — на выручку своим товарищам, которые уже проникли во дворец. С Невского, с Адмиралтейского проспектов, из Александровского сада тоже началось быстрое движение участников штурма в сторону дворца. Матросы с набережной кинулись к двум Детским подъездам, к саду, открыли ворота. Начался общий штурм Зимнего дворца.

Как говорил один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Н. И. Подвойский, «это был героический момент революции!». Сознание величественности совершающегося действия пронизывало всех. Семь десятилетий миновало с той поры, и сотни художников уже запечатлели штурм Зимнего на своих полотнах. Мы видим на них фигуры матросов, солдат

и красногвардейцев в позах могучего порыва, гранаты в мускулистых руках, готовые к броску, багровые отсветы на низких темно-серых облаках ночного неба, перекрещенные лучи прожекторов, клубы дыма, вероятно от пушечных снарядов, испуганные фигурки юнкеров, закрывающих лица руками. Таким представляют это событие художники. И они, по-своему, правы. Так они передают свои чувства зрителям и решают художественные задачи. Можно восхищаться их работами, обсуждать, как расположены источники света, как скомпонована картина, как удалось передать в движении и фигурах людей чувства и порыв героев штурма Зимнего. Но нельзя изучать историю по этим картинам. Величие события не умаляется от того, что лучей прожекторов, скорей всего, не было над Дворцовой площадью, что гранаты были привязаны к поясам, а не находились в руках. Дымам тоже неоткуда было подыматься. И наконец, у дворца не оставалось уже ни юнкеров, ни «ударниц». Сказанное выше о художниках полностью относится и к кинематографистам. И режиссер, и оператор тоже должны думать о композиции кадра, об освещенности, о «массовке» и главных героях. Рассказывают, что, когда Сергея Эйзенштейна, снимавшего в 1927 г. знаменитый фильм «Октябрь», привели на место события и показали ему Октябрьскую лестницу, он отказался снимать штурм именно на этой лестнице, потому что там трудно было развернуть «массовку». И он снял движение революционных масс во дворце по широкой и очень красивой Иорданской лестнице. А она на самом деле велла в 1917 г. только в госпиталь! Это новаторство нашего режиссера, ставшего ныне классиком советского кино, повторили затем десятки других режиссеров. И снова и снова бороздили небо лучи прожекторов, снова дым поднимался вверх, бежали матросы по Иорданской лестнице, повисали неизвестно зачем на главных воротах...

Историк же должен придерживаться фактов. Он обязан сказать: не было частой стрельбы из бегущих рядов, не косили их пулеметы из-за гигантской дровяной баррикады, не несли штурмующие красных знамен. Все было гораздо проще. И вместе с тем в этой простоте и будничности еще ярче проявилось величие этого героического момента революции. Ведь всего один шальной выстрел мог оборвать жизнь любого из участников штурма на площади перед Зимним дворцом! Их вел вперед долг перед революцией, мечта о счастье народа,

вера в лучшее будущее, которое начиналось именно с этих секунд.

Движение революционных войск к Зимнему было замечено из дворца. Дежурный телефонист, сидевший в крытом балконе-фонаре над левым подъездом, по телефону доложил Временному правительству, что «подходит делегация в количестве 300—400 человек». Но это были первые ряды атакующих. Вскоре во дворец влились тысячи людей, которые готовились к этому свыше семи часов с момента окружения Зимнего.

Известно описание штурма Зимнего, данное Джоном Ридом в его знаменитой книге «Десять дней, которые потрясли мир». Напомним, что Рид вместе с другими американскими прогрессивными журналистами — Альбертом Рисом Вильямсом, Бесси Битти, Луизой Брайант (жена Рида) и переводчиком американской миссии Красного Креста русским офицером меньшевиком Александром Гомбергом весь день 25 октября стремились быть в центре событий, ничего не упустить. Во втором часу ночи они шли по Невскому проспекту в направлении Морской улицы. Пропуска на право свободного прохода по городу они получили в Смольном от работника ВРК И. В. Духвинского-Осипова. Журналисты обратили внимание на движение плотной массы солдат и красногвардейцев, заполнявших небольшой отрезок Морской улицы между Невским и Аркой Главного штаба. Тут же, на Морской, в доме 8 находилась гостиница «Франция», где жил Альберт Рис Вильямс и где он и его друзья часто обедали и ужинали.

«В тот момент, когда мы выходили на Морскую, — писал Джон Рид, — кто-то крикнул: «Юнкера послали сказать, что они ждут, чтобы мы пошли и выгнали их!» Послышались слова команды, и в глубоком мраке мы рассмотрели темную массу, двигавшуюся вперед в молчании, нарушаемом только топотом ног и стуком оружия. Мы присоединились к первым рядам.

Подобно черной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков прокатились мы под красной аркой. Человек, шедший передо мной, тихо сказал: «Ох, смотрите, товарищи, не верьте им! Они наверняка начнут стрелять...» Выйдя на площадь, мы побежали, низко нагибаясь и прижимаясь друг к другу. Так бежали мы, пока не наткнулись на пьедестал Александровской колонны.

«А много ваших убито?» — спросил я.

«Не знаю, верно человек десять...»

Простояв здесь несколько минут, отряд, насчитывавший несколько сот человек, ободрился и вдруг без всякого приказа снова кинулся вперед. В это время при ярком свете, падавшем из всех окон Зимнего дворца, я заметил, что передовые двести — триста человек были все красногвардейцы. Солдат среди них попадалось очень мало. Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, прыгнув вниз, разразились восторженными криками: под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь. Оттуда лился свет, но из огромного здания не доносилось ни звука¹.

Как видно из дальнейшего содержания книги Джона Рида, а также книг, которые написал потом Бесси Битти и Альберт Рис Вильямс, отряд, с которым они приблизились к Зимнему дворцу, был далеко не первым. Да и сами эти строки, написанные в 1918 г., спустя много месяцев после Октябрьских дней, отразили и непосредственные впечатления Рида и его спутников, и то, что он читал в газетах, и то, что слышал от других участников событий. Этот отряд устремился потом к правому, Комендантскому подъезду. И внутри дворца, когда Рид и его друзья прошли в подъезд, было уже полно солдат и красногвардейцев.

К левому подъезду направились основные силы оставших под предводительством Антонова-Овсенко и Чудновского. (Кстати, и это движение наблюдали из Александровского сада еще два американца — глава американской миссии Красного Креста Уильям Бойс Томпсон и его помощник подполковник Раймонд Робинс, выполнявшие и разведывательные функции.)

Войдя в открытые двери левого подъезда, Антонов-Овсенко и Чудновский, подпираемые сзади сотнями красногвардейцев, солдат и матросов, увидели справа от себя небольшую лестницу и вестибюль. В вестибюле цепь юнкеров с винтовками наперевес охраняла довольно широкую лестницу, ведущую наверх. Сзади зашелкали затворы, угрожающе ошестившись винтовки. «Стойте! — крикнул Антонов. — Не стреляйте!» Он призвал юнкеров бросить оружие, доказывая полную бессмысленность сопротивления. Перед плотной массой людей с горящими глазами, заполнившей подъезд, первый марш лестницы и вестибюль, юнкера заколебались и нехотя расступились. Тотчас они были буквально прижа-

¹ Рид Джон. Десять дней, которые потрясли мир. М. 1957, с. 98.

ты к стенам, а мимо них бурным потоком пронеслись наверх красногвардейцы, солдаты и моряки. Этот поток не ослабевал в течение десяти минут.

Сегодня благодаря кропотливому поиску ученых, специалистов-искусствоведов, историков-любителей мы шаг за шагом можем проследить путь участников штурма в Зимнем дворце, маршруты и время движения революционных сил — вплоть до ареста Временного правительства. Октябрьская лестница оказалась не единственной, по которой восставшие поднимались наверх. Несколько других, еще более узких лестниц вели их на второй этаж, к Временному правительству. Каждый знает, что, когда кончается наводнение, когда спадает большая вода и река возвращается в привычное русло, половодье оставляет на своем пути зримые следы. Подобно этому, следы гигантского человеческого потока остались и в Зимнем дворце после штурма. Художественно-историческая комиссия по приемке ценностей Зимнего дворца и специальная следственная комиссия Адмиралтейской районной думы (Зимний входил в этот городской район) провели 27—28 октября с разрешения Военно-революционного комитета тщательное обследование всех залов и помещений дворца. Были составлены подробные акты, сделаны десятки документальных фотографий.

Среди членов комиссий было немало кадетов, меньшевиков и эсеров, которым очень хотелось бы сострять обвинение против большевиков, против Советской власти, обвинить восставших в разрушении Зимнего дворца. Коварный замысел не удался. Разрушения оказались в десятки раз меньше, чем можно было ожидать. Народные массы проявили удивительную бережность и уважение к бывшей резиденции ненавистных им самодержцев. Не надо забывать и того, что Зимний уже занимали в Февральские дни 1917 г., что свой след во дворце оставили Временное правительство, его аппарат и его защитники. А среди них люди были всякие. После штурма не сразу удалось установить в Зимнем настоящую охрану, и во дворец проникло немало случайных людей и любителей легкой наживы. Все это, несомненно, способствовало тем пропажам и разрушениям, которые зафиксированы в актах комиссий и на документальных фотографиях. В качестве «обвинительного акта» против большевиков эти документы не выдерживают критики. Но как исторический источник они очень ценны.

Именно эти акты и документальные фотографии, сделанные 27—28 октября 1917 г., дают возможность проследить все пути восставших в Зимнем. Упомянутые фотографии хранятся сегодня в разных архивах. Собрать и изучать их начал уже названный в книге сотрудник Государственного Эрмитажа П. Ф. Губчевский.

Прежде всего поражает целесообразность движения масс. Зимний дворец не весь был заполнен народом. Мы давно отошли от наивных представлений некоторых историков тридцатых годов о том, что «восставшие заняли все 1050 комнат и залов дворца». Это красивый образ, не более. Большая часть помещений оставалась закрытой и не была затронута событиями. В помещениях госпиталя, большинстве комнат третьего этажа, Галерее 1812 г. не было ни одного революционного солдата, матроса или красногвардейца. По ошибке Темный коридор, увешанный в 1917 г. портретами царских сановников, историки вслед за участниками событий отождествляли с Галереей 1812 г., что совершенно искажало картину штурма дворца. Получалось, что восставшие проникли во дворец через «эрмитажные ходы» (которые, кстати, построены лишь в советское время!) и шли с восточного крыла к западному. О госпитале, двух подъездах с площади, Салтыковском из сада, Детских подъездах с Невы даже не упоминалось.

Ближе и быстрее к Временному правительству! Вот мысль, которая владела и руководителями восстания и каждым участником штурма. О местонахождении правительства во дворце было известно. Парламентеры Военно-революционного комитета провели дополнительную разведку. Антонов-Овсеенко и Чудновский повели штурмующих самым коротким путем. Когда юнкера расступились, руководители штурма во главе авангарда революционных сил поднялись на второй этаж. С небольшой площадки лестницы они попали в Малый фельдмаршальский зал, а из него прямо в Темный коридор. Следовавшие за ними (с каждой минутой во дворец вливались все новые и новые сотни людей) устремились во все двери, которые были открыты с площадки. На Первой запасной половине, служившей казармой, разоружили юнкеров и собрали их в одно помещение. Очень скоро путь преградила закрытая дверь в Александровский зал. Открывать или ломать дверь не стали (юнкера объяснили, что за нею госпиталь). Оставив караул у юнкеров, восставшие повернули обратно. Часть восставших заполнила Белый зал. Здесь тоже были разоруже-

ны юнкера. Из Белого зала красногвардейцы, матросы и солдаты попали в Золотую гостиную, занимающую юго-западный угол Зимнего, а затем в Малиновую гостиную, также превращенную в казарму для юнкеров. Пройдя насквозь всю половину Александра II, восставшие дошли до приемной Временного правительства, а затем до Салтыковской лестницы. Здесь они опять разделились: часть побежала наверх, на третий этаж, где, как сообщили служители дворца, была квартира министра-председателя А. Ф. Керенского, а другая часть через площадку лестницы попала в бывшую половину Николая II, занятую Временным правительством.

Красногвардейцы, матросы и солдаты, которые следовали за комиссарами ВРК, через Темный коридор быстро прошли вперед и первыми достигли дощатой перегородки, перед которой стояла еще одна цепь юнкеров. Неожиданно появился Пальчинский. «Не стрелять! — командовал он юнкерам и продолжал скороговоркой: — А, товарищ Чудновский! Вот мы снова встретились. Я думаю, нам надо продолжить наши переговоры». — «Никаких переговоров! — резко ответил Антонов. — Вы арестованы!»

Юнкера, на глазах которых произошел арест Пальчинского, тоже решили не сопротивляться. Они расступились и бросили оружие. Перегородка затрещала и рухнула под могучим натиском. Узкие двери не могли вместить поток восставших. Они все ближе и ближе к Временному правительству.

Джон Рид и его спутники вошли в Зимний через правый, Комендантский подъезд. Он вел к служебным квартирам в антресолях (дополнительном этаже, установленном между первым и вторым — основными этажами дворца). Отсюда можно было попасть и на второй этаж, но только к помещениям госпиталя. От комнат, занятых Временным правительством, эта часть дворца была прочно изолирована. В огромном сводчатом вестибюле находились деревянные ящики с антикварными или ценными вещами и мебель Зимнего дворца, которые собирались отправить в Москву на временное хранение в Оружейную палату Кремля. Эта операция началась еще до Февральской революции. Первая партия из подготовленных художественной комиссией вещей уже была отправлена в сентябре. Вторую должны были отправить в конце октября 1917 г.

Как только вбежавшие в Комендантский подъезд красногвардейцы, солдаты-павловцы убедились, что отсюда им не добраться до Временного правительства, они, освободив своих товарищей, арестованных ранее юнкерами, решили проверить содержимое деревянных ящиков. Хотелось узнать, что же в них находится. Именно в этот момент в подъезде появились Джон Рид и его спутники.

«Увлеченные бурной человеческой волной,— пишет Рид в своей книге,— мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходящий в огромную и пустую сводчатую комнату — подвал восточного крыла, откуда расходился лабиринт коридоров и лестниц. Здесь стояло множество ящиков. Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы. Кто-то другой нашел страусовое перо и воткнул его в свою шапку. Но как только начался грабеж, кто-то закричал: «Товарищи! Ничего не трогайте! Не берите ничего! Это народное достояние!» Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: «Стой! Клади все назад! Ничего не брать! Народное достояние!» Десятки рук протянулись к расхитителям. У них отняли парчу и гобелены. Двое людей отобрали бронзовые часы. Вещи поспешно, кое-как сваливались обратно в ящики, у которых самочинно встали часовые. Все это делалось совершенно стихийно. По коридорам и лестницам все глуше и глуше были слышны замирающие в отдалении крики: „Революционная дисциплина! Народное достояние!“»¹

Красногвардейцы и солдаты, оставив караулы для охраны ящиков и казенных квартир, сами пошли к левому подъезду и пополнили собой отряды, уже вошедшие во дворец.

Кронштадтские матросы и солдаты, наступавшие со стороны Александровского сада и Адмиралтейства, ворвались в Зимний сразу же за первым отрядом, возглавляемым комиссарами ВРК. А те, кто находился на набережной, входили уже проторенной дорогой через Детские подъезды. Часть моряков проникла в сад и оттуда в Салтыковский подъезд, через который можно было пройти либо во внутренний дворцовый сад, либо во дворец. Во дворе делать было нечего. Четыре конных

¹ Рид Джон. Указ. соч., с. 98—99.

упряжки, два зарядных ящика, две пушки, испорченный броневик — вот все, что находилось там. Поэтому восставшие отсюда быстро уходили и по Салтыковской лестнице поднимались на второй этаж, смыкаясь с теми группами, которые шли по анфиладе комнат вдоль западного фасада дворца. А матросы, вошедшие через Детские подъезды, нашли наконец одну из лестниц, которая привела их в Темный коридор. Здесь около 2 часов ночи недалеко от дверей Круглого зала (Ротонды) матросы присоединились к главным силам, руководимым Антоновым Овсеенко и Чудновским.

Комиссары ВРК быстро входят в Круглый зал. На стенах огромные, в полный рост, портреты царей, начиная с Александра I, декорированные по бокам тяжелыми драпировками из красного бархата с кистями. Через открытую дверь в следующем зале видна толпа юнкеров. Антонов-Овсеенко и Чудновский проходят в этот, Арапский, зал. «Именем Военно-революционного комитета, — приказывает Антонов-Овсеенко высоким срывающимся голосом, — требую сложить оружие!» Юнкера молчат. В глазах и мрачная решимость и страх одновременно. «Немедленно бросайте оружие!» — говорит Чудновский.

Погоны вольноопределяющегося и юное лицо Чудновского располагают к доверию. Юнкера поворачиваются к нему и говорят, перебивая друг друга: «Мы не можем! У нас приказ! Здесь Временное правительство! Разрешите нам спросить у Временного правительства...» — «Спрашивайте! — устало соглашается Антонов-Овсеенко. — Да побыстрее! Стойте, товарищи!» Последняя задержка...

Через 20 минут после того, как революционные силы вступили во дворец, большинство юнкеров было арестовано и препровождено в Белый зал, оружие снесено в соседние комнаты. В помещениях юго-западного крыла устанавливается тишина. Постовые разглядывают все вокруг. Некоторые подходят к окнам. Видна Дворцовая площадь. На ней появляются санитарные машины. Только что родившийся пролетарский Красный Крест принимается за работу. Завтра в газетах будет напечатано, что при штурме Зимнего дворца погибло шесть человек, несколько десятков из наступавших ранено.

И лишь с северо-запада матросы, красногвардейцы, солдаты продолжают комната за комнатой проходить

дворец по западному периметру. Их удивляет внешний вид комнат: стены затянуты холстом, оттуда выпирают какие-то ребра. Чей-то любопытный штык разрывает холст: за ним картины, шелковые обои. Бильярдная Николая II. Огромный бильярд, диван вдоль всей стены. Вперед, мимо! А вот библиотека. Многие журналы лишь месяц назад поместили на своих страницах фотографию Керенского, снявшегося здесь, в бывшей библиотеке Николая II, за его письменным столом. Пинок ногой в стол, и дальше вперед!

А дальше вместо стен, затянутых холстом,— кабинет в нетронутom виде. Обои, стрельчатые двери и окна, картины на стенах, крупнейший камин. «Что же это такое, братцы?» — «Будто и революции не было!» Гуд возмущения проносится по рядам наступающих. Уже восемь месяцев, как сняты царские портреты, императорские орлы, даже вот с решеток Зимнего, а здесь все в нетронутom виде! Разочные, матросы и солдаты не знали, что художественно-историческая комиссия постановила сохранить кабинет Николая II в Зимнем в качестве «мемориального» и Временное правительство согласилось с этим предложением. «Ах вы сволочи временные, вот вы чем за нашей спиной тешились!» Протыкали штыками изображение ненавистного императора, били ногами его письменный стол, выворачивали ящики на пол и, отодвигая канцелярские столы, опрокидывая стулья, топчя уже потерявшие свой смысл бумаги, двигались дальше. Миновали кабинет заместителя министра-председателя А. И. Коновалова. Всего пять минут назад Коновалов еще приходил сюда и говорил по телефону с городской думой. Он успел сказать несколько фраз: «Ворвался Временный революционный комитет! У нас всего небольшое количество юнкеров... стараются отбиваться! Через несколько минут мы будем арестованы!» Теперь у телефона поставили часового. И сразу же телефон зазвонил. «Что угодно, откуда говорят?» — спросил часовой. Городской голова Шрейдер ответил: «Из городской управы, хочу узнать: что у вас делается?» — «Я часовой, ничего у нас не делается!» — сказал тот.

Пройдя еще несколько комнат, матросы, красногвардейцы и солдаты оказались в ярко освещенном Малахитовом зале. Обогнув стол заседаний Временного правительства, изогнутый в виде буквы «П», через открытую дальнюю дверь они увидели стоявших к ним спиной юнкеров, а за ними своих! Юнкера, обернувшись на шум,

поняли, что окружены, их строй смешался. Их тут же обезоружили и оттеснили, Антонов распахнул дверь в Малую столовую. Было 1 час 50 минут ночи 26 октября 1917 г. О последних минутах Временного правительства поведал в своих воспоминаниях П. Н. Малянтович: «Дверь распахнулась... Вскочил юнкер. Вытянулся во фронт, руку под козырек, лицо взволнованное, но решительное: «Как прикажете. Временное правительство? Защищаться до последнего человека? Мы готовы, если прикажет Временное правительство». — «Этого не надо! Это бессмысленно! Это же ясно! Не надо крови! Надо сдаваться!» — закричали мы все, не сговариваясь, а только переглядываясь и встречая друг у друга одно и то же чувство и решение в глазах».

Юнкер выскочил обратно и буквально тотчас дверь снова открылась. На ее пороге появился Антонов-Овсенко в распахнутом пальто, в широкой фетровой шляпе, сдвинутой на затылок, на рыжеватых длинных волосах, с коротко постриженными усами. Следом за ним несколько десятков красногвардейцев, солдат и матросов с винтовками, которые мгновенно встали вдоль свободных стен и у всех дверей. «Как вода, разлилась сразу по всем углам и заполнила комнату», — записал Малянтович. «Они сидят за столом и сливаются в одно серо-бледное трепетное пятно, — вспоминал впоследствии этот миг В. А. Антонов-Овсенко. — Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными! — Являю им я». — «Члены Временного правительства воспринимаются насильно и сдаются, чтобы избежать кровопролития», — сказал Коновалов.

ПОБЕДА

Огромное, нечеловеческое напряжение вдруг разрядилось и спало. Весть об аресте правительства быстро передавалась от передних рядов к задним. Все остановилось, ожидая дальнейших команд. Понимая величие сделанного, участники штурма Зимнего были исполнены гордости и счастья. Приказ Военно-революционного комитета Петроградского Совета, самого Ленина выполнен. Власть окончательно вырвана из рук буржуазного Временного правительства. Условия для создания первого в истории Советского правительства созданы.

Потребовалось некоторое время, чтобы установить порядок в Малой столовой, организовать необходимую охрану, осмотреть документы министров, отобрать личное оружие у тех, кто имел его. Антонов назначил Чудновского первым комендантом Зимнего дворца и поручил выразить благодарность всем принимавшим участие в штурме, а также очистить дворец от случайных людей. Оставив только надежные караулы, Чудновский отдал первые необходимые распоряжения. С телефона Коновалова он позвонил на Центральную телефонную станцию, попросил включить телефоны Зимнего и передал по районам города и в Смольный следующую телефограмму: «В 2 часа 4 минуты был взят Зимний дворец. 6 человек убито павловцев. Комендант Зимнего дворца Чудновский».

Тем временем В. А. Антонов-Овсеенко переписал министров, составил следующий протокол: «25 октября в 2 часа 10 минут ночи арестованы членом Временного революционного комитета Исполнительного комитета Совета р. и с. Антоновым по постановлению комитета контр-адмирал Вердеревский, министр госпризнания Кишкин, министр торговли и промышленности Коновалов, земледелия Маслов, путей сообщения Ливеровский, управляющий военным министерством Манниковский, Гвоздев, Малянтович, Третьяков, генерал для поручений Борисов, контролер Смирнов, просвещения Салаз-

кин, финансов Бернацкий, иностранных дел Терещенко, помощник особоуполномоченного Временного правительства Рутенберг, почт и телеграфов Никитин, исповедавший Карташев, Пальчинский. Прочие офицеры и юнкера обезоружены и отпущены. Взяты 3 папки и портфель министра народного просвещения»¹.

Между тем штурмовавшие дворец солдаты, матросы и красногвардейцы скоро обнаружили, что среди арестованных министров нет Керенского. Это вызвало большое огорчение и недовольство в их рядах. Пронесся слух, что Керенский спрятался в одном из запертых залов. Открыли Концертный зал. Он был совершенно пуст. Следующие двери вели в огромный Николаевский зал, тускло освещенный лампочками-временками, свисавшими с люстр на белых шнурах. Сотни белых больших кроватей стояли в зале. Всюду на них сидели раненые с бледными испуганными лицами. Здесь размещалась одна из палат госпиталя, в которой лежали раненые с челюстными ранениями и ранениями в голову.

У кого-то родилась фантастическая мысль, что именно среди этих раненых спрятался Керенский, замотав свою голову бинтом. Но раненые дружно запротестовали и заверили, что никакого Керенского среди них нет. Разочарованные солдаты и матросы вернулись к Арапскому залу, к Малой столовой, где все еще переписывали министров. Возможно, они и придумали версию о бегстве Керенского в наряде «сестры милосердия».

Анархистствующие элементы стали требовать немедленного самосуда над министрами, поскольку их главаря не оказалось во дворце. Раздавались крики: «Смерть им!» В воздух поднимались винтовки, щелкали затворы. Антонову-Овсеенко и Чудновскому с величайшим трудом удалось навести порядок. Они от имени ВРК назначили охрану, которая оцепила арестованных министров. По Темному коридору арестованные и конвой дошли до Салтыковской лестницы, спустились по ней в вестибюль и вышли через главные ворота на площадь. Тут всем пришлось перелезть через дрова, которыми юнкера задержали выезд из дворца.

Когда участники штурма, которые по выходе из дворца не торопились расходиться по домам и казармам, увидели бывших министров, то снова послышались возбужденные выкрики с призывом к расправе. Вновь Ан-

¹ Правда, 1917, 27 октября.

тонов-Овсенко, а также и другие комиссары ВРК, находившиеся на площади, убеждали солдат, матросов и рабочих разойтись, говорили, что революционная честь и правосознание не допускают самосуда. Толпа с большой неохотой соглашалась. Но когда министров стали подводить к машинам, чтобы отвезти в Петропавловскую крепость, возбуждение вновь увеличилось: «Невелики баре, прогуляются пешком!» — кричали из толпы. Чтобы не обострять конфликта, Антонов-Овсенко согласился на пеший переход, и вскоре процессия, сопровождаемая сотнями любопытных, двинулась по Миллионной улице в сторону Марсова поля.

Около 3 часов ночи процессия вошла на Троицкий мост. Застава на другой стороне заподозрила неладное и выслала вперед автомобиль, открывший предупредительный огонь. Охрана и министры бросились на мостовую и залегли. Навстречу автомобилю побежали парламентареры. «Не стреляйте, — кричали они, — свои!» Недоразумение разъяснилось, и вскоре министры были препровождены в гарнизонный клуб Петропавловской крепости. Там их снова переписали, составили новый протокол и в пятом часу утра 26 октября развели по одиночным камерам Трубецкого бастиона.

Весть об аресте Временного правительства в результате штурма Зимнего дворца быстро распространилась по Петрограду. Рабочие, солдаты и матросы, все трудящиеся Петрограда радовались этой исторической победе. Лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий, до последней минуты надеявшиеся спасти буржуазное Временное правительство, не хотели признать свое поражение и стали плести нити новых заговоров против народа.

В Смольном в 3 часа 10 минут ночи возобновил свою работу Второй Всероссийский съезд Советов. Весть об аресте министров значительно разрядила обстановку на съезде. Нескрываемая радость проявилась в бурных аплодисментах, которыми делегаты встретили это сообщение. Только эсеры пытались протестовать против того, что четверо социалистов-революционеров «брошены в Петропавловскую крепость — историческую могилу русской свободы». Им был дан должный отпор. Съезд наконец приступил к деловой работе. Перед делегатами выступил представитель царкосельского гарнизона, заверивший съезд, что гарнизон охраняет подступы к революционному Петрограду. «В самый критический момент, — заявил он, — оборонцы ушли из Совета и отка-

хотелось работать с нами. Вся работа легла на нас одних, и мы решили: погибнем, но будем защищать свои позиции».

По опустевшему Зимнему дворцу в это время путешествовала первая группа иностранных журналистов — Джон Рид и его спутники. Опоздав к моменту штурма и задержавшись в вестибюле Комендантского подъезда, они вышли к воротам дворца, когда через них выводили арестованных министров Временного правительства. Попросив у красногвардейцев разрешения войти внутрь дворца, журналисты, по словам Рида, «поднялись вверх по лестнице и стали обходить комнату за комнатой. Эта часть дворца была занята другим отрядом, наступавшим со стороны Невы. Картины, статуи, занавеси и ковры огромных парадных апартаментов были нетронуты. В деловых помещениях, наоборот, все письменные столы и бюро были перерыты, на полу валялись разбросанные бумаги. <...>

Старые дворцовые служители в своих синих ливреях с красной и золотой отделкой стояли тут же, нервно поторя по старой привычке: «Сюда, барин, нельзя... воспрещается...» Наконец мы попали в малахитовую комнату с золотой отделкой и красными парчовыми портьерами, где весь последний день и ночь шло непрерывное заседание совета министров и куда дорогу красногвардейцам показали швейцары. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, оставался в том же положении, что и перед самым арестом правительства. Перед каждым пустым стулом на этом столе находились чернильница, бумага и перо. Листы бумаги были исписаны обрывками планов действий, черновыми набросками воззваний и манифестов. Почти все это было зачеркнуто, как будто сами авторы постепенно убеждались во всей безнадежности своих планов... На свободном месте видны были бессмысленные геометрические чертежи. Казалось, заседавшие машинально чертили их, безнадежно слушая, как выступавшие предлагали все новые и новые эмерсические проекты. Я взял на память один из этих листков. Он исписан рукой Коновалова. „Временное правительство,— прочел я,— обращается ко всем классам населения с предложением поддержать Временное правительство...“¹

¹ Рид Джон. Указ. соч., с. 100.

Пятерка иностранцев так увлеклась, что не заметила, что по пятам у нее давно ходит группа красногвардейцев и солдат, прислушиваясь к незнакомой речи: «Не немцы ли?» От журналистов потребовали объяснений. Только энергичное вмешательство Г. И. Чудновского спасло американцев от ареста. Он вывел их из Зимнего через Детский подъезд на Неву, и они поспешили в Смольный.

В Смольном еще продолжалось первое заседание съезда Советов. С его трибуны представители 3-го и 5-го самокатных батальонов, задержанных на станции Передольская, заявили, что окажут помощь не свергнутому Временному правительству, а Петроградскому Совету и Всероссийскому съезду Советов. «Среди самокатчиков нет никого, — сказал представитель 3-го батальона, — кто согласился бы проливать братскую кровь или поддерживать правительство капиталистов!»

Попытка меньшевика-интернационалиста Капеллинского снова увести съезд от деловой работы (он предложил создать особую комиссию из делегатов съезда, которая бы попыталась найти мирный выход из «создавшегося положения», сформировать «единую демократическую власть»), была отвергнута большинством. Из зала слышались негодующие возгласы: «Нет никакого мирного исхода!», «Единственный выход — победа!» Под общий смех меньшевики-интернационалисты покинули зал. По предложению большевистской фракции съезд постановил перейти к очередным делам.

А. В. Луначарский огласил написанное В. И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!». В нем говорилось:

«Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано» Излагалась программа Советской власти: предложение демократического мира всем народам и немедленного перемирия на всех фронтах, безвозмездная передача помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отставание прав солдат и полная демократизация армии, установление рабочего контроля над производством, обеспечение созыва Учредительного собрания, доставка в города хлеба и предметов первой необходимости, обеспечение всем нациям,

населяющим Россию, подлинного права на самоопределение.

В воззвании указывалось, что вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок. Съезд призывал солдат оказывать решительное противодействие Керенскому в его попытках вести войска на Петроград, останавливать железнодорожные эшелоны с этими войсками. «Солдаты, рабочие, служащие,— говорилось в заключении воззвания,— в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира! Да здравствует революция!»

Под воззванием стояла подпись Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. По просьбе делегатов крестьянских Советов их подпись была единодушно присоединена к первой подписи.

В 5 часов 17 минут утра 26 октября 1917 г. Н. В. Крыленко поднялся на трибуну съезда, чтобы огласить приветственную телеграмму от 12-й армии — основной ударной силы Северного фронта, ближайшего к революционному Петрограду. В ней сообщалось, что солдаты создали свой Военно-революционный комитет. Командующий армиями Северного фронта генерал В. А. Черемисов признал комитет, а комиссар фронта меньшевик В. С. Войтинский, назначенный Временным правительством, подал в отставку. Эта телеграмма свидетельствовала о поддержке революционного Петрограда ближайшим тылом и фронтом. Делегаты съезда восторженно встретили ее. По свидетельству Джона Рида, люди плакали и обнимали друг друга.

Около 6 часов утра первое заседание Второго Всероссийского съезда Советов закрылось. Съезд закрепил победу Октябрьского вооруженного восстания, принял из рук восставших всю полноту власти и объявил о переходе власти на местах к Советам.

Над Петроградом занимался новый день — первый день Советской власти. Утром 26 октября Петроград полностью контролировался Военно-революционным комитетом. Всякое сопротивление в городе прекратилось. Военный вопрос решился в столице в пользу большевистских Советов. Однако буржуазия не смирилась с победой восстания. Не признали перехода власти в руки Советов и меньшевистско-эсеровские лидеры. Поэтому внимание к укреплению и дальнейшему сплочению революционных сил нельзя было ослаблять.

Еще ночью было разоружено Павловское пехотное

училище на Петроградской стороне. Все оружие принял на хранение комитет училищной солдатской команды, а контрреволюционные офицеры были препровождены в Петропавловскую крепость. Красногвардейцы Выборгской стороны разоружили Михайловское артиллерийское училище. Полуроту 1-го Петроградского женского батальона из Павловских казарм отправили к месту ее постоянного расквартирования — на станцию Левашово. Назначали новых комиссаров на крупнейшие продовольственные объекты. Поздней ночью прибыл первый эшелон матросов и солдат из Гельсингфорса — свыше тысячи человек. Их разместили в казармах Московского гвардейского полка на Выборгской стороне. Оттуда же пришли в Петроград эсминцы «Самсон», «Забияка», «Деятельный» и «Меткий». Кронштадтскому Совету ВРК предложил сформировать новый отряд и направить его в Петергоф для разоружения оставшихся там юнкеров и для охраны шоссеиных дорог.

Днем 26 октября, пока еще не было создано Советское правительство, Военно-революционный комитет выступал как высший орган государственной власти. Он потребовал от экспедиции заготовления государственных бумаг не приостанавливать работу. С 27 октября открывались все торговые заведения. Были назначены комиссары в министерства иностранных дел, внутренних дел, юстиции, труда, финансов, государственного призрения, торговли и промышленности, почт и телеграфов и в другие государственные учреждения. На Северный фронт получил назначение новый комиссар — большевик Б. П. Позери. В связи с тем что центральный исполком флота при ЦИК Советов первого созыва (Центрофлот) занял контрреволюционную позицию, для руководства флотом был создан Военно-морской революционный комитет, который обосновался в Адмиралтействе. Военно-революционный комитет распорядился выпустить из Петропавловской крепости «министров-социалистов» и содержать их впредь под домашним арестом.

В газете «Рабочий и солдат» 26 октября было опубликовано обращение Второго Всероссийского съезда Советов к казакам с призывом поддержать Советы, не исполнять ни одного приказа врагов народа — помещиков и капиталистов. Петроградский Совет и Совет профсоюзов, а также Центральный Совет фабрично-заводских комитетов Петрограда призывали рабочих города прекратить все забастовки. Значительный ущерб про-

мысленности города наносила забастовка деревообделочников, организованных в профсоюз по цеховому призыву. Она парализовала работу многих петроградских предприятий. «Лучшее средство поддержать новое правительство — исполнять свое дело», — говорилось в обращении. И профсоюз деревообделочников прекратил свою забастовку.

Владимир Ильич Ленин на квартире В. Д. Бонч-Бруевича утром 26 октября получил подробные сведения об аресте Временного правительства и о первом заседании Второго Всероссийского съезда Советов. Он написал проекты первых декретов, с которыми съезд должен был обратиться к народам России и всего мира — Декреты о мире и о земле.

Вскоре Владимир Ильич направился в Смольный, вокруг которого все так же стояли броневики и красногвардейские караулы. Но если вчера лица бойцов революции выражали сосредоточенность и готовность к последнему бою, то сегодня они светились улыбками. Все радовались победе. Днем в Смольном проходили заседания Центрального Комитета большевистской партии и фракции большевиков Второго Всероссийского съезда Советов. Обсуждался вопрос о формировании правительства. Левым эсерам было сделано предложение войти в его состав, но они отказались. Фракция левых эсеров съезда требовала создания «однородного социалистического правительства» с участием тех партий и групп, которые ушли со съезда Советов. Если же это окажется невозможным, то поддержать чисто большевистское правительство, не входя в него. Учитывая позицию левых эсеров, ЦК РСДРП(б) по предложению В. И. Ленина решил сформировать и представить вечернему заседанию съезда на утверждение чисто большевистское правительство.

Второе и последнее заседание съезда открылось в 9 часов вечера 26 октября. На нем присутствовало 625 человек. Окончательно со съезда ушли всего около 50 человек, главным образом лидеры мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, закосневшие в политике соглашательства с буржуазией и в своей вражде к большевистской партии. Многие из рядовых членов этих партий вернулись на съезд и участвовали в принятии первых декретов Советской власти. На заседании присутствовали 390 большевиков и сочувствующих им, эсеров — 179, меньшевиков (главным образом интернационалистов) — 35, украинских социалистов — 21.

Президиум съезда доложил, что им сделаны срочные распоряжения об отмене смертной казни на фронте, об освобождении политических заключенных, а также о принятых мерах по задержанию Керенского. После внеочередных дезорганизаторских заявлений представителей руководства фракции меньшевиков-интернационалистов, не поддержанных большинством делегатов, съезд перешел к обсуждению вопроса о мире. Слово получил Владимир Ильич Ленин. Он предложил делегатам текст Декрета о мире. Этот документ гласил:

«Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,— таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций»¹.

Вождь большевистской партии обращался и к народам, и к правительствам. Он призывал не делать условия мира ультимативными и выражал от имени Советской власти готовность рассмотреть любые другие условия, настаивая лишь на гласности переговоров. Практические предложения декрета сводились к немедленному заключению перемирия на три месяца между воюющими государствами. За это время можно провести переговоры о заключении мира.

Обращаясь к сознательным рабочим крупнейших капиталистических держав, Ленин предупреждал, что «правительства и буржуазия употребят все усилия, что-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 13—14.

бы объединиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но три года войны достаточно научили массы. <...> Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму»¹.

Когда Ленин кончил свой доклад, в зале раздались бурные аплодисменты. Представители левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов, Польской социалистической партии (ППС), народники-социалисты Литвы, социал-демократы Польши, Литвы и Латвии поддержали Декрет о мире. Один оратор, меньшевик-интернационалист А. Д. Еремеев, заявил, что русские условия мира должны быть все-таки ультимативными. Ленин в своем заключительном слове возражал против этого, чтобы не закрывать дорогу для любого предложения о мире со стороны воюющих государств.

Съезд единогласно принял ленинский Декрет о мире. Долго не смолкала овация. Стоя делегаты запели пролетарский гимн «Интернационал», а потом «Вы жертвою пали в борьбе роковой...». Это была память о тех, кто не дожид до этого часа, когда в едином порыве люди сблизились, услышав прямые и честные слова о мире. Многие плакали. Казалось, вся Россия присутствовала в этом зале.

В. И. Ленин выступил докладчиком и по вопросу о земле. Декретом о земле помещичья собственность отменялась немедленно и без всякого выкупа. Принципиальные положения большевистских предложений по земельному вопросу были изложены Лениным еще в «Апрельских тезисах», в докладе VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), в открытом письме Первому Всероссийскому съезду крестьянских депутатов и в выступлении В. И. Ленина перед делегатами этого съезда в мае 1917 г. Однако на том съезде выяснилось, что крестьяне, не возражая против превращения всей земли в общенародную собственность, желают сохранить крестьянскую общину, уравнительное землепользование с периодическими переделами наделной земли. Эти принципы развивались и поддерживались в основном партиями, которые вели свое происхождение от народников шестидесятых — семидесятых годов XIX века, и прежде всего эсерами. Эсеры главенствовали в избранном крестьянском съезде Всероссийском Совете крестьянских депутатов, который свел воедино требования 242 крестьянских наказов по вопросу о земле. Свод-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 17—18.

ный примерный наказ был напечатан в № 88 «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» 19 августа 1917 г. в Петрограде.

Ознакомившись в Гельсингфорсе, во время своего финляндского подполья, с содержанием примерного наказа крестьян, Ленин пришел к выводу о необходимости включить текст этого наказа, продиктованного самими крестьянами, в закон о земле, который примет пролетарское государство. Ленин сохранил газету с текстом наказа, привез ее с собой в Петроград. Ко времени своего «Доклада о земле» на Втором Всероссийском съезде Советов Ленин имел в своем распоряжении и рукопись, написанную им утром этого дня на квартире Бонч-Бруевича, и номер газеты, доставленный с его последней конспиративной квартиры М. В. Фофановой.

Декретом о земле все земли — помещичьи, удельные, монастырские, церковные — со всем живым и мертвым инвентарем передавались в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. К декрету прилагался и Крестьянский наказ о земле. На возражения о том, что этот наказ составлен на основе эсеровской программы, Ленин ответил: «В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устроят свою жизнь»¹.

Для обсуждения декрета по фракциям был объявлен перерыв. Когда в 2 часа ночи заседание Второго Всероссийского съезда Советов возобновилось и Декрет о земле был поставлен на голосование, он был принят почти единогласно (против 1 при 8 воздержавшихся). Снова в зале вспыхнула овация. Не только большевики и сочувствующие им, как видно из результатов голосования, но и представители других социалистических партий, присутствовавшие на съезде, голосовали за ленинский декрет, за немедленное разрешение аграрного вопроса.

Наконец, съезд принял предложенное большевистской фракцией «Постановление об образовании нового правительства». В нем говорилось: «Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Ко-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 27.

миссаров». Совнарком, как стали сокращенно называть новое правительство, объявлялся ответственным перед Всероссийским съездом Советов и его Центральным Исполнительным Комитетом. В списке Совета Народных Комиссаров первым был назван его Председатель Владимир Ильич Ленин.

Хотя левые эсеры и меньшевики-новожизненцы возражали против формирования съездом правительства и предлагали избрать на нем лишь Временный исполнительный комитет, большинством голосов постановление, предложенное большевистской фракцией, и список нового правительства были утверждены. Избран новый Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в составе 101 человека, съезд Советов завершил свою историческую работу.

Было 5 часов утра 27 октября 1917 г. Лозунг «Вся власть Советам!», который был провозглашен большевиками еще в апреле 1917 г. и под которым победила Великая Октябрьская социалистическая революция, стал теперь действительностью. Трудовой народ России получил свою власть, за которую отныне был готов сражаться и умереть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде стала лишь началом ожесточенной борьбы за установление Советской власти на территории всей нашей страны. Неделю длилась борьба за власть Советов в Москве. В других местах она продолжалась несколько месяцев, а кое-где затянулась и на многие годы. И все же вся эта цепь событий просто не могла бы появиться, если бы не было ее начального и самого главного звена: вооруженного восстания в Петрограде и образования Советского правительства во главе с В. И. Лениным. Ленин часто называл Октябрьскую революцию «революцией 25 октября», подчеркивая тем самым исключительную роль вооруженного восстания в Петрограде.

А в этом восстании важное место заняли штурм Зимнего дворца и арест буржуазного Временного правительства. Автору этой книги хотелось как можно подробнее рассказать о штурме Зимнего. Прошло уже 70 лет с момента взятия революционными силами резиденции Российского Временного правительства, но и до сего дня мы не все знаем об этом событии. Поиск историков еще приведет к появлению новых исторических источников, которые пока скрыты от глаз исследователей. Пусть судит читатель и мои коллеги-историки, насколько удалось решить автору поставленную задачу на сегодняшний день.

Зимний дворец сам по себе со своими лестницами, залами, гостиными, коридорами является своеобразным героем этой книги наряду с ее положительными и отрицательными персонажами: теми, кто организовал штурм дворца и осуществил его, и теми, кто сидел в страхе в его комнатах и отстреливался за баррикадой. Автор ставил своей целью, опираясь на накопленные знания, провести читателя по пути участников штурма Зимнего. И поскольку Зимний дворец тоже наш «герой», я хочу сказать несколько слов о его дальнейшей судьбе.

Уже 30 октября 1917 г. народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский, получивший в свое ведение и бывшее дворцовое ведомство, писал: «Выделить в Зимнем дворце те помещения, которые не имеют серьезного художественного значения, для общественных нужд, о каковых последует в свое время соответствующее распоряжение, в остальной части объявить Зимний дворец государственным музеем наравне с Эрмитажем». С 4 ноября 1917 г. дворец был закрыт для частных посещений впредь до окончания работ художественно-исторической комиссии по приемке ценностей Зимнего дворца.

После того как художественно-историческая комиссия зафиксировала последствия штурма дворца во внутренних помещениях, незначительные разрушения, причиненные дворцу, были быстро ликвидированы. Основная часть дворцового имущества, в том числе подготовленного к эвакуации, благодаря революционной сознательности и дисциплине восставших не пострадала. Уже через несколько месяцев внутренние помещения дворца обрели свой прежний вид. В бывших детских комнатах первого этажа Зимнего несколько месяцев работал А. В. Луначарский и сотрудники Наркомпроса.

9 октября 1919 г. Петроградский Совет принял решение об организации в Зимнем дворце Музея Октябрьской революции. 11 января 1920 г. этот музей уже был открыт. В нем сконцентрировались ценнейшие коллекции не только по истории революционных событий 1917 г. в нашей стране, но и по истории революционного и освободительного движения в России вообще. Одновременно открылись для обозрения исторические помещения: покои Александра III, Николая II, Александра II и Николая I. В 1927 г. проводилась частичная реконструкция бывших мемориальных комнат с распродажей части имущества, принадлежавшего последней императорской чете. Это нанесло определенный ущерб полноте коллекций и интерьерам дворца по отделу русской культуры Государственного Эрмитажа.

Как Музей Октябрьской революции и одновременно как художественно-исторический музей Зимний дворец просуществовал до начала Великой Отечественной войны. В период блокады Ленинграда над Зимним дворцом снова нависла угроза. В него попали 2 авиабомбы и 32 артиллерийских снаряда, которые причинили ему повреждения гораздо более серьезные, чем артиллерийский обстрел 25 октября 1917 г. Были в значительной степе-

ни разрушены главная лестница, Малый тронный зал, повреждения получили Николаевский и Гербовый залы. Большинство стекол во дворце лопнули и вылетели.

В 1945 г. решением правительства Зимний дворец был полностью передан Государственному Эрмитажу. Начался новый, очень благоприятный этап в его истории. Внутри дворца и на его фасадах проведены большие реставрационно-восстановительные работы. Было найдено чрезвычайно удачное бело-зеленое сочетание окраски стен, рельефно выделившее колонны, оживившее длинные фасады. Теперь нам даже трудно представить, что дворец когда-либо выглядел иначе. В залах и комнатах Зимнего дворца размещены сейчас многие отделы и коллекции Эрмитажа. В нем развернуты экспозиции по истории первобытной культуры, культуре и искусству Востока, по истории русской культуры, западноевропейского искусства, отдел нумизматики. В Аванзале, Николаевском и Концертном залах устраиваются временные выставки, которые всегда становятся событием в культурной жизни нашего города и всей страны. Восстановлены в первоначальном виде многие залы и помещения, имеющие огромное архитектурно-художественное значение: Сени, Главный вестибюль и Главная (Иорданская) лестница, Растреллиевская галерея, Октябрьская лестница, Ротонда, Малахитовый зал, Концертный зал, Большой зал, Гербовый зал, Георгиевский и Петровский (Большой и Малый тронные залы), Александровский зал, Белый зал. Постоянно ведутся работы по реставрации и восстановлению ценнейших художественных паркетных полов. Зимнему дворцу возвращено его истинное назначение — служить народу, воспитывать эстетическое чувство на лучших образцах, отечественных и зарубежных, культуры и искусства. Включив в свой состав Зимний дворец, Государственный Эрмитаж стал одним из самых крупных и лучших художественных музеев всего мира.

Проходя сегодня по спокойным и величественным залам дворца, вспомни, дорогой читатель, и о той исторической ночи, когда тысячи красногвардейцев, революционных солдат и матросов штурмовали Зимний, чтобы арестовать Временное правительство. Об этом гласят сегодня мраморные Памятные доски на Октябрьской лестнице и на камине в Малой столовой, где были арестованы буржуазные министры. Бронзовая мемориальная доска укреплена и на западном фасаде Зимнего дворца. Так история напоминает о себе современности.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, тт. 34, 35.
Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973.
- Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956.
- Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957.
- Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сборник статей. М.—Л., 1957.
- Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году. Л., 1967.
- Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Книга 2. Л., 1967.
- Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сборник статей. М., 1980.
- Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966.
- Старцев В. И.* От Разлива до Смелного. Документальный очерк о последнем подполье В. И. Ленина. М., 1977.
- Гришт А. Я., Старцев В. И.* Петроград — Москва, шоль — ноябрь 1917. М., 1984.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
ВЫСШАЯ ТОЧКА РЕВОЛЮЦИИ	6
НАКАНУНЕ	24
ВОССТАНИЕ НАЧАЛОСЬ!	44
ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ	58
ДЕНЬ 25 ОКТЯБРЯ	68
ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ ОКРУЖЕН	76
УЛЬТИМАТУМ	87
СИГНАЛ И ПЕРВЫЙ ПРИСТУП	96
ШТУРМ	109
ПОБЕДА	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
Литература	135

Виталий Иванович Старцев

ШТУРМ ЗИМНЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

Заведующий редакцией *Ю. А. Васильев*. Редактор *И. А. Ватагин Младший*. Редактор *Л. И. Захаров*. Художник *В. В. Беляков*. Художественный редактор *А. К. Тимощевский*. Технический редактор *И. Г. Сидорова*. Корректор *Т. П. Гуренкова*.

ИБ № 3898

Сдано в набор 25.08.86. Подписано к печати 21.12.86. М-38743. Формат 84×108¹/₂. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,14+вкл. 0,84. Усл. кр.-отт. 8,61. Уч.-изд. л. 7,77+0,69=8,45. Тираж 40 000 экз. Заказ № 536. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фитинк-ка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Отъ Военно - Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетариата и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложеніе демократическаго мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Совѣтскаго Правительства — это дѣло обеспечено.

**ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ
И КРЕСТЬЯНЪ**

Военно-Революціонный Комитетъ
при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

25 октября 1917 г. 10 ч. утра.